

63.3(2Рос-6Хав)

П 44

ПОДРОЖНИК

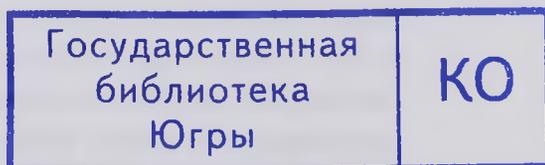
Выпуск 8

ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 8

Редактор-составитель
В.К. Белобородов

Ханты-Мансийск
Полиграфист
2007

- 0102444-2 -

ББК 63.3(2Рос-6Хан)

П44

П44 **Подорожник:** краеведческий альманах. Вып. 8 / ред.-
сост. В.К. Белобородов. – Ханты-Мансийск : Полиграфист,
2007. – 228 с.

© Белобородов В.К., автор идеи и составитель,
2007

© Учреждение ХМАО – Югры «Государственная
библиотека Югры», издание, 2007

© Оформление. ГП «Полиграфист», 2007

ISBN 978-5-89846-654-1

Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии

Одна из характерных черт нашего альманаха – регулярная публикация неизвестных доселе источников по истории края XIX–XX веков. В предыдущих выпусках это были тексты П. Животикова, А. Скалозубовой, В. Тверитина, И. Русакова, М. Корсунского, Э. Фелинской, Н. Скалозубова, М. Ларионовой.

Публикуемый в настоящем выпуске текст «Мои воспоминания о северном крае Тобольской губернии» хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве в фонде 1337 «Коллекция воспоминаний и дневников», опись 1, дело 322. Автор не указан, рукопись обрывается на 26-м листе и не имеет окончания. Воспоминания, как установлено по тексту, писались в 1889 году.

В феврале 2007 г. удалось прочесть воспоминания, и сразу возникла догадка об авторстве, переросшая во время чтения в уверенность. Помог сам автор, сообщивший довольно много о себе. Родился в Тобольске. Службу начал в губернском межевом ведомстве, участвовал в работе межевых колонизационных партий в южных округах Тобольской губернии. Весной 1873 года получил назначение на службу в Кондинский участок Березовского округа. Неплохо осведомлен о жизни Сургутского, Туринского и Тарского округов Тобольской губернии.

Все это было и в жизни тобольского чиновника, коллежского асессора Алексея Васильевича Титова, чьи рукописи «Где тонко – тут и рвется: Заметка о Березовском крае» и «Обдорская ярмарка. По рассказам очевидцев и деятелей» были найдены в 1999 году в Государственном архиве Омской области и впервые опубликованы в первом выпуске «Подорожника» (Тюмень, 2002). А кроме того, – почти полная идентичность почерков, характерные тематические повороты, пространственные отступления от главной темы, необычные для делового документа пуб-

лицистические нотки, тщательность аргументации и другие стилевые особенности не оставляли сомнений: писал то и другое один человек – Алексей Васильевич Титов. Этим именем и подписан публикуемый текст воспоминаний, в котором любитель истории Сибири, уверен, найдет для себя интересные подробности.

Редактор

В Кондинский участок Березовского округа я прибыл 1 апреля 1873 года, а выехал из Тобольска на третий день праздника Благовещения, т.е. 27 марта.

В этот памятный для меня день отъезда в отдаленный северный край губернии на службу было сильно холодно и дул навстречу резкий северный ветер, а я ехал в открытом экипаже (рогоженной кошеве), и результатом всего этого получилось то, что я в начале нашей северной весны на первой же станции от Тобольска отморозил себе нос. Правду говорит пословица, что одна ласточка не делает весны, а я могу теперь по опыту сказать, что указание в календаре не может служить достаточным доказательством того, что действительно весна наступила.

Родившись в Тобольске и первоначально служа по межевому ведомству, принадлежащему к Министерству юстиции, я по делам службы бывал почти во всех округах губернии, кроме северных Березовского и Сургутского и северной половины Тобольского, населенного частью крестьянами и частью – инородцами остяками (вогулами), а потому эта северная часть Тобольского округа с ее разноплеменными обитателями начала меня интересовать с самого первоначального пути в отдаленный инородческий север, пограничный с Ледовитый океаном, обитаемый остяками, вогулами, самоедами и частью зырянами.

Проехав 550 верст до пограничного с Березовским округом села Самаровского, т.е. всю северную половину Тобольского округа, и половину пути до г. Березова, до которого по почтовому дорожному считается от Тобольска 1100 верст, я заметил, что вся северная половина этого округа заселена небольшими деревнями и селами по берегам реки Иртыша и преимущественно в долине, хотя правый берег реки горный и довольно возвышенный, но он от извилистой своей реки то удаляется, то приближается к ней, то висит отвесною стеною над рекой, то едва виден верст за 5, за 10 и за 15.

Отвесные берега являются опасными для едущих по реке, так как они, будучи глинисто-песчаными, подмываемые постоянно водой, отбрасываются в реку. Мне указывали на отвесный берег в одном изгибе реки, близ деревни Вошки, который, имея приблизительную высоту сажен до 30 в отвесе, почти ежегодно обваливается в реку глыбами в длину до 50, а в толщину от 5 до 10 и более сажен. В этом месте паровая шкуна фирмы «Функ и Щербаков» во время хода ее была выброшена с середины реки валом от павшего обрыва на противоположный берег. Хлынувшая волна затопила луговой берег на большое пространство. Когда же вода обратно укатилась в реку, шкуна так и осталась на сухом месте поврежденной в некоторых частях ее. Только благодаря одной случайности особых несчастий с экипажем и пассажирами не последовало. Все отделались только ушибами.

Мне впоследствии довелось видеть лично волну, выбежавшую на берег от падения обрыва в другом месте Иртыша, которая внезапно захватила меня, хотя я находился на далеком пространстве от реки. Я был на луговой стороне и стоял около дерева, дожидаясь перелета уток; со стороны реки слышался сильный шум, а за ним вскоре толстым слоем появилась и вода. Я схватился за дерево и зараз очутился в воде по колени и находился в таком положении, пока этот неестественный прилив не укатился обратно в реку. В это время находившийся на лугу мелкий скот (овцы, телята), захваченный внезапной волной, был далеко увлечен и частично погиб.

Вся низовая долина реки Иртыша во время весенних больших разливов покрывается водою, а по этому случаю и все прибрежные села и деревни иногда бывают затопленными на долгое время. На это время весь скот отгоняется в лес, на пригорки и там сохраняется.

Река Иртыш и притоки ее для всех обитателей долины служат единственным способом сообщения их между собою. Летом ездят на лодках, а зимой по льду на лошадях, а так как на всем протяжении низового течения реки за 35 верст от Тобольска сухопутного сообщения вовсе нет, то и почта в Березов и Сургут перевозится этим же способом.

Интересующие меня инородческие поселения (юрты-паули) стали попадаться мне с половины проеханного пути за 280 верст от Тобольска, за селом Демьянским, но не сплошь, а вперемежку. Сплошное же инородческое поселение разбросано по притокам реки Иртыша – речкам Конде и Демьянке. Первая впадает в Иртыш слева близ села Реполовского за 440 верст от Тобольска, а последняя при селе Демьянском.

Иртышские инородцы – уже оседлые, они живут в таких же деревянных домах, как и крестьяне, и костюм их ничем не отличается от русских. Многие из них говорят довольно правильно по-русски.

Вершины речки Конды находятся в Пелымском северном крае Туринского округа и также населены инородцами вогулами, а вершины Демьянки находятся в пределах Сургутского округа.

Речка Конда, населенная инородцами двух волостей – Верхне-Кондинской и Нижне-Кондинской, имеющих среди себя два села – Леушинское и Нахрачевское, – славится урожаем ягод, а именно там, в сосновых борах, растет преимущественно брусника, которая в иные годы бывает темная, сладкая и крупная, как клюква. Сбор этой ягоды производится семействами инородцев и в то время, когда ягоды уже совершенно созреют. Ягоды сохраняются до заморозу их на приготовленных в лесу полатях или навесах, на которых ее рассыпают тонкими слоями, а потому они и являются в продажу полными, не мятыми и не кислыми, как привозимые из других местностей.

В этой речке есть достаточно и разного рода рыбы, исключая красной – стерлядей и осетров, которую инородцы ловят как для себя, так и для продажи. В вершинах Конды водится также и пушной зверь: соболь, лисица, белка и проч. Соболев в прежнее время имел значительную ценность, и требование на него было большое, ныне же, вот уже несколько лет кряду, цены на шкуры этого зверя пали, и он стал почти что нипочем: самые лучшие темные шкуры, так называемые «круглые», ценятся на местах в инородческих улусах не более 4 рублей за шкуру, а на ярмарках Ирбитской и других самая высокая цена на них доходит до 7 рублей, между тем как в прежнее время, лет за 10, за 15, пара черных соболиных шкур стоила на месте их лова до 25 руб. и более.

Речка Демьянка, впадая в Иртыш справа из ущелья горного берега, ничем особенным не отличается, да она и редко населена инородцами, разве только и имеет некоторое значение в том, что в местностях, которые она прорезывает, водятся звери: сохатый (лось), олень, медведь и другие, охотой на которых как инородцы, так и крестьяне занимаются; да разве достопримечательна тем еще, что в 1844 году епархиальный архиерей преосвященный Георгий, бывший неутомимый путешественник по инородческому северу Архангельской губернии, посещавший несколько раз Мурманский берег Ледовитого океана, обозревая зимой свою новую тобольскую паству, пожелал поехать на оленях прямо по

направлению речки Демьянки в Сургутский округ в село Юганское Юганской инородческой волости для того, чтоб лично посетить инородцев на местах их жительств, и во время пути чуть не заморозил бывших с ним мальчиков-певчих.

От села Демьянского до Юганского нет прямого правильного сообщения, и только инородцы, кочевники этой местности, могли провести этот немалочисленный кортеж, сопровождаемый земским заседателем и инородческими старшинами, по редко населенной местности, составляющей пространство до 500 верст, орошаемое речками Демьянкой, Салымом, озером Ниги-тува и вершинами речек Малого и Большого Балыка.

Вся северная низовая долина Иртыша представляет собой узкую ленту длиною до 600 верст, тянущуюся от Тобольска до устья этой реки, впадающей в Обь, что за селом Самаровским верстах в 15. Вдоль этой ленты расположены поселения семи малолюдных волостей, из коих пять русских, крестьянских, как то: Уватская, Юровская, Демьянская, Денщикова и Самаровская. Часть Самаровской русской волости расположена еще на 100 верст далее и уже на восток по протоке Невлевой, вверх течения реки Оби, из которой эта протока и выпадает.

Ширина всей заселенной иртышной ленты самая ничтожная, ибо примыкающее к ней справа и слева громадное пространство совершенно необитаемо и состоит из погорелых хвойных лесов и кустарников, растущих по болотам, и больших чистых болот и частью озер, а потому все население и растянулось вдоль по реке, имея близ своих оседлостей самую ничтожную часть удобной земли под пашню, на которой засеивается только рожь и ячмень, да и этот хлеб по суровости климата не всегда дозревает. Совершенное же прекращение растительности хлебных злаков начинается с села Реполовского Самаровской волости, за 100 верст до села Самаровского.

При таких местных климатических условиях обитателям северной половины Тобольского округа постоянно приходится продовольствоваться покупным хлебом, извлекая средства на этот предмет из других источников, а именно: в летнее время они преимущественно занимаются промыслом рыбы и частью сбором кедровых орехов в оставшихся от пожаров урманых кедровниках. Урожай кедровых орехов бывает не ежегодно, а периодически: года через два, три и даже четыре. Наловленную рыбу они сдают на местах крупным рыбопромышленни-

кам в засол по ценам, назначенным сими последними. Зимой же они, имея в достаточном количестве рабочих лошадей, представляют собой главную перевозочную силу на перевозе продуктов бассейна Иртыша и многоводной и обильной рыбою Оби и ее притоков. Продукты эти – тоже рыба, только в мороженом виде. Эту рыбу ловят поздней осенью, а также и во время лета большими неводами, и садят в сады (большие пруды), и по заморозу рек вылавливают и морозят.

Главным складом этой мороженой рыбы, выражающей собою цифру, доходящую в иные годы до 100000 пудов, является Самаровская волость и преимущественно села Самаровское, Базьянское и Реполовское, а в Березовском округе, по реке Оби – Елизаровское, Сухоруковское, Малоатлымское, Шеркальское и Чемашевское. В этих пунктах живут несколько лиц из разбогатевших крестьян, которые, имея рабочие артели, занимаются промыслом рыбы на арендуемых ими песках в пределах Тобольского и Березовского округов. Снулую рыбу, доставляемую им туземцами-инородцами и крестьянами, они солят, а живую садят в сады. Кроме того, они скупают и мороженую рыбу у мелких рыбопромышленников. А так как эти лица, кроме того, занимаются и торговлей всеми товарами и предметами, необходимыми для обитателей сурового и непроизводительного севера, то покупку мороженой и уснувшей рыбы они делают большей частью обменом на эти предметы потребления, ставя их втридорога и в то же время удешевляя продукты, предлагаемые им туземцами, которые в силу крайней необходимости должны сбывать их за какую-либо цену, чтоб поддержать свое существование.

Так, например, моксун (из семейства сиговых), представитель лучшей белой рыбы в бассейне Оби, добываемый инородцами мелкими сетями (колыданами), скупщики рыбы принимают в засол по 10 копеек за штуку и за десять таких рыб дают десять аршин мешочного холста. Моксун, приготовленный свежепросольно, доставленный в Тобольск, представляет собою уже феноменальную ценность. В последние три-четыре года свежепросольный моксун на Тобольском рынке продавался от одного рубля до рубля пятидесяти копеек за штуку. Кроме того, надо принять во внимание еще и то, что из этой рыбы вынуты первым скупщиком икра и жир, составляющие всю и даже более ценность. Крупная моксуновая икра, хорошо приготовленная в соленом виде, продается на Тобольском рынке от 40 до 75 коп. за фунт. Само собою разумеется, что не все моксуны приготовляются свежепросольно, а только те из них,

которые пойманы к концу рыболовного сезона. Добытые же ранее поступают в крутой засол, а оттуда в стопы, почему и называются стоповыми. Свежепросольный, или бочечный, моксун доставляется с места лова в бочках, в которых он и готовится. Он подается к столу в числе других снедей, и многие любители предпочитают его привозной и тоже ценной печерской семге.

Вся наловленная в бассейнах Иртыша и Оби рыба вывозится первоначально в Тобольск, а отсюда на главные рыбные рынки – в Екатеринбург и Ирбит на ярмарку. Мороженная – по первому зимнему пути, а соленая – в конце сентября. Эта последняя погружается на рыбацкие суда (паузки и баржи), которые и буксируются пароходами, нарочито приходящими за этими судами в Березовский край на места их стоянки по пескам, так как постоянное и правильное пароходное сообщение от Тобольска вниз Иртыша идет только до села Самаровского, а далее уже вверх по Оби, на Сургут, Нарым и Томск, а от этого направления Березов остается в стороне на 500 верст.

Цифра соленой рыбы всегда зависит от хорошего улова и при этом условии достигает в максимуме своем до 500000 пудов.

С открытием навигации из Тобольска в Березовский край, низовья Оби сплавляется до 40 рыбацких судов с рабочими артелями и всеми материалами и припасами. Кроме того, они снабжаются также и всеми необходимыми для обитателей севера продуктами и частью – товарами и таким образом снабженные представляют собою во время пути плавающий рынок. А так как суда эти, несомые только течением, плывут довольно тихо, то к ним навстречу и выезжают жители сел и деревень для покупок нужных им припасов.

Из этого количества судов только до шести останавливаются в пространстве до г. Березова на песках Сухоруковских, Малоатлымских, Шеркальских и Чемашевских, а остальные плывут за г. Березов к последнему северному русскому поселению Обдорску и далее в Обскую губу – в область самоедов. Недавно открыты промыслы рыбы и в Тазовской губе, принадлежащие компании «Функ и Щербаков» и самостоятельно англичанину Вартроперу, которыми для вывозу наловленной рыбы устроены две небольшие паровые шкуны «Обь» и «Таз». Кроме этих пионеров крайнего севера, в этой же местности, близ устья реки Пур, впадающей в Тазовскую губу, занимаются промыслом рыбы и два брата Тетюцкие, торговые жители г. Сургута, и один или двое из

жителей г. Березова. На месте промысла сих последних есть уже небольшое поселение, так как эти личности почти постоянно живут тут. Они отбывают из этого пункта только в начале зимы в Сургут и Березов и возвращаются на оленях в марте месяце.

Компания «Функ и Щербаков», а также и Вартропер пойманную рыбу готовят в соленом виде, а последнюю сажают в сады, а потом морозят и вывозят ее на оленях. Промысел рыбы производится артелями самоловщиков, а также и неводами. До прибытия этих пионеров промыслом рыбы занимались туземцы, кочевники этой местности самоеды, и ловили эту рыбу самым первобытным способом: сетями, приготовленными из тонких прутьев или лесных волокон. Наловленную рыбу они также вывозили в Сургут в мороженом виде, что и теперь делают. Представителями этой рыбы являются преимущественно осетры и стерляди, первые бывают весом до восьми пудов, а последние – более пуда. Будучи в Сургуте, мне доводилось видеть громадного и жирного тазовского осетра, привезенного самоедами на двух сплоченных вдоль нартах (санях). Он весил более 8 пудов; а также и стерлядь весом более пуда, внутренность которой была положительно залита янтарным жиром.

Сообщение нового русского рыбацкого поселения с г. Сургутом проложено самоедами прямо сначала по реке Пуру, а затем по улусам сургутских остяков, разбросанным по реке Агану, впадающему с севера в Обь недалеко от Сургута, что составляет по прямому направлению до 600 верст. На середине этого пространства, между вершинами Пура, Надыма, Агана и Трем-Агана есть небольшой водораздел: первые две реки имеют течение на север, а последние – на юг.

Первый русский человек, проехавший по этому пространству с самоедами, был житель г. Березова Мамеев, а затем в начале 1879 года командированный по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова для исследования этой местности состоящий при Западно-Сибирском отделе Имперского географического общества классный топограф Хандашевский. Его сопровождал Мамеев как уже раз проехавший эту местность и несколько казаков березовской команды. Хандашевский из Обдорска проехал на оленях в Обскую губу к устьям реки Надыма, к постоянным летним промыслам купца, крупного рыбопромышленника и главного скупщика привезенной в Тобольск мороженой рыбы Корнилова, а отсюда по направлению этой реки к югу, в вершины р. Трем-Агана и по ней в г. Сургут.

Заканчивая краткие сведения о рыбопромышленности на крайнем севере, я снова возвращаюсь в долину Иртыша, где в начале зимы бывает особенно значительный промысел рыбы и преимущественно стерляди, называемый местными жителями «юровым». Он бывает единовременно и не на всем пространстве низового Иртыша, а местами и именно в тех пунктах, где река имеет более значительную глубину; жители эти места называют ямами, куда стерлядь собирается на зимнюю стоянку.

Для юрового промысла стерляди употребляются самоловы, которые опускаются под лед в небольшие проруби, сделанные во всю ширину реки недалеко друг от друга. Таким образом ко времени лова весь почти лед над ямами и поблизости их издалбливается этими прорубями с вложенными в них самоловами; и когда все способы лова готовы, тогда начинают подымать стоящую на глубине рыбу, волнуя воду длинными шестами. Испуганная рыба, поднявшись из своего спокойного ложа, попадает на бесчисленное множество острых самоловных уд. На этот промысел собирается много народу, так как он и разовый, и скорый – «юровой», при котором к каждому самолову необходимо несколько рук, чтоб выбрать пойманную рыбу и вновь опускать поводки с удами в воду. Юровая стерлядь бывает жирная и янтарно-желтая.

С окончанием «юровой» крупный промысел рыбы как в Иртыше, так и в Оби совершенно прекращается. С этого времени в Оби появляется ничем еще не объяснимое замирание воды. Замор этот идет с самого севера и сначала по одной стороне реки, а потом по другой. Туземцы, аборигены страны, называют это явление «духом». Они говорят, что «дух» этот проходит по всей низовой Оби до г. Нарыма Томской губернии. Он захватывает и Иртыш в пределах Самаровской волости, т.е. на 150 верст от устья этой реки. Появление замора в воде отражается на всех потребителях: все начинают сильно кашлять. В это время река совершенно пустеет; вся рыба, почуя «дух», бежит к берегам, где имеются незамерзающие родники, и там останавливается, повернув головы к бьющей из ключей воде. В этих местах скопляется рыбы очень много, она становится близ берега одна над другой, представляя собою большую кубическую фигуру. В конце зимы туземцы выслеживают эти места, прорубают проруби и вытаскивают рыбу небольшими баграми, так как рыба, увидев отверстие, выставляет головы поверх воды.

Влияние замора на рыбу таково: отделившись от родника, она начинает кружиться и сплывает на поверхность воды уже мертвой.

В большинстве случаев указателем мест остановившейся у ключей духовой рыбы служит след, проложенный лисицей: она первая отыскивает эти места и начинает ловить рыбу. Отысканию мест подстойной рыбы для лисицы служат обвалы льда у берегов, которые являются от убыли в реке воды, которая в начале зимы всегда сильно прибывает в Оби, так что выходит и на лед, затопляя на нем толстый слой снега. Такое явление туземцы называют «наледью». Когда же вода, постояв в таком виде недели две-три, снова укатывается в Ледовитый океан, то оставляет за собой в реке свободное пространство между водой и льдом, который постепенно оседает, отрываясь от берегов. Лисица же, проведая у обрывов стоящую рыбу, ловит ее.

Объяснив здесь о средствах, на которые жители северного края приобретают себе насущный хлеб и другие продукты, я скажу несколько слов и о доставке этого славного жизненного продукта к далеким местам их жительства.

С отплытием из Тобольска рыбацкой флотилии начинает приближаться к нему с верховьев Иртыша новая своеобразная флотилия. Это большие барки, нагруженные ржаным хлебом. Они сплавляются из Тарского округа за 700-800 верст от Тобольска и именно из южной половины его, которая, благодаря тучной почве, не требующей удобрения, славится урожаями ржаного хлеба и пшеницы, который, несмотря на имеемые в округе четыре винокуренных завода, потребляющих до полумиллиона пудов в год, отпускается почти в таком же количестве в Тобольск и на отдаленный север губернии – в Березов и Обдорск. Кроме этого, в эти местности сплавляется хлеб и с верховьев Оби из пределов Томской губернии, этим последним обеспечивается преимущественно Сургутский округ.

Сплавляемый в Обдорский край хлеб скупается преимущественно инородцами Архангельской губернии зырянами, которые отправляют его на оленях за Урал, где ценность на хлеб доходит иногда до двух и более рублей, тогда как в Обдорске она редко достигает до рубля за пуд, несмотря на то, что он доставлен за три тысячи верст.

Независимо от этой свободной хлеботорговли, для полного обеспечения народного продовольствия правительством учреждены в нескольких пунктах казенные хлебозапасные магазины. Но так как в эти магазины хлеб доставляется не хозяйственным, а подрядным способом, то он и является всегда в довольно высокой цене, почему и не может

конкурировать с ценами вольных хлеботорговцев. Эти запасные магазины стоят только как стражи, охраняющие продовольственные цены на хлеб, и в крайних случаях являются уже существенной поддержкой существования. Впрочем, и в данное, и в прежнее время большая часть инородцев, несмотря на высокую ценность хлеба, обращается за ним в казенные магазины, так как он здесь отпускается и в долг. В некоторых случаях хлеб и в вольной продаже отпускается в долг, но он, несмотря на низкую, почти вдвое меньшую против казенной цену, в конце концов является всегда дороже казенной, ибо за него нужно заплатить продуктами по цене, назначенной хлеботорговцем.

Цены на хлеб остаются неизменяемыми только у тех хлеботорговцев, которые ведут торговлю собственно одним хлебом, как, например, березовский купец Окунев; он исключительно торгует хлебом и, отпуская его в долг, возвышает только несколькими копейками цену.

...Расставаясь с долиной Иртыша, я мог в то время с уверенностью заключить, что долина эта, имеющая на своем 500-верстном протяжении до семи тысяч жителей, не может служить в будущем к новым на ней поселениям, ей совершенно достаточно и естественного прироста настоящих обитателей, но заключениям моим, хотя и основанным на несомненных данных, не суждено было подтвердиться на самом деле. В прошлом 1888 году, как я, к крайнему моему удивлению, узнал, в самый северный пункт этой долины, а именно в район Самаровской волости, где, как мною уже объяснено, совершенно прекращается растительность хлебных злаков, Сибирским приказом о ссыльных распределено и поселено чрез Тобольскую экспедицию о ссыльных до 800 человек ссыльных. Чем руководился в этом случае Приказ, посылая такую массу ссыльных в самаровскую местность, не подходящую под условия закона о поселениях ссыльных (том XIV Устава о ссыльных), неизвестно.

Приведенным законом и общим о благоустройстве в казенных селениях (том XII) для сельских обывателей Сибири установлен земельный надел в 15-десятинной пропорции удобной земли на каждую ревизскую душу. В районах же многоземельных волостных дач, представляющих удобства к новым будущим поселениям, прибавляется в наделе ещё $\frac{2}{5}$ этой пропорции, т.е. по 6 десятин, из коих $\frac{1}{5}$ – на естественный прирост населения или прибылые души, а $\frac{1}{5}$ – на ссыльнопоселенцев и отставных солдат, приписываемых к этим волостям.

Удобствами к новым поселениям или приселениям закон вообще признает главные основные качества для сельского хозяйства: землю, годную к пашне и сенокосу, чистую проточную воду и другие угодья. Эти главные основания предусмотрены и законом о ссыльных при водворении их в Сибири.

В этом особом законе положительно выражено, что ссыльные, распределенные Приказом для поселения в волостях и сельских обществах, кои получили в надел пропорцию удобных земель с надбавкою 1/5 части на приселение ссыльных, по прибытии на места их водворения получают наравне со старожилами все угодья и сначала заготавливают лес для постройки себе жилища, а затем приготавливают землю под пашню, а на это время они живут в домах обывателей, которые и получают за содержание их арестантское кормовое довольствие.

Все водворенные ссыльные находятся в ведении губернской экспедиции о ссыльных до тех пор, пока они по истечении установленного законом срока не поступят в крестьянские податные оклады. Для наблюдения же за бытом ссыльных при экспедиции и поныне состоят по штату смотрители и ревизоры поселений, которые и должны командироваться на места водворения ссыльных. Но эти условия, как видно из практики, хранит только закон в своих скрижалях! О положении ссыльных в Сибири никто не заботится, кроме полиции, которая следит за ними, но только с иными целями, исполняя закон о предупреждении и пресечении преступлений и при случаях упорядочивая их холодный и голодный быт помещением на казенные квартиры и кормовое довольствие в чижовках волостных и полицейских управлений и тюрьмах.

Высказав здесь законные основания, на которых должна созидаться колонизация ссыльных в Сибири, я снова возвращаюсь к партии ссыльных, выдворенных, или, правильнее сказать, брошенных на произвол судьбы в голодной Самаровской волости.

Эта многочисленная партия несчастных людей, присланная из Тюменской центральной тюрьмы за парходом в казематированной барже, по прибытии в Тобольск была сдана Тобольской экспедиции в распоряжение окружной полиции и потянулась уже за присмотром стражников к месту своего невольного причисления. А так как сухопутного сообщения, кроме 35 верст от Тобольска, в низовьях Иртыша нет, то ссыльные и должны были плыть по реке на обывательских лодках.

Совершив свой 500-верстный путь на утлых челноках и перенеся все перемены погоды и волнения на реке, измокшая и передрогшая пар-

тия ссыльных наконец прибыла в село Самаровское. Жители, встретив такую массу присланных к ним ссыльных, сначала крайне удивились такому небывалому явлению, но, когда эта масса потребовала себе квартиры и пищу, то удивление жителей перешло в страх и опасения за свое имущество и даже саму жизнь. Но волей или неволей они должны были исполнить это требование, чтобы на первых порах не озлобить их против себя, скрепя сердце, они стали делить с новыми своими сельчанами покупной хлеб и соль.

Отдохнув, обсушившись и утолив голод даровым хлебом, ссыльные на другой или третий день снова собрались к волостному правлению и потребовали себе душевого надела угодий. Но сельский сход и волостные начальники объяснили им, что они сами, хотя и старожилы, не имеют никакого душевого надела: у них есть только река, которой они пользуются, ловя в ней рыбу, да пустопорожний погорелый лес с болотами и кустарниками; пашни они не пахут, потому что хлеб тут не родится, рыба в реке водится только с водополя до зимы, а с этого времени она уходит в верховья реки, потому что в воде появляется «дух» – замор, вредный для рыбы. В этот тяжелый период времени для всех вообще жителей является уже всё покупным, даже самая рыба, если ее не запасли на зиму.

Выслушав этот новый для себя приговор, вытекающий из суровых условий местности, в которую они присланы на жительство, подвергающий их новой, тягчайшей каре – голодовке, не предусмотренной ни уголовным кодексом, по которому они присуждены к лишению родины и некоторых прав состояния, ни особым законом о ссыльных, выражающим собою полную заботливость и попечение о ссыльных на местах их новых жительство, стали, как говорится, в тупик. Но чтоб скольконибудь ослабить условия своего тяжелого положения, они прибегли к практикуемой предшественниками их, ссыльными, мере: потребовали себе от волости временные виды на отлучку и пустились вновь путешествовать, направляя свой путь к Тобольску, совершая, быть может, в это время вольные или невольные преступления из-за куска насущного хлеба, а добравшись до города, разбрелись по всем направлениям и, примкнув к массе своих собратьев бродячих ссыльных, затерялись в море житейском.

<...>

Село Самаровское, конечный населенный пункт долины Иртыша, где имело место рассказанное событие, довольно зажиточное рыбацкое

село, расположено на правом берегу Иртыша у подошвы горы; в нем 146 обывательских домов и одна большая старинная каменная церковь с высокой двухэтажной колокольней, обнесенная каменной с железной решеткою оградой. Внутренность этой церкви с живописью на стенах представляет хороший вид: золоченые иконостасы, сделанные искусными руками, большие местные иконы украшены серебряными с позолотою ризами.

Среди обывательских строений видны несколько больших хороших, городской постройки домов, крытых железом, принадлежащих местным торговым людям, главным рыбопромышленникам и скупщикам мороженой рыбы у мелких рыболовов. При въезде в село стоит большой форменный почтовый дом, где принимается всякого рода корреспонденция, а в версте за селом устроена пароходная пристань Иртышско-Обского буксирно-пассажирского пароходства компании «Курбатов и Игнатов», главных контрагентов казны по перевозке от Тюмени до Томска партий ссыльных из России арестантов. Неподалеку от церкви и волостного правления красуется большое новое одноэтажное здание сельского двухклассного училища с квартирой для учителя – дар местного жителя крестьянина Земцова, представляющее совершенный контраст со старым, отвратительным на вид зданием волостного правления. Это последнее, старое низкое здание, пропитанное исстари вином, главным аргументом всякого волостного разбирательства прежнего времени, в таком виде встретило и реформу новых крестьянских судов и продолжает вот уже девять лет вмещать в себе новое правосудие, девизом которого должны служить незабвенные слова в Бозе почившего монаха-законодателя: «Милость и правда да царствует в судах». И этот девиз должен быть начертан золотыми буквами над входами в залы суда подобно тому, как при входах в храмы молитвы встречаются начертанные слова Спасителя: «Храм мой, храм молитвы наречется».

Заботы крестьянские чиновников, институт которых введен в Сибири с 1883 года, не коснулись еще этой старой закваски, а крестьяне, привыкшие к старым порядкам и к своему кабацкому на вид зданию, валят в него зачастую в пьяном виде на свой новый суд. Само собой разумеется, что такое грязное снаружи и внутри здание храма крестьянской Фемиды не может влиять на них нравственно. Между тем, в то же время благолепный их храм молитвы всегда заставляет убирать

неряшества, ни один крестьянин не пойдет в церковь неряшливо и в неприличном виде.

«Как в чертоги золотые
Внести лохмотья сироты...»

А при таких условиях и правда в суде новом и правом, несомненно, может появляться заплатанной и в одеждах, залитых вином.

Крестьянские чиновники, опекуны крестьянского быта и нравственности, сидящие по городам и редко посещающие своих опекаемых на местах их жительства, не могут усматривать всех этих заплат и пятен из своего спокойного далека, как, например, из Тобольска, за 550 верст до Самарова. Им доводится, большею частью, видеть только бумагу, на которой изложены волостными писарями результаты разбирательств волостных судов, обжалованные тяжущимися сторонами, а вследствие этого зачастую, быть может, и справедливо обжалованные решения за отсутствием кассационных поводов, прикрытых заплатами, остаются не кассированными присутствиями по крестьянским делам. А волостные писаря, в большинстве случаев не принадлежащие к крестьянской среде, ничем не связанные с нею, кроме получаемого жалования, пользуясь безграмотностью руководимого ими народа, несомненно, могут из личных своих интересов пришивать или приклеивать эти заплаты к крестьянской правде. Недаром мудрый законодатель, составляя ранее сего учреждение по управлению государственными крестьянами, поставил за непрременную обязанность избирать волостных писарей из среды крестьянских обществ и указал на способ приготовления этих лиц к занятию писарских должностей. Он предвидел, что в овечье стадо волков не следует впускать. Эти узаконения и в настоящее время, с введением нового порядка управления крестьянами, при употреблении их не могут идти вразрез. Они могут только пополнить важный пробел в этом новом законодательстве, не нарушая его. Разумный совет и толковое указание крестьянских чиновников на способы приготовления из крестьянской среды лиц к занятию писарских должностей может впоследствии отстранить избрание писарей из среды посторонней, занимающих письмоводство, но незнакомых с крестьянским бытом и несолидарных с их интересами. Неисполнение этого законоположения в прежнее время давало в результате всегда то, что посторонние лица, знатоки писарского дела, прослужа несколько лет, оставляли свои должности и, объявив капитал, записывались в гильдии. Им стричь и

брить овечек было нипочем – благо обрастают скоро! А стриженным руном и поделиться было можно. Нынешние же писаря-разночинцы старого закала, прикрывшись в овечьи шкурки, при наблюдении крестьянских чиновников, не нуждающихся в львиной доле снятого руна, чтоб в продолжительное отсутствие их не проделывали своих старых штук, в особенности при первоначальных розысках по делам уголовным, не подлежащих ведению крестьянских чиновников, – слишком даже сомнительно. В этих последних случаях старые дельцы-писаря в прежнее время, чтоб ослабить улики против заподозренных состоятельных лиц, примешивая к тому ж и неповинных общественников, до того умело запутывали или совсем изглаживали горячие следы преступления, что опытным следователям трудно было и разыскать их, а вследствие этого в большинстве случаев и приговоры суда против заподозренных ограничивались только сильным подозрением.

Незабвенными в моей памяти остались слова бывшего председателя губернского суда, а затем и члена совета главного управления и управляющего государственными имуществами Западной Сибири покойного Е.А. Заборовского: он при встречах с чиновниками по крестьянским делам всегда спрашивал: «А что, крестьяне по-прежнему продолжают управляться волостными писарями?»

Прежним законодательством о волостных писарях было установлено: способных крестьянских мальчиков, кончивших курс сельской школы, помещать в волостные правления учениками, а затем зачислять помощниками с платою небольшого вознаграждения от общества и лучших из них по выбору определять волостными писарями. В полное же осуществление этого закона в конце пятидесятых годов в г. Омске при IV отделении Главного управления Западной Сибири на средства Министерства государственных имуществ была открыта школа для приготовления крестьянских мальчиков на должности волостных писарей. Кончившие курс поступали сначала для практических занятий помощниками, а затем и волостными писарями. Но прежняя местная администрация, нуждавшаяся в юрках и дельных шерстобитах, мало обращала внимания на этих кандидатов, они так и затирались в массе претендентов-разночинцев, искавших писарских мест, которые по несколько человек сидели в полицейских управлениях, занимаясь письмоводством безвозмездно, по году и более дожидаясь себе теплых местечек, чтобы вознаградить сторицею за даровой труд.

Крестьянские чиновники, чтоб видеть все и знать крестьянскую правду, должны находиться как можно чаще и дольше среди крестьян, что и предвидел законодатель, учреждая институт этих чиновников.

Мне не раз доводилось видеть здания волостных правлений еще непригляднее на вид Самаровского и одно из них в селе Викуловом Тарского округа, за 200 верст от г. Тары. Это здание – старая небольшая заплатанная изба типа оставшихся от откупа питейных заведений, до того неприглядная на вид, что я, когда доводилось проходить или проезжать мимо, всегда отворачивался, чтоб не видеть его. Между тем, волость Викуловская, как мне известно, не настолько бедна, чтоб не могла возобновить свое волостное правление, в здании которого помещается и волостной суд, хотя бы ввиду того, что село Викулово назначено постоянным жительство участкового чиновника по крестьянским делам, который, впрочем, не только не живет тут, но даже редко посещает свой участок: не более двух-трех раз в год проездом. Он постоянно живет в городе. Другое – в селе Рыбинском в том же округе и участке. Здесь волостное правление помещается в старом заброшенном арестантскомэтапе.

Равным образом мне доводилось видеть здания волостных правлений совершенно противоположного вида, а именно в селе Усениновском Туринского округа. Здесь это красивое здание – каменное, нарочито построенное для волостного правления и суда, в пандан¹ великолепному двухэтажному храму и приходскому училищу. Впрочем, инициатива постройки такого красивого здания не принадлежит крестьянским чиновникам, оно построено до прибытия их в Сибирь по личному желанию самих крестьян. Проезжая мимо, я всегда говорил: «Честь и слава крестьянскому разуму!»

Коснувшись здесь Иртышско-Обского пароходства компании «Курбатов и Игнатов», я скажу еще несколько слов об этом пароходстве.

Первым контрагентом казны по перевозке партий арестантов был белевский купец У.С. Колчин, который, принявши на себя эту операцию, построил с помощью казны шесть пароходов, из них три больших, в 180 сил каждый, и к ним три казематированных баржи для помещения арестантов и три небольших буксирных. Большие корабли названы им в честь бывших в то время правительственных лиц по этой операции «Рейтерн», «Косаговский» и «Беленченко», а один из небольших, в 80

¹ Пандан – «вещь под пару, под статью, под масть; пара, ровня, дружка, чета...» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий: П. – СПб.; М., 1882. – С. 15).

сил, – «Хрущев», в честь бывшего генерал-губернатора Западной Сибири. Пароходную команду и начальников к ним Колчин привез из России, обеспечив их хорошим содержанием. Капитаны и машинисты получали годового содержания по 1600 рублей, а матросы по 20 рублей в месяц. Первые из них были вполне практичные, умелые люди, а вторые имели даже ученые степени инженер-механиков. В числе капитанов был один даже совсем заправский мореход, а именно В.В. Калистратов, имевший от американского правительства аттестат на шкипера дальнего плавания, а потому его и называли все Американцем, а другой, А.И. Плотников, за время его плавания по бассейнам Иртыша и Оби составил подробную навигационную карту этих рек.

Впоследствии эта компания расширила свое дело принятием на себя по предложению правительства нового обязательства с казною по перевозке из Тюмени до Семипалатинска партий солдат-новобранцев, следующих из России в Туркестан, и для этого нового дела построила три особые плоскодонные парохода ввиду неглубокого фарватера верхьев Иртыша от Омска до Семипалатинска, а к ним и три баржи, приспособленные для помещения солдат. Пароходы эти названы «Сарапулец», «Казанец» и «Казнаков» – этот последний назван в честь бывшего, с 1875 по 1880 год, генерал-губернатора Западной Сибири. Затем, разделив этот новый путь на станции, компания устроила при них удобные пристани с конторками и комнатами для пассажиров, ожидающих прихода парохода по установленным рейсовым расписаниям. Эти пароходы, так же, как и обско-иртышские, снабжены хорошими буфетами и небольшими библиотеками для пассажиров 1-го и 2-го класса.

Новое компанейское дело уже совершенно оживило Западную Сибирь. Города Томск и Семипалатинск, отстоящие друг от друга на расстоянии более 4000 верст, водяным путем соединялись между собой правильным, удобным и сравнительно дешевым пароходным сообщением. Публика, давно ожидавшая такого сообщения, стала переполнять собою компанейские пароходы, и даже такая, как свободные переселенцы, едущие из России в Сибирь и Туркестанский край.

Местное сибирское пароходство, существующее с 50-х годов, хотя также имеющее на большинстве своих пароходов помещения для пассажиров, но как специально буксирное, для транспортирования грузов, не имеющее на своем пути ни определенных станций, ни срочных расписаний о приходе и отходе пароходов, ни даже порядочных буфетов на них, не могло предоставлять всех этих удобств для публики, которая

ввиду всего этого только в крайних случаях прибегала к поездкам на этих пароходах.

Гениальная же мысль к осуществлению этого оживления всецело принадлежала генерал-губернатору Николаю Геннадьевичу Казнакову, неутомимым трудам и безусыпным заботам которого во многом обязана Западная Сибирь. Николай Геннадьевич, вступив в 1875 году в управление Высочайше вверенным ему отдаленным сибирским краем и обозревая подробно во всех частях его, сразу заметил важный пробел, тормозивший развитие и оживление этого края, а именно – полное отсутствие правильного, постоянного сообщения по вполне доступному к судоходству верхнему течению Иртыша от Тобольска до отдаленного, пограничного с Туркестанским краем областного города Западной Сибири Семипалатинска, и в то же время из собранных им лично подробных сведений о положении дел в Западной Сибири усмотрел, что местное сибирское пароходство, ведя свое дело исключительно между Тюменью и Томском, более четверти века транспортируя грузы, не завязывало еще правильных сношений с Туркестанским краем через Семипалатинск, естественные произведения которого шли в Сибирь и Россию долгим сухим путем. Пароходство это хотя и не оставляло совершенно впусе верхнее течение Иртыша, посылая в него ежегодно небольшую часть своих пароходов, но разновременно и неопределенно и исключительно до г. Павлодара (бывшая казачья станица Коряковская), находящегося между Омском и Семипалатинском, для погрузки приводимых барж солью, добываемой в принадлежащих казне знаменитых солесадочных Коряковских озерах²; и один только раз, в начале навигации – до Семипалатинска для отвоза из Тюмени солдат-новобранцев, следующих в Туркестан. Такое неопределенное и разновременное движение этих пароходов по верхнему течению Иртыша не могло иметь никакого существенного влияния на местности, прилегающие к этому течению на пространстве более чем на 1700 верст от Тобольска до Семипалатинска...

Алексей Титов

[На этой фразе текст обрывается, следующие листы рукописи утрачены].

² Поваренная соль Коряковских озер по своему обилию, кристаллизации и свойствам имеет первенствующее значение в Западной Сибири. – *Примеч. автора.*

Из Березова

Давно уже ни слуху, ни духу не было из Березова. Да, то служебные, то домашние обстоятельства не позволяли поведать что-либо.

Да и что писать из Березова? Наша общественная жизнь идет так однообразно, что ничего особенного не выдается, что бы можно было отметить.

В настоящее время город наш опустел: купцы и вообще люд торгующий (большая часть) отправились в Ирбит, ясак положен, наплыва инородцев нет, масленица проходит тихо, и кабаки, коих в Березове 10, кроме складов, в настоящее время торгуют плохо. Словом, ярмарки окончились, суета прошла.

Обдорская ярмарка прошла тоже незаметно, хотя началась раньше и длилась гораздо более, нежели в прошлом году. Торговля шла тихо, как продавали, так и покупали мало. Причиной тому был летний падеж оленей у инородцев. На пространстве от левого берега р. Войкара и до Карского моря пало более 50 тыс. оленного скота. Низовые самоеды остались окончательно без оленя. Промышлять были не в состоянии, не имея на чем выехать, отчего и ловля зверя была незначительная, хотя последнего, как говорят, и было много. В Обдорск многие из самоедов не явились.

Товаров, привезенных русскими и зырянами на Обдорскую ярмарку, было на 38266 р. 80 к.¹ Из них продано (на наличные деньги) на 8424 р. 20 к., отдано в долг на 5196 р. 59 к. и обменено на шкуры на сумму 8671 р. 30 к. Из этих товаров инородцами по преимуществу покупа-

¹ Цифры взяты из официальных сведений Березовского земского суда. Род товаров, привозимых на Обдорскую ярмарку, известен из прошлогодних писем, помещ[енных] в № 7 Тоб[ольских] Губ[ернских] Вед[омостей]. – Здесь и далее звездочками помечены примечания автора.

лась, разумеется, мука ржаная и печеный хлеб. Пуд муки стоил 70 к. с[еребром], а хлеба пуд 90 к. с.

Товары, составляющие предметы роскоши для инородцев, шли плохо. Бедность инородцев от потери скота мешала им приобрести что-либо сверх необходимого. Из пушных товаров, привезенных инородцами на Обдорскую ярмарку, было: лисиц разного рода 130 шт., проданных на 1400 р., песца толстого 2500, проданного на 2125 р., и крестоватика 3080 – на 1510, синяка 520 шт. на 312 р., недопеска 140 шт. на 84 р., лап песцовых 28 т[ысяч] на 840 р., оленьих шкур продано примерно на 5500 р. Далее из более ценных товаров жиру ворвани продано на 1036 р., клею на 1944 р. Всех товаров, привезенных инородцами, продано на 17982 р.

Вначале, как я сказал, ярмарка шла вяло. Торговали вообще все плохо, и только под конец ярмарка расшевелилась, и инородцы имели возможность достать лишнюю копейку.

Курьезный случай вышел. Чтобы повести рассказ, сделаю небольшое отступление. Возвращаясь из Обдорска, где был по делам службы, в селении Мужа я слышал, что приехали сюда же в Мужа и едут в Обдорск некие господа в количестве 4-х чел[овек], якобы купцы казанские за покупкою пушных зверей. Из любопытства я послал узнать, кто эти господа приезжие. Сказывают мне, что действительно называют себя купцами. «Ну, – думаю, – ярмарка, авось, оживится. Купцы едут с деньгами, не за долги будут брать у инородцев, как наши туземные титаны. Инородцы приобретут малую толику. Все лучше, чем ничего».

Нужно заметить, что перед приездом quasi-купцов проездом же в Обдорск был в Мужах казак, посланный нарочным от земского суда. Узнав также, что едут в Обдорск какие-то казанские купцы, он, прибывши раньше в Обдорск, распространил, что вот едут-де купцы казанские покупать звери сибирские; люди богатые, едут хорошо, прогоны платят – не торгуются, спешат, точно погоня за ними.

Поднялся гвалт в Обдорске! Ярмарка закипела. Купцы-туземцы, торгоша казаки и крестьяне носы повесили. И так песца и вообще зверя покупают подороже прежнего, а тут еще едут люди незнакомые, возвысят цену – плохо! Давай скорей рассчитываться с инородцами не за долг, а на наличные деньги². Цена на пушного зверя несколько поднялась, потому что наперерыв старались купцы приобрести что-либо по-

² Большая часть инородцев должны березовскому торгующему люду и платят большие проценты за этот долг и рассчитываются всегда пушным зверем.

больше и лучше. Торг пошел хороший! Песец поднялся от 80 до 90 к., а в ясаке проданся более 1 р. с.

Вот утром прекрасного дня приезжают незваные гости купцы казанские. Туземцы-инородцы и больше того русские шлют посла за послом узнать, что за купцы приехали, что покупают и как покупать будут. Гости говорят, что теперь им не время, а вот оглядятся, тогда и приступят к делу, но во всяком случае закупать будут большими партиями. И вот потянулись к квартире их чуть не обозы и с неплюями, и с постелями³, и с пешками, и пр. (к туземцам уже нейдут, а те порют горячку, спешат скорей покупать, как сказал, на наличные деньги и дороже друг перед другом). Гости ничего не говорят, но и не отказываются от покупки.

Но к вечеру комедия разыгралась. Явились гости к местному начальству и предъявили свои виды. Оказалось, что quasi-купцы – фокусники-промышленники! Приехали на Обдорскую ярмарку показать свои искусства, полагая, что ярмарка Обдорская – то же, что и прочие ярмарки России: Ирбитская, Нижегородская и проч. Рассказывают, что их обманули где-то в России, сказав, что в Обдорске можно зашибить копейку их ремеслом, а те, не зная, что за край в Обдорске, поверили и решились ехать.

Как ни пуст, хотя и комичен сам по себе рассказанный мною случай, но он выказывает по своему влиянию на ярмарку торговые отношения наших купцов к инородцам. Без большой конкуренции наши купцы покупают товар у инородца за что им вздумалось, а в особенности если инородец чем-либо обязан купцу. Задолжал инородец – он вечно в кабале и не выпутается. Что добыл, отдает за бесценок и за долг и опять забирает тоже в долг, надеясь на будущую добычу. А отдача долга производится по условию форменному по преимуществу пушным зверем. Например, я знаю случай такого рода: инородцу в прошлом году понадобились деньги 5 р. с. Он занимает их у одного крестьянина и обязуется ему за время зимнего промысла за эти 5 руб. отдать 3 шкуры соболей. Инородец весьма честный и отдал бы, наверно, но по недостатку прошлогодних промыслов не мог уплатить всех шкур и отдал только одну, а две остальные обещал заплатить по нынешней зиме и вдобавок несколько белок. А по меньшей мере шкура соболя ценится не менее 5 р. с. Вот характер большей части получения долгов.

³ Толстые шкуры оленей старых.

Обращусь опять к quasi-купцам. Доставив некоторым образом развлечение тревогой в торговом мире и пользу денежную для инородцев, сами артисты понесли тяжелые убытки. Не имея возможности по местным обстоятельствам открыть свои представления в Обдорске и не получив дозволения позабавить публику на торгу, на открытом воздухе разными карточными фокусами, они должны были ни с чем возвратиться вспять. К счастью, березовское общество, сочувствуя их горю, согласилось помочь им, посмотрев их балаганные фокусы, и тем дали возможность выехать им из Березова с миром.

Зима у нас стоит не так холодная, какую следовало бы ожидать в таком крае. Впрочем, были же морозы на славу. Так, в январе месяце с -15° , бывших 16 ч[исла], термометр упал на -27° , 18 же ч[исла] опять поднялся на 23° и затем 19 ч[исла] -35° , 20 ч[исла] -40° и 21 ч[исла] -39° ... А в Обдорске в эти дни морозы доходили до -50° . Ярмарка тогда прекращалась, на тундре никого не было.

Первые дни января месяца стояли теплые как в Березове, так и в Обдорске. В день Крещения в Березове термометр показывал 0° , на улицах таял снег и была капель. В Обдорске же в это время было -2° , и я слышал, что самоеды рассказывали, что будто бы в этот день утром (на Крещении) слышен был гром в стороне Урала.

Время теплых дней почти постоянно к вечеру сопровождалось ветрами и буранами. По преимуществу дули северный и северо-западный ветры со снегом (вследствие чего, разумеется, термометр понижался, но к утру ветры утихали, погода прояснялась и термометр повышался).

Снегу в здешнем крае в настоящую зиму так много и он так глубок, что в начале Обдорской ярмарки едва возможно было пробираться на оленях и то шагом. Больше количество снега падало с середины декабря месяца и первые дни до 10 числа января месяца. Падает и теперь, но весьма мало и редко.

П.

Тобольские губернские ведомости. 1865. № 11

Местные известия

Березов. Весна 1865 года не предвещала Березову хорошего лета, и действительно оно вышло незавидное; постоянно дувшие ветра, дожди испортили лучшие его месяца; весенняя вода, накопившаяся в довольно большом количестве, начала сбывать с 14 июля по $\frac{1}{4}$ вершка в сут-

ки, и только к концу августа стали обнажаться луговые места. Травы хороши, и если уборке их не помешают дожди, то березовским жителям представится возможность прокормить имеющийся у них скот. С овощами хлопотали некоторые из жителей, но их совсем не родилось. Лов рыбы скудный, и промысла идут вяло; те рыбопромышленники, которые в изобильные годы солили рыбы более 300 чанов (каждый чан вмещает 1200 штук), при нынешнем улове рыбы приготовили только до 40 чанов; из песков в настоящее лето один только Мелексинский, принадлежавший обществу березовских крестьян и с 1865 г. отданный в аренду тобольскому мещанину Попову, представляет для хозяина некоторую выручку. Цена на свежую рыбу в Березове довольно высока: осетр 3 р. с пуда, сырок 3 к., мокси 25 к. за штуку.

Зато, благодаря попечениям начальника губернии, казенные магазины Березовского края полны хлебом и нет недостатка в частной продаже. Только и скучают березовцы неуловом рыбы, но, испытывающие ежегодно недостатки в жизненных потребностях, они стараются найти утешение в дружественном между собой сближении. Это доброе чувство, поддерживаемое старшими лицами в городе, выразилось прекрасно в два торжественные для России дня 26 и 30 августа; в эти числа по подписке были устроены в общественном доме запросто два танцевальных вечера, на каждом из них собиралось с детьми более 40 чел., подавались чай, десерт, сухая закуска и ужин, состоявший из двух блюд; оба удовольствия обошлись обществу в 39 р. ...К вечерам этим приготавливались вензель Государя Императора и иллюминация из разноцветных фонарей, но не могли быть выполнены по дождливой погоде.

Тобольские губернские ведомости. 1865. № 39

Из Березова

15 сентября в Березове выпал снег. Теперь настает холод. Реки становятся. Водоплавающие птицы, которых бывает здесь так много летом, улетели. Перевесы уже оставлены до будущего лета. Жители начали ловить рыбу другим образом, т.е. оставили сети и невод и перешли к ловле посредством язов и шыги.

Самоедов в Березове не стало. Ничего особенного в Березове. Тишина, спокойствие. Разве только соберутся кое-где поиграть в стуколку, которая здесь кончается обыкновенно пустяками, значит, остыли горячие головы от здешней всеподавляющей атмосферы.

Трудно жить в Березове как простолюдину, так и чиновному классу, все бьются, как рыбы об лед, и все жалуются на этот край. Одни только остяки, по-видимому, довольны своим образом жизни. Между тем, их образ жизни приводит в ужас. Много значит привычка.

Недавно рассказали мне, что когда здесь в начале шестидесятых годов был голод, так многие остяки переносили удивительно мужественно лишения. Они ели одну уху их щучьих костей, которые даже собирали на улице, и делая такого рода похлебку через несколько суток, в остальное время были голодны. Конечно, после такого поста они походили на теней. Зато когда наступала весна и был большой налет птицы, остяки так объедались, что некоторые даже умирали от этого.

Мне самому случилось видеть, как один остяк съел 10 сырых сырков довольно порядочной величины и хлеб, выпил половину штофа вина; вся эта операция продолжалась часа два, причем он выказывал ленивое удовольствие к лакомому кусочку, движения его были вялы, на губах, покрытых рыбьим жиром, была постоянная улыбка, глаза начинали сверкать, когда ему подносили чашку вина, появлявшуюся у него в руках не прежде, как он вытрет свои грязные замасленные руки о свою лохматую, черную, как смоль, голову с длинными косами, связанными концами вместе. Накормивши его досыта и напоивши пьяным, хозяин начал с ним какую-то сделку, но я тут ничего не мог понять, потому что разговор шел на остяцком языке, только мог по лицу хозяина угадывать, что он надувает остяка, так как хозяин во время разговора несколько раз подмигивал сидевшему тут казаку. Верно, слабость взяла свое: пьяный остяк за вино готов отдать все, что имеет. Жалкий этот безответный народ, а удалить зло от него весьма трудно. Остяки имеют большую склонность к вину, как вообще все дикие народы, соприкасающиеся с образованным людом, от которого они всегда с большим убытком для себя достают вино. Остяки и самоеды не только не негодуют на тех, кто им привозит вино в юрты, напротив, они уважают их и называют своими задушевными приятелями.

Подпоивши инородца вином, можно рассчитывать на его меха, какие он успел добыть во время зимы. Для подобной аферы какой-нибудь березовский казак, или мещанин, или крестьянин, большей частью казак, взявший с собой вина и разных гнилых сукон красного, зеленого, синего цвета, медных колец и других безделушек, во всяком разе больше вина, купленного частью на себя, частью через своих приятелей

(для отвращения всякого подозрения), отправляется в зимнее время на оленях в Ляпинскую, Сосьвинскую или Казымскую волости, а летом на лодке в ближайшие юрты⁴. В тех и других он непременно имеет знакомых остяков-должников, разумеется, давно уплативших долг втрое более. Подгулявши с ними в виде угощения за гостеприимство и заметивши, что остяки опьянели до безрассудства, гость перестает угощать остяков. Они начинают приставать к нему, просить вина. Торгаш соглашается угощать вином только в таком случае, если инородцы согласятся обменяться с ним на товары белкой или лисицей, или какими-нибудь другими мехами. Инородцы начинают стаскивать свои товары, пойдет меновая и на товары, и на вино. Отуманенные парами последнего отдают свои товары за бесценок. Надобно сказать, что дикари эти так привязаны к вину, что пьют его до тех пор, пока не свалятся с ног. На другой день продолжается та же история, и опять пьют от обязательного гостя, который, наконец, видя достаточную прибыль, отдает остальные свои товары в долг, за что берет от инородцев рыболовные пески на лето или нанимает их в работники и, сделавши все формальным образом, пожалуй, засвидетельствовавши условия в инородной управе, отправляется восвояси. Однако такие спекуляции не всегда удачно сходят с рук при бдительности тех лиц, на кого возложена эта обязанность в Березове, иногда подобным спекуляторам приходится законно поплатиться. Впрочем, такого рода аферы еще продолжают, только весьма осторожно.

Все-таки пока не будет от инородцев устранен порок – пьянство, так глубоко укоренившийся в остяцком народе, до тех пор они будут бедны, дики, грубы, невежественны и необразованы. Все дело состоит в образовании. О распространении его должны заботиться люди, принявшие на себя эту обязанность, но они могут взяться за свое дело только тогда, когда имеют в руках питомцев. Так точно и здешнее училищное начальство не имеет никакой возможности влиять на образование инородцев без посредства других, более соприкасающихся к инородцам начальств. Между тем, в здешнем уездном училище нет ни одного инородца, что, впрочем, ничуть не зависит от здешнего училищного начальства.

Если пришлось сказать здесь два-три слова по поводу образования инородцев, то именно сказано для того, чтобы напомнить об этом жал-

⁴ В последние обыкновенно ездят для сбора птицы и рыбы за долги.

ком, бедном, все тяжкое испытывающем народе, для коего малейшее облегчение судьбы будет для него великим счастьем. Действительно, много затруднений должно встретиться при введении образования между инородцами, но со временем затруднения эти мало-помалу уничтожатся и благотворное дело наконец восторжествует.

Как известно, в Березове с некоторого времени ежегодно бывает бал-базар в пользу здешней женской школы. Это повторилось и ныне, 12 октября текущего года. За всеми расходами было выручено до 30 р. с., кроме пожертвований – ежегодных и одновременных – благотворителей школы. Еще раньше в этом же году предположено было разыграть в лотерею вещи, приготовленные ученицами в продолжении академического года. Лотерея подвигается весьма успешно: из 100 билетов ценою в 1 рубль каждый остаются еще неподписанными очень немного. Денежные средства Березовской женской школы год от году значительно увеличиваются, судя по средствам березовцев, которые, можно сказать, имеют более или менее прогрессивный взгляд на образование, что и доказывается их благотворительностью.

Октября 15 дня в Березове был дан спектакль в пользу женской школы. В спектакле участвовала большая часть здешних молодых людей. Они, несмотря на свои маленькие средства, устраивали свое дело как истые соревнователи просвещения. Не имеем права перечислять их фамилии, но нельзя не отозваться об них с лучшей стороны, хотя бы они вовсе в этом не нуждались. В Березове носятся слухи еще о двух вновь предполагаемых спектаклях. Цель этих последних нам пока неизвестна.

Теперь скажу несколько слов о состоянии атмосферы здешнего края. Ее здешние изменения заставляют немало задумываться. Живя здесь, приходится только удивляться, и чтобы несколько освоиться со здешним краем, надобно много лет прожить в Березове. Здесь, например, весьма нередко бывает, что термометр вдруг с 15° холода понижается до точки замерзания и обратно, как было недавно. Причину такой быстрой перемены следует отнести к быстрым переменам направления ветров. Было не раз замечено, что здесь в продолжении суток ветра дуют со всех четырех сторон, причем они весьма скоро переходят от одной стороны к другой. Следовательно, как быстро может смениться южный ветер северным, так быстро может и произойти холод. При такой перемене ветров, как я замечал некоторое время, большею частью

поднимается буря с жестоким холодом. Тогда термометр начинает показывать 40° зимою, а летом приходится надевать шубу, хотя бы это было в июле или июне месяце.

В нынешнем году в мае месяце с вечера 23 на 24 число поднялся сильный буря, срывающий ветхие крыши с домов весьма легко; снегу намело выше колена; в некоторых местах даже невозможно было пройти... В то время скот уже был выпущен на луга... замерзло до 5 больших скотин, что немало значит для здешних бедных домохозяев, которые еще, к своему несчастью, по причине продолжительного большеводья ныне худо ловили рыбу и худо ставили сено, потому что все луга были затоплены водою; в оленном скоте, слышно, был упадок; одним словом, нынешним летом жители Березова не могли похвастаться удачей. В особенности мелочники потерпели убытки. Жители города говорят, что никогда почти не бывало здесь такой погоды, какая стоит у нас теперь в Березове; реки уже все стали, кроме Оби, следовательно, можно судить по этому о холодах. С 13 ч[исла] октября термометр понизился вдруг до 0° и стоял таким образом до 22 ч[исла]. Еще надобно заметить, что 11 и 12 ч[исел] октября пал снег четверти на две с половиною и при настоящем тепле начинали показываться ручьи; каждодневно с утра до вечера поднимаются туманы; в воздухе какая-то удушливая влага, довольно вредно отзывающаяся на легких, и при малейшем неосторожном открытии рта в груди делается легкое колотье. В настоящее время нам приходилось питаться чуть-чуть не воздухом, да видно провидение сжалилось над нами – настает холод, и уже начали подвозить мясо оленное из Мужинского села, в котором идет теперь торжок. А то мяса не было, рыбы почти никакой, кроме соленых сырков да щучины, и то прокислой.

Н. П....ровский

Тобольские губернские ведомости. 1865. № 46

Из Березова

До половины ноября в Березове было вовсе не скучно, к тому же погода была прекрасная, теплая, воздух свежий, туманы прекратились – очень приятно было прогуляться по Березову. Холодов более 15° не было, и то два раза в продолжении 15 дней ноября, в остальное же время было от 3 до 9°... После же первой половины ноября температура воздуха понизилась до 18° холода и день от дня понижалась... <...>

Конечно, при таком состоянии погоды мы принуждены были сидеть дома или, отправляясь куда-нибудь, закутываться как можно теплее.

Картина нашей зимы производит какое-то подавленное чувство и оставляет грустное впечатление. Куда ни посмотришь, везде все жмет-ся, все трещит, мороз то и дело постукивает в стены и окна домов. Холод так и клонит ко сну, несмотря на то, что ночь здесь так длинна в зимнее время и можно бы, кажется, вдоволь выспаться, но здесь, как говорят старожилы, зимою особенно располагает ко сну. Солнце нам светит теперь только от половины 9-го до половины 1-го пополудни. Оно в настоящее время далеко от нас и гораздо ближе к горизонту, а потому освещает только крыши домов, которые бросают предлинные тени, правда, вовсе бесполезные для нас в зимнее время.

В Мужинском селе, по обыкновению, был торжок, на который съезжается большая часть зырян и привозит туда оленное мясо, коровье масло и из рыбы преимущественно семгу. На этом торжке бывают также жители Березова и остяки: первые закупают для города рыбу, оленное мясо, масло и проч., остяки же привозят рыбу на продажу. Говорят, в Мужах торговля сначала шла вяло, потому что зыряне, главные торгоши этой ярмарки, приезжают тогда, когда станут реки, а это в Березове большею частию бывает в октябре месяце, как случилось и в нынешнем году, но осень ныне была так тепла, что после рекостава лед снова пошевелился на р. Сосьве. По причине такого тепла зыряне, имевшие для битья олений скот, принуждены были держаться ближе к Уральским горам, где гораздо холоднее и удобнее для пастьбы. С 20-х же чисел октября наступил холод и началась торговля: оленное мясо продавали по 50 к. с. пуд, коровье масло 6 р. с., семгу 6 р. с., осетрину 4 р. ...Рыба вообще была дорога, очень мало привозили, между тем как зыряне скупали ее наперебой и преимущественно осетрину. Теперь в Березове у здешних прасолов пуд осетрины стоит 3 р. с. икряной и 2 р. неикряной, оленное мясо 1 р., скотского вовсе нет; рыба начинает дешеветь.

До наступления рождественского поста у нас то играли в карты, то устраивали театры, которых было здесь два, об одном из них уже приводилось говорить ранее⁵, другой составиля точно так же у здешних

⁵ Тоб. Губ. Вед. № 46 за 1865 г.

любителей сценического искусства, а третий предполагаемый спектакль не осуществился. От последнего мы ожидали более, потому что в нем принимали живое участие те лица, которые раньше заявили о себе в театральном искусстве. Они хотели сыграть две-три пьесы и в том числе «Свадьбу Кречинского». Из одной пьесы даже были розданы и выучены роли. Очень жаль, что это удовольствие не состоялось. Для березовцев так приятно всякое удовольствие, что каждого из них у нас ждут все с нетерпением. А чтобы такие удовольствия общественные повторялись чаще и не расстраивались, нам надобно больше единодушия. Нельзя, впрочем, отнести нынешней неудачи спектакля единственно к отсутствию единодушия, напротив, участвовавшие в нем лица с жаром взялись за это дело, но тут одному помешало маленькое семейное несчастье, другому что-то вроде этого, и спектакль не состоялся. Это, надобно сказать, случилось уже не в первый раз, и «Свадьба Кречинского» давно только предполагается быть сыгранною. Конечно, все это нисколько не удивительно, скорее просто и обыкновенно для таких маленьких обществ, как наше березовское.

Заговорив о спектаклях с благотворительною целью, упомяну, кстати, что в доме уездного училища 14 ноября вечером была разыграна лотерея в пользу здешней женской школы. Предметами розыгрыша были вещи, приготовленные ученицами. На этот раз, как и на бал-базаре, здание уездного училища было освещено довольно недурно, в зале молодые люди танцевали под здешнюю музыку, в других комнатах играли в карты, певчие пропели несколько народных песен. Гостей угощали чаем, конфетами и проч. за самую умеренную плату, которая на этот раз была положена именно только для прикрытия сделанных расходов, которые требовались, так сказать, для доставления более эффектной обстановки, иначе лотерея была бы очень вяла и скучна.

Благодаря внимательности к гостям попечительницы школы, зрителя здешних училищ и попечителя, общее веселье продолжалось во весь вечер как нельзя лучше, гости разъехались по домам весьма довольные, это было видно из того, что они, отъезжая домой, с большим вниманием обращались к главным устроителям этого благотворительного вечера.

Ученицы также были на этом вечере и не были забыты как попечителем и попечительницею, так и гостями, первые на свой счет угощали их чаем и конфетами и желали им успехов в науках.

Справедливость требует еще добавить, что как на бал-базаре, так и на лотерее весьма рельефно выдавалась личность учителя приготовительного класса г. А., который как холостой человек, довольствуясь средствами, не скажу с большим избытком, по крайней мере с маленьким остатком, употребил заметную часть его для пожертвования на школу. Да и вообще надобно сказать, что г. А. никогда не отказывался от пожертвований на благое дело.

На лотерее Березовской женской школы участвовали как из чиновного класса почти все, так и из купечества и некоторые из других сословий; дай Бог, чтобы и на будущий раз общество наше было так же внимательно к такому прекрасному делу.

Н. П.ровский

Тобольские губернские ведомости. 1865. № 52

Березов

О Березове большинству известно только, что город этот некогда служил местом заточения многим сановитым особам, сосланным сюда частью за государственные преступления, частью же по различным обстоятельствам того времени.

Березов стоит на левом берегу реки Сосвы, на невысокой горе между двумя оврагами, Култучным и Стрижечьим. Он лежит под 63° 56' с.ш. и 82° 44' в.д. Местоположение Березова нельзя назвать лишенным привлекательности. Оно также имеет свои красоты. Вокруг города очень близко облегают хвойный лес, тянущийся от севера к западу и от запада к югу. С восточной же стороны его представляется нам вид на р. Сосьву со многими впадающими в нее речушками, притоками, оврагами, а далее, за главную рекою, видны кустарники, болота и мелкие озерки. Таким образом, даль востока представляет нам летом нескончаемые воды и зелень, а зимою суметы снега и голые прутья, отягченные куржаком и подавленные холодом. Зимою у нас как будто нет жизни. Глядя на эти жалкие растения, как-то невольно начинаешь отдаваться тоске и грусти, думаешь, что не будет ни весны, ни лета. Но придет, разумеется, весна, лето, и все снова оживет.

Сначала охотники березовские начнут готовить перевесы, капканы, поправлять ружья и подумывать, где лучше и удобнее выкопать птицеловные станки. Мальчишки же, в свою очередь, плетут силки и сети, которыми здесь они ловят снегирей. Эти птички (величиною не-

много больше воробья), цветом белые с черными пятнышками, прилетают сюда как бы предвестниками тепла и затем скорого появления проталин. Мальчишки, наловивши как можно более снегирей, продают их или живыми, или задавленными⁶. Из них жители Березова делают отличные пироги на металлических блюдах. Говорят старожилы города, что снегирей прежде было так много, что их насаливали целые полубочья.

За снегирями у нас скоро появляются лебеди, а там гуси, утки и другие большие и малые перелетные птицы. Настает более полная весна, ручьи с шумом текут с гор, направляясь к реке. В городе, на реке и повсюду видно движение, хлопоты; стоит выйти на берег и тут непременно увидишь, как кишит народ, направляя свои лодки. Кто с мешком за плечами и с маленькой лодочкой на веревке неверными шагами перебирается через вешний ненадежный лед, кто с ружьем и лопатой идет туда же за первым. Таких удальцов у нас не в редкость встретить; мы так пригляделись к ним, что, нисколько не ошибаясь, можем сказать, что те, которые идут с мешками за плечами, будут ловить уток перевесами, а те, которые с ружьями, станут стрелять гусей и лебедей из станков.

Наружный вид станка представляет собою род могилы, находящейся близ какого-нибудь озера или выставившегося сухого горба, покрытого оставшеюся травой, на которую садятся гуси и лебеди для доставления себе пищи. Выкопав яму и покрывши ее сверху землею, охотники садятся в нее и ждут, когда лебеди или гуси прилетят на озеро или на лайду⁷, для ружья же охотники имеют в станке отверстия, в которые они наблюдают за прилетающими птицами, для примана же птицы они нередко имеют чучелы или даже живых диких гусей, изловленных ранее детенышами. Живого гуся остяки продают здесь за красный азиатского вкуса платок или за полштофа водки.

Зимою Березов скучный город. Груды снега, нанесенные частыми метелями и буранами, наводят уныние и тоску непреодолимые. Что замечательного зимою в Березове, так это северные сияния, бывающие весьма часто в зимнее время. Они начинаются с ноября и продолжа-

⁶ В Березове вообще как-то принято пойманной птице заворачивать шею и закусывать голову.

⁷ Березовские охотники вытаявший горб, удобный для стрельбы птиц, называют лайдою.

ются до марта включительно. Северное сияние великолепно, особенно в феврале. Представьте себе север, покрытый от горизонта туманом в виде облака, изображающего собою как бы занавес, выше которого является сначала светлая заря, или, лучше сказать, светло-алое небо с отливом фосфорического цвета. По такому фону начинают как будто играть блестящие, различных огненных цветов, неправильной формы столбы, то соединяясь, то расходясь, то как бы догоняя друг друга. Чем больше станешь наблюдать, чем больше отдаешься этому прекрасному зрелищу, тем больше находишь в нем прелести, и, наконец, все увиденное станет казаться каким-то волшебным светом, за которым как будто совершаются тайны природы, сокрытые от нас этим чудесным северным блеском.

Лето здесь при хорошей погоде можно назвать весьма приятным, несмотря на то, что оно очень непродолжительно. Зато как чудно светит солнце, скрывающееся ночью только часа на два в продолжение суток. Заря не потухает во всю ночь, и бывает так светло, что можно читать какую угодно печать. Даже в сумрачную погоду во всю ночь не нужно зажигать свечи. Такой свет продолжается почти целый месяц июнь. В июле здесь начинается полное лето; реки наполняются водою и зальются в сора, и появится много морской рыбы, которая в это время становится значительно дешевле. Перелетной птицы вдоволь, и она продается также очень дешево, так, напр., гусь стоит 10 к., утка 3 к., пара чирков тоже 3 к. Одно лишь скотское мясо здесь дорого: пуд 4 р., а в другой раз его и совсем не бывает. Теленок живой здесь стоит 3 р., курица 30 к., 10 яиц во время зимы 30 и 40 к. Вообще съестные припасы очень дороги.

Березов в окрестностях своих имеет прекрасные виды, связанные некоторым образом с преданиями и поверьями. Так, напр., на юге лежащий от города овраг Култучный, сажень девять глубины, начинаясь с болота, лежащего на юго-запад в лесу, версты четыре от города, с крутыми, покрытыми лесом берегами, идет довольно узкой ложбиной от самого начала Березова и прежде впадения в Сосву прерывается около города с левой стороны крутым углом, а с правой несколько отлого и с мелко растущими хвоями. По дну логовища течет ручей, почти не пересыхающий. Во время разлития рек ручей этот тоже наполняется водою и служит пристанью для мелких судов, приплавляемых сюда с разными припасами с верху Иртыша и Оби. В этом ручье сохраняются от бурь и лодки здешних обывателей.

Только что пройдет лед по р. Сосве, то при впадении Култучного ручья можно встретить всегда множество народа. Тут увидите и бурлаков, постоянно безобразно пьяных и буйных, со всею своею бурлацкой удалью, встретите купцов, и казаков, и остяков, и чиновников, закупающих на приезжих судах хлеб. Словом, народ кишит в этом овраге. Но лишь только лодки отбудут на низ, овраг пустеет и становится таким глухим местом, что, углубляясь в него, к его началу, невольно будешь отдаваться паническому страху. Куда ни взглянешь, везде увидишь густой сосновый лес да крутые, поросшие мхом и травую берега, нередко прерывающиеся такими же глухими ущельями. Иногда бывает в нем так тихо, что не слышится ни малейшего шороха, и вдруг внезапный крик филина или северного орла огласит это ущелье звуком, а эхо станет повторять этот звук до тех пор, пока не замолкнет вдали и опять не настанет прежняя мертвая тишина.

Странные вещи рассказывают жители Березова о Култучном овраге. Многим из здешних жителей приводилось блудить в нем. И ничего нет мудреного заблудиться в нем, потому что этому отчасти способствует множество разветвлений оврага, весьма похожих одно на другое. Говорят, что человек, заплутавшийся в овраге, непременно увидит что-нибудь страшное. Нередко ему представляется говор людей, лай собак, ржанье лошадей, дикий хохот. Если же заблудившийся будет кричать, то представится, что ему отвечают диким хохотом или неистовым лаем. Или видят город, направляются к нему идти и не могут никак до него добраться. Чаще всего в нем блудят подгулявшие.

Название оврага состоит из двух остяцких слов: «куль» – дьявол, черт и «тун» – огонь. Не на «тун» кончается это название, а «тук», и, вероятно, это слово усвоено так русскими... Выходит, Култучный овраг – овраг огненного дьявола. Остяки, давши такое название этому оврагу, без сомнения, имели основание в каких-нибудь явлениях природы, сильно поражавших некогда их чувства. Действительно, в этом овраге бывали страшные для народа смертные случаи, как то: утопленники, давленники, зарезавшиеся и т.д. К тому же, сама местность глухая и располагает к страху. Все это дает возможность сказать, что неспроста этот овраг назван оврагом «огненного дьявола», или «Култуком».

Тобольские губернские ведомости. 1866. № 33

На горе, лежащей в параллель реки Сосвы, в самом г. Березове, позади заручейной Богородской церкви представляется чудный вид на

р. Сосву. Неподалеку от церкви находится много древних памятников над отшедшими от мира сего обывателями Березова. Между этими могилами находится могила Остермана, огороженная деревянной крашеной решеткою. Внутри решетки, над могилою, стоит деревянный крашенный крест с прибитыми на нем медными буквами «А.О.».

Против алтаря Богородской церкви стоит ветхая деревянная часовня, устроенная на самом краю горы. С правой стороны церкви находится безымянный ручей, довольно глубокий. Через этот ручей выше лежит мост. По ручью прямо против церкви стоят три высоких старых довольно толстых ядреных лиственницы. Начиная от часовни по склону горы стелется лиственничная роща. В летнее время, когда лиственничные деревья начнут цвести, место около часовни считается самым лучшим местом для гуляния. Здесь и утром, и в полдень, и вечером, и даже ночью можете встретить кого-нибудь из знакомых березовцев. Подле часовни, на краю горы стоит длинная скамья, которая иногда служит местом отдохновения для наших дам. О том месте, где поставлена часовня, жители говорят, что тут был давным-давно похоронен богоугодный человек, имя которого умерло в памяти народа. Только известно по преданию, что он был иеродиакон существовавшего в Березове монастыря. Он, как гласит предание, являлся весьма немногим, только благочестивым, добрых правил людям и говорил им, чтоб над его могилою была построена часовня, в которой в то же время завещал совершать иногда моления. Настоящая часовня, уже довольно ветхая, считается третьей на этом месте. Но когда была построена первая – совершенно неизвестно, ибо она не числится в описи церковной. В этой часовне совершается ежегодно молебствие в первое воскресенье после 12 мая. В этот день совершается тоже самое молебствие и в соборной церкви. Кроме этого, в часовне Богородской церкви многие люди служат литию за упокой неизвестного человека божия и берут из-под часовни земли, от которой болезненные будто бы получают исцеление, но, к сожалению, об этих исцелениях никто не заявляет причту.

При совершении молебствия в часовне собирается много народу, так что площадка расстоянием от церковной оградки до часовни сажен на 8 бывает вся занята молящимися.

Лиственничная роща имеет тоже свои предания и почитается некоторыми остяками как бы за святое место. Сохранившие веру в святость этого места, плывя по р. Сосве, против самой рощи стараются держать-

ся ближе к противоположному берегу или, если плывут вниз по воде, перестают грести, сохраняя при этом молчание, как бы знак почтения.

В роще этой в давнее время, еще до основания здесь первой крепости, по преданию, находились идолы, которым поклонялись остяки. Роща очень густа и расположена в ложбинах и при этом на склоне горы. Вид ее угрюмый. В летнее время в ней очень прохладно, потому что солнце едва проникает в нее.

Место вокруг Богородской церкви прежде было под кладбищем, и поэтому оно весьма неровно. Еще донныне сохранилось много чугунных плит, лежащих на могилах, которые так низко опустились, что их едва стало заметно. Есть плиты, которые, как видно по надписям, лежат на месте лет сто и более.

Несколько мраморных памятников, стоящих подле самой лиственничной рощи, под нависшими ветвями, служат украшением поля по имени Заручейного. Церковь во имя Богородицы довольно красивой отделки и придает привлекательность местоположению.

Далее окрестности Березова хотя и представляют красивые виды снаружи, но имеют много непривлекательного внутри. Все эти леса хороши, когда на них смотришь издали, но лишь приблизишься к ним, так тотчас увидишь, как груба и дика северная природа. Леса в окрестности Березова наполнены болотами и топями, и местность их чрезвычайно неровна. Летом насекомые решительно не дают покоя, особенно в безветренное время.

В г. Березове есть такие места, где на лошади в летнее время никак нельзя проехать, да если сказать правду, то и пешком трудно пройти. Так, напр., в центре города находится болото не болото, а что-то вроде озера, да оно озером и зовется, хотя мало походит на него. Лучше сказать, это общая городская помойная яма, издающая смрад на весь город. В нее валят всякую гадость. Между тем, через эту помойную яму приходится переходить и то по двум склеенным грязью жердочкам, иначе, чтобы миновать ее, надобно сделать большую околицу.

В продолжении лета не раз жителям города приводилось вытаскивать свою скотину из городской помойной ямы. Разумеется, при этом скот уродуется навсегда. А для здешних жителей много значит потерять скотину, которую здесь так трудно завести и еще труднее содержать.

Ныне Березов имеет далеко значительные городские доходы против прежнего; так, напр., Березовское хозяйственное управление за 1864 и

1865 года имело доходу 4674 руб. 3 ½ к. с. с разных статей, а именно: с кузниц, с кирпичных сараев, с торговых бань, с пустопорожной земли, отдаваемой под постройку домов, с торговых лавок, со складочных амбаров, с ренсковых погребов, с платьемойных плотов и прорубей, с весов и мер, с объявляемых местными и иногородными купцами капиталов, с торгующих крестьян, с приказчиков и сидельцев, с контрактов и договоров, с векселей и заемных писем, от питейной прибыли, с записки жителей в обывательскую книгу, от взыскания недоимок прежних лет, с оценки недвижимых имуществ и, наконец, из земского сбора всего за 1864 г. – 2284 р. 88 ¼ к. с. и за 1865 г. – 2389 р. 15 ¼ к. с. Добавим, что, несмотря на такой значительный доход против прежнего, простиравшегося едва до 700 р. с., остаточных сумм в эти года не было.

Надобно сказать, что город Березов не может в настоящее время похвалиться как внешним своим устройством, так и внутренним. Нет здесь ни загороды вокруг города для удержания скота в надлежащем месте, почему все лето и зиму скот вольно шляется по городу и безнаказанно заходит в огороды с овощами и топчет и ест их. Нет ни тротуаров в исправности, между тем как жители города, особливо казачье сословие, имеют не только состояние, но даже капиталы, и, следовательно, город мог бы находиться в более исправном виде. Главное, что затрудняет жителей, особенно чиновничий класс, так это то, что нет базара, по неизвестной причине ныне закрытого. По возможности объясним те неудобства, которые встречаются здесь вследствие закрытой торговли съестными припасами.

Здесь все жители, за исключением очень немногих городских обывателей, чиновников гражданского ведомства и духовных лиц, имеют склонность торговать и при этом берут невероятные цены, особенно с остяков, издалека заезжих, за разные произведения и с чиновников – за съестные припасы. Необходимость заставляет покупать их за какую ни попало цену к совершенному разорению здешнего бедного чиновничества, которое именно поэтому и старается всегда избегать службы в Березове. Будь же в Березове каждодневно открытый торжок, тогда, без всякого сомнения, жизненные припасы спадут в цене и меньше будет злоупотреблений.

Приезжающие сюда зыряне и остяки, по обыкновению, сбывают припасы за дешевую цену, но здешние прасолы наперебой покупают гуртом, разумеется, еще дешевле, а продают как только возможно доро-

же, имея в виду, что немногие успели закупить припасы, и нисколько не ошибаются в своих расчетах.

Таким образом, ясно, что необходимо возобновить в Березове торжок⁸ с соблюдением всех правил о торговле. Тогда только может несколько облегчиться жизнь в материальном отношении для всякого сословия. В противном случае этот и так отдаленный край от более образованного люда совершенно заглохнет и закоснеет в невежестве, еще более – в бесчестном барышничестве и торгашестве. Жизнь здесь заезжему человеку будет по-прежнему безотраднa и пуста.

Жители города летом и зимой занимаются рыбной ловлею, ловлею перевесами и кисканами перелетных птиц. Торговля их состоит летом именно в том, что они изловят, зимою же торгуют большею частию перекупным оленьим мясом, боровою птицею и отчасти скотским мясом в самом небольшом количестве. Зимою наши торгаши – барышники, набрав товаров на инородческую руку, преимущественно разъезжают по инородческим улусам.⁹

Из огородных овощей хорошо родился здесь картофель, иногда в урожайные годы бывает порядочная морковь, репа и редька. Редкое лето удастся получить сколько-нибудь листов капусты и то, пожалуй, годной только для корма скота. Огурцы получаются средней величины и то после самого тщательного ухода за ними.

В окрестных лесах из ягод родится много голубицы, черники, водяники и морошки. Бывает также княжника, смородина, брусника и отчасти черемуха. Эти последние ягоды близ Березова рождаются в малом количестве и не так бывают вкусны. Кроме того, в наших лесах иногда бывает много разных пород грибов.

Леса здесь большею частию хвойные, и между ними много кедровых деревьев, орехи с которых, однако, получаются гораздо хуже кондинских. Они как-то водянисты и притом имеют слабое и менее полное ядро.

Домовладельцы города Березова имеют 150 домов. Казенных здесь 4, общественных 4, церковных, т.е. принадлежащих духовным лицам, – 5. Две каменные церкви, две деревянные часовни.

⁸ Как видно из дел хозяйственного управления, в Березове был торжок каждодневный и шел с успехом.

⁹ Насколько добросовестна торговля их с инородцами, об этом мне уже приводилось говорить в «Тоб. Губ. Вед.» в № 46-м за 1865 г.

Кроме положенных в уездных сибирских городах правительственных мест, в Березове есть окружное управление под председательством военно-окружного начальника и сокращенный штатом и делопроизводством окружной суд, ныне состоящий из одного судьи и секретаря. Сокращение окружного Березовского суда сделано правительством потому, что в этом крае очень мало встречается преступлений и проступков. Вот что, напр., видно из ведомости о числе и роде преступлений, случившихся в самом городе в 1865 г. В продолжении 1865 г. было три смертных случая и, как видно из ведомости, вовсе не преднамеренные, потому что один из них был следствием чрезмерного употребления горячих напитков, а другие два от неосторожности на воде.

Острог здесь очень небольшой и малопоместительный для содержащихся. Так же, как в других уездных городах, здесь есть отделение попечительного о тюрьмах комитета.

Купеческих капиталов в Березове считалось за 1864 г. 10 и за 1865 г. — 8. Берущих торговые свидетельства, кроме купцов, до 10 чел.

Хотя здесь и есть ремесленники, как то: портные, сапожники, столяры, кузнецы, печники, плотники, каменщики, маляры, но в цех не платят. Вообще ремесленного люду здесь очень мало и притом работы, даваемые им, исполняются ужасно недобросовестно. За исключением очень немногих коренных наших ремесленников, все остальные — голяки и гуляки. С последними жителям города очень часто приходится иметь дело через полицию.

Н. П-ский

Тобольские губернские ведомости. 1866. № 34

Купеческих лавок с товарами в Березове 7. Из числа их три служат кладовыми для товаров. Амбаров для хранения снастей, нужных при ловле рыбы, 38. Казенных магазинов один в двух отделениях и один для соли, один пороховой погреб и один винный магазин, ренсковых погребов 3, питейных лавочек 9 и два склада.

Разных товаров привозится сюда из Ирбитской ярмарки примерно на 50000 р. Хлебного вина собственно в Березове в продолжение года выходит за 10000 ведер.

Жителей в г. Березове обоего пола 1643, из них мужского пола 854, а женского 789. В том числе лиц духовного звания муж. 12 и жен. 16, чиновников м. 38 и ж. 41 [еловек], купцов м. 28 и ж. 17, мещан м. 219 и

ж. 220 ч., городских крестьян м. 92 и ж. 81 ч., казаков м. 290 и ж. 298 ч., разночинцев м. 19 и ж. 35, ссыльных м. 17, ж. 9 ч., инородцев, проживающих у жителей в работах, м. 99, ж. 44 ч.

Многие из наших горожан имеют оленей от 5 до 10, а некоторые – до 100 и более. Всех вообще считается до 1000 голов. Летом оленей угоняют для пастьбы в Уральские горы или же, кто имеет их небольшое количество, отдают в ближние улусы для той же цели. Оленный скот вообще очень некрепок здоровьем, особенно в летнее время, а потому всякий хозяин, опасаясь упадка, боится увеличивать прикупкою свои стада, очень легко могущие подвергнуться общей участи, что влечет за собой неминуемо разорение владельца. Вследствие такой предосторожности и наши горожане довольствуются тем, что они имеют и каким от этого пользуются приплодом.

В зимнее время для перевоза клади служат олени и рабочие собаки, которых здесь считается до 300 штук. Хорошие олени в сутки зимою могут с кладью пробежать 120 верст и более, без клади же пробегают от 150 до 180 верст. Хотя они и не рослые, но довольно крепкие и сильные, несмотря на всю небрежность их воспитания. С детства их кормят плохо, бьют беспощадно и после всего этого взрослых заставляют работать нередко через силу и награждают такими ударами, что бедные животные замертво падают. В городе можно встретить много изуродованных собак и потому никуда не годных. Вот почему в г. Березове по вечерам, большею частью перед дурною погодою, собаки с тощими желудками завывают так жалобно, как будто местности угрожает что-нибудь страшное, неожиданное. С голоду собаки часто воруют куриц, рыбу и все, что попадется.

Березовские домохозяева имеют лошадей 193, коров 217, коз 5, овец 17 и свиней 7.

Бедные домовладельцы за неимением лошадей употребляют для работ собак. На них осенью и зимою по первому снегу возят дрова, сено, воду и даже ездят по ближним инородческим улусам за рыбою, для этого в нарту запрягают от 6 до 12 собак.

Природные жители города ведут жизнь скромную, тихую, почтительны и услужливы к старшим, но в обиду не дадутся. Уважают духовенство, бывают часто в церкви и там ведут себя как следует православным христианам.

В престольные праздники всегда ожидают священников «со святиною» и бывают приготовлены к их встрече. Свадебные дела и другие

какие важные предприятия всегда начинают с благословения своих духовников, к которым они прежде всего обращаются за советом. В праздники не прочь погулять и одеться на щегольскую руку, почище. Большею частью гостеприимны и любят подчас форснуть. Многие из казаков и богатых мещан в свои именины или другие дорогие для них случаи делают обеды и приглашают своих близких знакомых, родственников и многих из чиновников, с которыми очень почтительны и обращают на них свое внимание, в котором у них, впрочем, выражается больше уважения к личности, нежели чиновности. Они, напр., разговаривая с ним, в случае недоумения говорят: «Нам простительно-с, мы мало обучались, а потому-с, значит, и немного сведущи-с». Простолюдины здешние, находясь в постоянном столкновении с инородцами, отчасти заражены суевериями, они так же, как и в других местностях, верят в домового (суседка), в привидения и т.п. Мне кажется, что они не будут прочь согласиться в справедливости существования духов с инородческими шаманами. Правду сказать, бывали случаи, в которых русские смельчаки обращались к шаманам поворожить о потерявшихся оленях или вещах и т.п.

Некоторые коренные жители так свыклись с инородческим образом жизни, что едят сырое мясо, просто парное, живую летом, а зимою мерзлую рыбу. Употребляют иногда при разговоре остяцкие слова, как обыкновенно русские, особенно названия одежд. Часто употребляют такие слова, какие едва ли в каком месте можно услышать, так, напр., «двух» вместо «двух», «сорье», «косье», «остячье», «самоед», или «самоедь», «охититься» значит прибираться в доме к празднику, «узгочки» – это значит «уголки».

Общественною нашею жизнью, говоря по совести, не можем похвалиться. Все живут так себе, ни то ни се, как им вздумается. В стороне от большого совета располагают собой и временем произвольно и свободно, разве только приход и отход почты нарушит несколько свободу нашу. Но от почты, бывающей у нас только 2 раза в месяц, нетрудно отделаться. Большинство нашего общества играет в карты, в чем можете не сомневаться, видя в этой же статье, на сколько рублей у нас разбирается карт. Конечно, количество разобранных карт еще не доказывает качество игроков, потому что наши игроки, за неимением больших средств и надеясь на добросовестность воителей настольного зеленого поля, очень часто играют на старые карты. Но оставим пока

карты и перейдем к чтению книг, именно к тому самому предмету, который у нас ныне находится в самом невыгодном положении. Литературных вечеров, по поводу которых так много было говорено раньше, у нас решительно не стало, картежные вечера поглотили все время, годное для доброго дела. Даже можно позволить себе думать после всех этих тусклых вечеров, что и мысли в головах наших деятельных игроков теперь стали похожи на мультков в решетке.

Кстати, начавши здесь говорить о литературных вечерах, упомяну об одном из них, бывшем назад тому месяца три. Две вновь приезжие более или менее представительные личности по здешнему городу (один из коих, впрочем, уже давно уехал), сильно хлопотали об устройстве литературных вечеров. В уважение их многие согласились принять участие в этом очень приятном и полезном занятии. Медлить было нечего. Лишь наступил великий пост, один из приезжих, именно тот, который теперь остался здесь, предложил каждое воскресенье собираться у него для литературного чтения. В первое воскресенье собрались почти все чиновники, за исключением весьма немногих. Устроился вечер. Стали читать на два кружка: в одном предметом для чтения была выбрана статья из журнала «Русское слово» «Пушкин и Белинский», соч. Писарева, а в другом какая-то повесть. Не прошло часу в чтении, как некоторые из бывших тут дам заявили желание лучше поиграть в карты, что скоро и с общим одушевлением было принято и другими дамами, а затем и мужчины многие приняли живое участие в стуколке. Любители чтения, однако, не оставили своего приятного и полезного занятия. Но все-таки литературный вечер стал походять скорее на клуб, и то полный азартной игры и шуму. Спрашивается: может ли при такой организации общества устроиться что-нибудь дельное? Сомнительно. Такое положение общества, и тем более столь отдаленного, если не жалкое, то все-таки грустное.

Нечего уже и говорить, что принявшийся за устройство литературных вечеров, видя такое равнодушие общества, должен был ограничиться самым маленьким кружком любителей чтения. Тут преимущественно участвовали учителя Березовского уездного училища. Но и те, к общему сожалению, занятые то посторонними уроками, то занятиями по училищу, должны были прервать это прекрасное дело.

Березовским обществом выписывается очень немного литературных периодических журналов и еще меньше книг, заслуживающих

общего внимания. Но все-таки читать здесь есть кое-что. Во-первых, здешняя учительская библиотека имеет до 1500 томов очень дельных и весьма полезных книг. Во-вторых, училище выписывает ежегодно новые книги и тем увеличивает свою фундаментальную библиотеку. В-третьих, здесь выписываются некоторыми присутственными местами газеты «Голос», «Северная Почта», «Биржевые Ведомости», «Русские Ведомости», «Современный Листок» и «Иллюстрированная газета». Из журналов на 1865 г. выписывались «Русское Слово» в 2-х экземплярах, «Сын Отечества», «Семейные Вечера», «Воскресный Досуг» и «Отечественные Записки». Из духовных журналов при церквях выписываются «Странник», «Христианское Чтение», «Православное Обозрение».

В Березове есть две больницы: инородческая и казачья. В первой находятся остяки, большею частью зараженные сифилитическою болезнью. Много также бывает больных глистами. Сифилис хотя и не поддерживается здешним климатом, но к распространению его между остяками много способствует их неопрятность и нечистоплотность. При этом еще более способствует к развитию упомянутой болезни частовременная простуда. Остяки, находясь то в холодной воде при ловле рыбы, то в лесах на звериных промыслах, терпят множество лишений. Остяки склонны к чрезмерному обжорству и пьянству и тем, без сомнения, еще более поддерживают сифилис. Нередко нам случается встречать здесь остяков, ужасно обезображенных этой болезнью.

Остяки также бывают больны глазами от дыму, в котором они постоянно находятся в своих юртах с постоянно топящимися чувалами. Глаза у остяков большею частью бывают мокры и имеют загноившиеся ресницы, отчего они бывают редки и потому служат малою защитою от внешних предметов, имеющих особенное свойство раздражать и увеличивать глазную боль. Жители Березова, особенно прежде, часто подвергались цинге, которая здесь свирепствует преимущественно весною и осенью. Развитию болезни этой много способствовала сырость здешняя и непоследовательная переменчивость температуры воздуха. Ныне же окрестности Березова время от времени становятся суше и потому с этой стороны мало поддерживают и развивают цингу, хотя

и замечаются иногда слишком непоследовательные и неровные переходы температуры воздуха. Цинга в Березове с некоторого времени становится не совсем опасною болезнью, как в давние времена, когда большая часть населения в Березове подвергалась этой болезни. Много способствует развитию этой болезни при малейшем ее появлении невоздержание от частого и сильного употребления горячих напитков, домашняя засидчивость, простуда и дурная пища. Против этой болезни простолюдины принимают очень простые средства, испытанные уже не раз и с большим успехом.

Вообще надобно сказать, что здесь болезни не так сильно свирепствуют, как в других местностях. Здешний народ вообще крепкий и здоровый, чему, разумеется, способствует холодный климат.

Коренные жители Березова удивительно как терпеливо переносят различные перемены погоды. Они, привыкнув находиться то на воде, то в лесу во всякое время года, пускаются смело и отважно повсюду.

Н. П-ровский

Тобольские губернские ведомости. 1866. № 35

По воле случая жизнь города Березова середины XIX века отразилась в периодике Тобольской губернии, состоявшей в то время из единственного издания – газеты «Тобольские губернские ведомости», намного полнее, чем жизнь его собрата-ровесника Сургута. Березову повезло: в 40-60-е гг. он имел своих писателей – сначала Николая Алексеевича Абрамова, штатного смотрителя уездного училища, затем политического ссыльного Александра Ивановича Иконникова. Почти сразу после отъезда Иконникова в 1864 году из Березова его сменил на посту местного бытописателя автор с неустановленным пока именем, подписывавший свои сочинения псевдонимами «П.», «Н.П....ровский», «Н.П-ровский», – человек, живший некоторое время в Березове, но не местный, смотревший на жизнь внимательным и при этом сторонним взглядом, трудно привыкавший к северному климату. В своих очерках он использует зачастую статистическую информацию, которая могла быть получена только от местных властей. По-видимому, это был чиновник. Можно полагать, что писательство было для него не потребностью, но лишь попыткой преодолеть скуку березовской жиз-

ни, и само порой навевало скуку: столь малозначительным выглядело описываемое. «Да и о чем писать из Березова? – сетует автор. – Наша общественная жизнь идет так однообразно...». Тем не менее зафиксированные факты и явления полуторавековой давности имеют для нас несомненную ценность, при сопоставлении с написанным другими авторами они помогают воссоздать историческое полотно березовской жизни, богатое живыми деталями. И нельзя не быть признательным этому неизвестному очеркисту.

***Описание прихода села Чемашевского
Березовского уезда, составленное священником
Зосимой Козловым****

(отрывок)

Внешний быт прихожан. Избы крестьян из строевого леса, они построены простыми избами, выходами обращены в разные стороны, так как ни дворов, ни садов около домов нет, и все это выстроено в куче без всякого плана, планы же по всем соседним селам в 1901 году летом были составлены землемером, а село Чемашаи как стоящее в стороне от летнего тракта в 7 верстах не попало в число работ землемера.

Пьянство сильно развито в приходе, из-за чего все инородцы и крестьяне нанимаются в работу на рыбные промыслы. У жителей села Чемашевского хозяйство и дома совсем разрушаются, несмотря на то, что в трех верстах находится лес строевой, даже ремонту не производят, чему причины, во-первых, нерасчетливость в средствах, во-вторых, леность, а в-третьих, выезд из села со всей семьей в марте месяце, и проживают в протоках до ноября месяца, следовательно, пропускают теплое время, нужное для ремонта. Поэтому село Чемашевское имеет неприглядный вид и представляет снаружи груды развалин, а не домов, и считается в Березовском уезде самым беднейшим селом и приходом.

Денежная картежная игра также распространена между некоторыми жителями. В домах более всего встречаются иконы Св[ятого] Николая как местно чтимого в приходской церкви.

Одежда крестьян в летнее время: бродни, визитка и гусь из сукна. Женская обувь – бродни, чирки из кожи и некоторые носят башмаки. Также носят платья, несколько применяясь к городскому покрою, на

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 710. Оп. 1. Д. 6.

голове, кроме прически, носят... вязанные платки, опуская концы назад. Украшения женщин – серьги и кольца, преимущественно серебряные. В зимнее время одежду носят: мужчины – катанки, полушубки бараньи и шапки теплые, а женщины – катанки и шубы на заячьем или другом каком-нибудь меху. Одежда остяков: мужчины носят зимой рубаху длинную, визитку, полушубок бараний, катанки. Некоторые носят пимы из шкур, которые сдираются с ног оленя. Еще носят ниры (местное название), то есть род чирков из кожи, вверху вместо голяшки пришивается холст, который завязывается веревочкой. Когда их надевают, то наперед надевают чулки, сшитые из сукна. То же носят на ногах и женщины. Одежда их – рубахи кумачовые или ситцевые, отделанные на подоле и рукавах узкими полосами из разных ситцев, или отделяют бисером. Сверх рубахи надевается распашное платье, как бы халат. Некоторые молодые женщины и девицы надевают нагрудники на шею и концы спускают наперед вроде лент, вышитых разным бисером. Походят на горжеты. Вышивка искусная, как бы в крестик вышито гарусами разноцветными. На ногах еще носят род туфель, вышитых спереди бисером. Уличная одежда – ягушка, сшитая из гусиных, лебединых или гагарьих шкур пером внутрь, сверху ягушки надевают род накидашки из кумачу или ситцу, обшитой по краям в несколько рядов белыми или красными полосами. На голове носят шали, а девочки заплетают одну косу по-русски. Все женщины и мужчины курят трубки.

Экономический быт прихожан. Прихожане более склонны к рыболовству и к ловле пушного товару. Рыбным промыслом занимаются все – как крестьяне, так и остяки, а ловлей белок, горностаия и лося занимаются только остяки. Скотоводство хотя и есть, но небольших размеров, причина сему – большие воды, в кои не имеется мест для сенокоса, хотя в малые воды можно запасти сена тысячи возов, так как мест сенокосных весьма много, и все это пропадает по лености.

Ремесленников в приходе нет, хотя некоторые могут плотничать, но весьма плохо. Заработки состоят из возки кладей до Тобольска, а также возки проезжих зимой, земской и почтовой гоньбы, так что жители при аккуратности своей могли бы жить безбедно, прибавя к этому еще продажу рыбных песков и зимнюю ловлю щучины, коей каждый год бывает в изобилии. Но все сие идет на вино. А сколько бывает сельских заработков, коими жители, как мужчины, так и женщины, пренебрегают опять-таки из-за лености – например, привезти сена или дров кому-либо нужно, но нанять некого, а если наймутся, то возьмут цену

небывалую и не доставят ни того, ни другого. Женщины помощи даже за деньги никакой не окажут. В особенности трудно живется духовенству семейному: человека в услужение найти нельзя, а также получить какую-нибудь помощь, как это делается в других приходах; например, поставить сено или вывезти его с помощью прихожан – нечего и думать. Последнее дело: за проруби зимой и то с духовенства берут. Брать в долг у кого бы то ни было очень распространено у жителей, из-за чего и купечество не открывает торговли, и это отражается на духовенстве: негде купить необходимого за подходящую цену. Наезд прихожан бывает в престольный праздник 6 декабря и в ясак, тогда приезжают торгаши для поклажи товару и для покупки рыбы.

Религиозный быт прихожан. В приходе все православные, других вер и сект нет. Религиозность прихожан проявляется в ставлении свеч пред иконами в храме, а в несчастьях дают обеты. О больных инородцы вовсе не заботятся и никогда за священником не посылают, несмотря на неоднократное наставление со стороны священника. Особенный пост наложен прихожанами 11 января 1889 года. В день Св. Феодосия, в Палестине подвизавшегося, по случаю болезни дифтерита в этот день совершена была литургия, а после литургии – крестный ход по селу. И действительно, с этого дня вновь заболеваний и умерших не было, и болезнь в скором времени совершенно прекратилась, как говорит о сем летопись Чемашевской церкви; вследствие сего крестьяне постановили чтить ежегодно сей день и просить местного причт служить 11 января дневному святому бдению с акафистом святителю и Чудотворцу Николаю, литургию, по окончании молебн в церкви дневному святому с водосвятием и совершать крестный ход по селу, причём во время хода служить в 4 местах молебны Спасителю, Божией Матери, преподобному Феодосию, Святителю Николаю и Святому Праведному Симону.

Прихожане приобщаются святых тайн один раз в год, а некоторые через 2 или 3 года в Св. Четыредесятницу. Инородцы завывкли исповедаться и приобщаться в юртах святыми запасными дарами, и если священнику не удастся посетить их в Великий пост, то сколько ни зовет он их, они не идут в село, даже местные власти сельские не оказывают содействия, не дают подвод обывательских для того, чтобы десятник мог съездить за ними. И в общем замечается охлаждение к св. храму, многие, в особенности молодежь, по несколько лет не бывали в храме, на все увещания отвечают насмешками. Это охлаждение стало распространяться лет 15 уже, и в отдаленных юртах за 30-50 верст дошло по-

головно. Желательно бы было в отдаленных юртах устроить часовни, где бы можно служить литургию на переносном антиминсе, тогда бы инородцы не охлаждали к служению и не тяготились бы им, и дети бы всегда были приобщены, которых они не привозят в село и не общаются с самого рождения и до возраста, чем бы и был удовлетворен насущный вопрос. Все сии нужды замечаются во всех приходах Березовского уезда, средств у инородцев на постройку часовен нет.

Во время Пасхи с иконами по домам не ходят, не в обычае. Увеселений среди прихожан никаких нет. Поминовение умерших бывает годовичное за скудную плату. Литургий заказных не бывает из-за халатности жителей. Особенных суеверий между крестьянами нет. А между инородцами ворожба и жертвоприношения не прекращаются, несмотря ни на какие доводы и увещания. В особенности у них заведен обычай следующий, на который не мешало бы обратить внимание местному начальству. В юртах Вежакорских привозят истукана и пляшут перед ним, одевшись в разные одежды, как бы в маскарад. В течение 7 лет приезжают отовсюду инородцы. Когда кончается 7 лет, то увозят его назад в юрты Тегенские, за Березовом в 60 верстах, там опять продолжается пляска 7 лет, и так эти юрты чередуются между собой. Некоторые говорят, что истукана у них нет, а только чередуются ворожба и пляска между этими юртами. В январе сего года обычай перешел в Тегенские юрты. От духовенства они скрывают, но частные лица присутствуют при сем.

Как суеверия, так и прочие нежелательные явления жизни инородца искоренятся только тогда, когда будут брать инородцев и крестьян в солдаты. Народ в северном крае телосложением, а также и выносливостью к разным невздам атмосферным весьма крепок. Стрелки все не последние, в особенности инородцы-звероловы, а Казымская волость в особенности отличается рослыми и могучими инородцами.

При свадьбе у крестьян обрядов не бывает особенных, но у инородцев есть. Если остяк вздумал жениться, то идет с родственниками к невестиному отцу и говорит: я хочу купить у тебя дочь за сына. Отец невесты начинает ломаться, говоря: я не отдам. Но отец жениха приступает и кланяется, прося уступить просьбе, иногда доводится ему прийти до 10 раз, в конце концов отец невесты запрашивает 300 рублей, на 15 рубах по 6 аршин ситцу на каждую... и разные мелочи. Отец жениха, помешкав день, является и говорит, что даст 200 рублей деньгами и в половинном виде из одежды, и на том они соглашаются. Если со сред-

ствами жених, то сразу отдают требуемое за невесту, пьют вино, берут и возят ее к себе в дом, а прожив месяц, а то и год, едут венчаться, и этот обычай выкоренить никак нельзя. Это делается ими ввиду того, что если жених будет жить худо с женой, то родители ее назад отбирают, и тогда заплаченное пропадет. Если жених беден, то при сватании отдает часть вырженного, а остальную – в известный срок, и когда придет этот срок, да не случится к тому времени средств отдать остальную часть за невесту, тогда отказывают ему, и первая отданная часть пропадает, как бы за бесчестие девицы (сватал, да не взял), но если хватает средств отдать вторую часть за невесту, то опять бывает выпивка, песен и пляски не бывает. Иностранцы летами ездят на кладбище и там у могил варят что-нибудь и едят на могиле, то есть справляют как бы древнюю тризну, плачут и поют.

Нравственность прихожан. Семейным вдовам, имеющим малолеток, ни родственники, ни общество помощи никакой не оказывают, напротив всячески угнетают. Нищих нет, хотя многие бедно живут, но считают за великий стыд просить. Преобладающие пороки: сквернословие, пьянство, из-за чего [бывают] семейные нестроения и драки, курение табаку мужчинами, женщинами и малыми детьми. Нравственность крестьян села Чемашевского грубая, стараются выказать свое я, даже священника стараются направить на свое мнение, не принимая от него никаких советов, а противореча и оскорбляя его, из-за чего священники не уживаются, а также всегда и к начальству гражданскому относятся с непокорностью, выставляя свои мнения, посему село на плохом счету у всех. На сельских сходах есть заправилы и крикуны, постанавливающие по-своему. Не бывавших у исповеди и святого причастия за 1904 год по нерадению – 163 человека, от пьянства умирает 3-4 человека в год...

Умственное развитие прихожан. Грамотных в природе 31 человек [русских] и 3 иностранца, что составляет 19-ю часть прихода. К образованию крестьяне относятся недоверчиво, потому что отцы неграмотны и детям не желают, на увещания говорят, что мы неграмотны прожили век, пусть и дети живут так же. Иностранцы всего уезда Березовского одного мнения, что дети выучатся – к ним не пойдут жить. Когда был в Кондинске мужской монастырь, то иностранцев отовсюду брали, и многие отдавали учиться, потому что там было готовое пропитание и одежда. Книг жители не берут читать никаких, считают напрасным проведением времени. На явления природы обращают мало внимания. К медицинской помощи жители прибегают охотно.

Церковно-приходские учреждения. Церковная школа грамоты открыта в 1889 году Тобольским училищным советом. Здание под школу построено в том же году и пожертвовано березовским мещанином Андреем Тимофеевичем Новицким, а в 1904 году школа отремонтирована на средства училищного совета; перемены ряжи, настилка половая, сколочены полы, потолки, оконпачено все здание, внутри пазы умазаны, обшито цоколем, устроена избная печь, полы выкрашены. Все это стоило 134 руб. 50 коп. Имеется при школе комнатка для учителя. Местные материальные средства школы: от церкви 25 руб., которые в течение года все не израсходываются, и с каждого ученика по ½ сажени дров. Учеников в настоящее время мальчиков 8 и девочек 3. До 1903 года учение производилось не по программе, без всякого присмотра, выпусков не было. В 1903 году ученики поступили все новые, а старые ученики прекратили учение, посему довелось устроить одну группу младшую, а в 1904 году стали уже группы средняя и младшая, в 1905 году стала старшая группа. С 1889 по 1891 год занимался псаломщик Самодуров, а с 1891 года по 1892 диакон Николай Сновицкий, с 1892 по 1894 – псаломщик Македоний Покровский, с 1894 по 1898 – псаломщик Афиноген Собрин, с 1898 по 1900 – псаломщик Петр Ворсин, с 1900 по настоящий 1904 год – псаломщик Дометий Вологодский. Законоучителем с 1890 по 1894 год был священник Феодор Пузырев, с 1894 по 1901 год священник Иоанн Молоков не законоучительствовал, с 1901 по 1903 год законоучителем был священник Леонид Агафонов и с 1903 года по настоящий законоучительствует священник Зосима Козлов. Выпусков учеников в течение 15 лет не было, чему причиной нестарание и малоопытность учителей и их кратковременное житье в сем приходе.

Священник Зосима Козлов

Об авторе. Зосима Георгиевич Козлов (1872 – после 1936) – представитель старого березовского казачьего рода. Окончив Березовское уездное училище, он более 20 лет прослужил в церквях северных сел Мужи, Обдорск, Чемаша и Кондинское, после чего был переведен в Тюмень, где был дьяконом и священником городских церквей. Более подробные сведения о нем и других членах его семьи даны в очерке «Козловы» (Подорожник. Вып. 2. Ханты-Мансийск, 2002). В этой же книге помещена статья З.Г. Козлова «Об инородческом Севере», впервые опубликованная в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1911. № 6).

Круги на воде

В начале этого года минуло ровно сто лет с того дня, как политический ссыльный Л.Д. Бронштейн, широко известный под фамилией Троцкий, бежал из Березова, где находился на пути к месту своей ссылки – Обдорску. Вот как описывает предысторию события и его подробности сам Троцкий в первом томе книги «Моя жизнь: опыт автобиографии», изданной на русском языке в Берлине в 1930 году.

«До Тюмени мы ехали по железной дороге. Из Тюмени отправились на лошадях. На 14 ссыльных дали пятьдесят два конвойных солдата, не считая капитана, пристава и урядника. Шло под нами около 40 саней. Из Тюмени через Тобольск путь тянулся по Оби.¹ «Каждый день, – писал я жене, – мы за последнее время продвигаемся на 90-100 верст к северу, т.е. почти на градус. Благодаря такому непрерывному передвижению, убыль культуры – если тут можно говорить о культуре – выступает перед нами с резкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся еще на одну ступень в царство холода и дикости».

Пересекши сплошь зараженные тифом районы, мы 12 февраля, на 33-й день пути, доехали до Березова, куда некогда сослан был сподвижник Петра князь Меншиков. В Березове нам дали остановку на два дня. Предстояло еще совершить около 500 верст до Обдорска. Мы гуляли на свободе. Побега власти отсюда не боялись. Назад была одна-единственная дорога по Оби, вдоль телеграфной линии: всякий бежавший был бы настигнут. В Березове жил в ссылке землемер Рошковский.² С ним

¹ Автор не заметил, что от Тобольска несколько сотен верст проехал по Иртышу.

² Рошковский Фаддей Станислав Николаевич (1863 – ?) – старший таксатор Тобольской временной партии по образованию переселенческих участков вдоль линии Сибирской железной дороги. Службу в Сибири начал с должности лесничего Ишимского лесничества. В 1906 г. уволен со службы и выслан в Березов за участие в проведении в декабре 1905 г. крестьянского съезда в Тобольске.

я обсуждал вопрос о побеге. Он сказал мне, можно попытаться взять путь прямо на запад, по реке Сосьве, в сторону Урала, проехать на оленях до горных заводов, попасть у Богословского завода на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до Кушвы, где она смыкается с пермской линией. А там – Пермь, Вятка, Вологда, Петербург, Гельсингфорс..! Дорог по Сосьве, однако, нет. За Березовом сразу открывается дичь и глушь. Никакой полиции на протяжении тысячи верст, ни одного русского поселения, только редкие остяцкие юрты, о телеграфе нет и помину, нет на всем пути даже лошадей, тракт исключительно олений. Полиция не догонит. Зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах. Сейчас февраль, месяц метелей...

Доктор Фейт, старый революционер, один из нашей ссыльной группы, научил меня симулировать ишиас, чтобы остаться на несколько лишних дней в Березове. Я с успехом выполнил эту скромную часть задуманного плана. Ишиас, как известно, не поддается проверке. Меня поместили в больницу. Режим в ней был совершенно свободный.

Я уходил на целые часы, когда мне становилось «легче». Врач поощрял мои прогулки. Никто, как сказано, побега из Березова в это время года не опасался. Надо было решиться. Я высказался за западное направление: напрямик к Уралу.

Рошковский привлек к совету местного крестьянина, по прозвищу «Козья Ножка».³ Этот маленький, сухой, рассудительный человек стал организатором побега. Он действовал совершенно бескорыстно. Когда его роль вскрылась, он жестоко пострадал. После Октябрьской революции Козья Ножка не скоро узнал, что это именно мне он помог бежать десять лет перед тем. Только в 1923 г. он приехал ко мне в Москву, и встреча наша была горяча. Его облачили в парадное красноармейское обмундирование, водили по театрам, снабдили граммофоном и другими подарками. Вскоре после того старик умер на своем далеком севере.

Ехать из Березова надо было на оленях. Все дело было в том, чтобы найти проводника, который рискнул бы в это время года тронуться в ненадежный путь. Козья Ножка нашел зырянина, ловкого и бывалого, как большинство зырян. – А он не пьяница? – Как не пьяница? Пьяница лютей. Зато свободно говорит по-русски, по-зырянски и на двух остяцких наречиях: верховом и низовом, почти несхожих между собою.

³ Подлинное имя этого человека – Кузьма Илларионович Коровьи-Ножки.

Другого такого ямщика не найти: пройдоша. – Вот этот то пройдоха и предал впоследствии Козью Ножку. Но меня он вывез с успехом.

Отъезд был назначен на воскресенье, в полночь. В этот день местные власти ставили любительский спектакль. Я показался в казарме, служившей театром, и, встретившись там с исправником, сказал ему, что чувствую себя гораздо лучше и могу в ближайшее время отправиться в Обдорск. Это было очень коварно, но совершенно необходимо.

Когда на колокольне ударило 12, я крадучись отправился на двор к Козьей Ножке. Дровни были готовы. Я улегся на дно, подостлав вторую шубу, Козья Ножка покрыл меня холодной, мерзлой соломой, перевязал ее накрест, и мы тронулись. Солома таяла и холодные струйки сползали по лицу. Отъехав несколько верст, мы остановились. Козья Ножка развязал воз. Я выбрался из-под соломы. Мой возница свистнул. В ответ раздались голоса, увы, нетрезвые. Зырянин был пьян, к тому же приехал с приятелями. Это было плохое начало. Но выбора не было. Я пересел на легкие нарты со своим небольшим багажом. На мне были две шубы, мехом внутрь и мехом наружу, меховые чулки и меховые сапоги, двойного меха шапка и такие же рукавицы – словом, полное зимнее обмундирование остяка. В багаже у меня было несколько бутылок спирта, т.е. наиболее надежного эквивалента в снежной пустыне. «С пожарной каланчи Березова, – рассказывает Сверчков в своих воспоминаниях, – было видно кругом по крайней мере на версту всякое движение по белой пелене снега в город или из города. Основательно предполагая, что полиция станет расспрашивать дежурного пожарного о том, не уехал ли кто-нибудь из города в эту ночь, Рошковский устроил так, что один из жителей повез в это время по тобольскому тракту тушу телятины. Движение это, как и ожидали, было замечено, и полиция, обнаружив через два дня побег Троицкого, прежде всего бросилась за телятиной, вследствие чего потеряла еще два дня бесполезно...». Но об этом я узнал лишь много времени спустя.

Мы взяли путь по Сосьве. Оленей мой проводник купил на выбор из стада в несколько сот штук. Пьяный возница вначале часто засыпал, и олени останавливались. Нам обоим грозила беда. В конце концов он вовсе перестал откликаться на мои толчки.

Тогда я снял с его головы шапку, волосы его быстро прохватил иней, и хмель стал выходить из него. Мы двинулись дальше. Это было поистине прекрасное путешествие в девственной снежной пустыне, среди елей и звериных следов. Олени бежали бодро, свесив на бок язы-

ки и часто дыша: чу-чу-чу-чу... Дорога шла узкая, животные жались в кучу, и приходилось дивиться, как они не мешают друг другу бежать. Удивительные создания – без голода и без усталости. Они не ели сутки до нашего выезда, да вот уже скоро сутки, как мы едем без кормежки. По объяснению ямщика, они теперь только «разошлись». Бегут ровно, неутомимо, верст 8-10 в час. Корм для себя олени добывали сами. Им на шею привязывали по полону и отпускали на волю. Они выбирали место, где под снегом чуяли мох, разрывали копытами глубокую яму, уходили в нее почти с головою и кормились. У меня было к этим животным примерно тоже чувство, какое должно быть у летчика к своему мотору на высоте нескольких сот метров над океаном. Главный из трех оленей, вожак, захромал. Какая тревога! Необходимо было сменить его. Мы искали остяцкого кочевья. Они раскиданы здесь на расстоянии многих десятков верст друг от друга. Мой проводник находил кочевье по самым неуловимым признакам. За несколько верст он чуял запах дыма. На смену оленей мы потеряли больше суток. Зато на рассвете я был свидетелем прекрасной картины: три остяка при помощи лассо вылавливали на полном ходу заранее намеченных оленей из стада в несколько сот голов, которых собаки гнали на ловцов. Мы снова ехали то лесом, то покрытыми снегом болотами, то огромными лесными пожарами. На снегу кипятили воду, из снега же и пили чай. Мои проводник предпочитал, впрочем, спирт, но я зорко следил за тем, чтоб он не выходил из нормы.

Дорога как будто одна и та же, но всегда разная. Это видно по оленям. Сейчас мы едем открытым местом: между березовой рощей и руслом реки.

Дорога убийственная. Ветер заносит на наших глазах узкий след, который оставляют за собой нарты. Третий олень ежеминутно оступается с колеи. Он тонет в снегу по брюхо и глубже, делает несколько отчаянных прыжков, взбирается снова на дорогу, теснит среднего оленя и сбивает в сторону вожака. На одном из дальнейших участков пригретая солнцем дорога становится так тяжела, что на передних нартах дважды обрываются постромки: при каждой остановке полозья примерзают к дороге, и нарты трудно сдвинуть с места. После первых двух пробежек олени уже заметно устали... Но солнце скрылось, дорога подмерзла и становилась все лучше. Мягкая, но не топкая, – самая дельная дорога, как говорит ямщик. Олени ступали чуть слышно и тянули нарты шутя. В конце концов пришлось отпрячь третьего и привязать сзади, потому

что от безделья олени шарахались в сторону и могли разбить кошеву. Нарты скользили ровно и бесшумно, как лодка по зеркальному пруду. В густых сумерках лес казался еще более гигантским. Дороги я совершенно не видел, передвижения нарт почти не ощущал. Заколдованные деревья быстро мчались на нас, кусты убегали в сторону, старые пни, покрытые снегом, рядом со стройными березками, проносились мимо нас. Все казалось полным тайны. Чу-чу-чу-чу – слышалось частое и ровное дыхание оленей в безмолвии лесной ночи.

Путешествие длилось неделю. Мы проделали 700 километров и приближались к Уралу. Навстречу все чаще попадались обозы. Я выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толя. Недалеко от Урала мы наткнулись на приказчика, который раньше служил в этой экспедиции и знал ее состав. Он закидал меня вопросами. К счастью, и он был нетрезв. Я торопился выйти из затруднения при помощи бутылки рома, которую захватил на всякий случай. Все сошло благополучно. По Уралу открывался путь на лошадях. Теперь уж я значился чиновником и вместе с акцизным ревизором, объезжавшим свой участок, я доехал до узкоколейки. Станционный жандарм безучастно глядел, как я освобождался из своих остяцких шуб».

Обстоятельства побега Л.Д. Троцкий описывает легко, весело и не без самодовольства. Но побег довольно болезненно затронул интересы местного населения Березовского уезда, и круги от брошенного камня расходились по воде в течение нескольких лет. Своим прямым следствием побег имел отстранение от должности уездного исправника И.В. Евсеева, вызвавшее беспримерный ропот населения. Пора рассказать и об этом, т.к. иначе представление о событии остается односторонним, каким его обрисовал сам Троцкий: блестяще удавшийся дерзкий побег и только. Взглянем же на него глазами березовцев, но прежде обратимся к послужному списку бывшего исправника.

К 1907 году Иринарх Владимирович Евсеев, сибиряк, сын фельдшера, выпускник Тобольского уездного училища, был уже опытным полицейским чиновником. В Березов он приехал, имея за плечами годы службы уездным исправником в Тюмени и Сургуте. Весьма высоко оценивал деятельность Евсеева в сургутский период службы А.А. Дунин-Горкавич. Во втором томе «Тобольского Севера» он пишет об его настойчивых и энергичных действиях, направленных на повышение благосостояния хантов. Он добился введения более выгодного для

них способа уплаты повинностей – звериными мехами вместо денег, что способствовало накоплению инородческого капитала, улучшению снабжения хантов мукой, порохом, дробью, пресек злоупотребления волостных администраций, сделал более «прозрачной» отчетность хлебозапасных магазинов, организовал широкую продажу населению Ваховского края предметов первой необходимости по заготовительным ценам.

Столь же полезную деятельность развернул И.В. Евсеев и в Березовском уезде, куда был переведен из Сургута в октябре 1903 г. Заслуги его были отмечены производством в декабре 1905 г. в чин коллежского асессора и награждением орденом Святого Станислава 2-й степени. Но еще значительнее то, что они были признаны местным населением.

Спустя месяц-полтора после побега Троцкого, березовцы, не видя исправника в городе, забеспокоились. На имя тобольского губернатора стали поступать телеграммы из Самарова, бывшего тогда конечным пунктом телеграфной линии из Тобольска на Север. Первой 7 апреля была получена телеграмма, подписанная березовским городским старостой Г.В. Кузьминым: «Ввиду распространившихся слухов по поручению уполномоченных управления почтительнейше ходатайствую об оставлении исправника Евсеева на службе в Березове, ибо только ему одному обязаны своим спокойствием в это смутное время...»⁴

Следом 13 апреля пришла новая телеграмма: «Общества Кондинской [и] Котской волостей покорнейше просят Ваше Превосходительство оставить на службе березовского уездного исправника Евсеева. Если Ваше Превосходительство не имеет своей властью разрешить остаться в Березовском уезде исправнику Евсееву, то просим войти с этим ходатайством [к] г. министру об оставлении его в нашем уезде как человека для нас нужного и входящего во все крайние нужды уезда...».

Далее по почте до Тобольска добрались приговоры волостных сходов и собрания уполномоченных г. Березова, единодушно настаивавшие на возвращении Евсеева. Прошедший в селе Кондинском сход уполномоченных от крестьян Кондинской волости и инородцев Котской инородной управы просил: «Имея в виду, что г. исправник Евсеев за время его службы в нашем уезде большую оказал нам пользу как в деле продовольствия, открытия потребительской лавки, поставки дров

⁴ Здесь и далее приводятся документы государственного архива г. Тобольска. Ф. 152. Оп. 34. Д. 142 «О службе Иринарха Владимировича Евсеева».

на пристани и других улучшений нашего быта, а тем более в настоящее время у нас предполагается постройка парохода для всего уезда, что это дело для нас особенно важное, в каком-то деле г. исправник Евсеев также мог быть нам полезным, зная наше экономическое и материальное положение. По обсуждении всего вышеизложенного мы единогласно постановили просить (и просим) г. начальника губернии, если господин Евсеев изъявит желание остаться на должности исправника в нашем уезде, то оставить его на означенной должности как лица крайне для нас в настоящее время необходимого и полезного, в том и подписуемся». Подписи заняли более трех страниц.

Приговор собрания уполномоченных г. Березова, мотивируя свою просьбу, характеризовал Евсеева как администратора «отзывчивого ко всем нуждам населения». Интересно то, что под этим ходатайством стоит подпись и городского уполномоченного К.И. Коровьи-Ножки – того самого, который своим содействием побегу Троцкого невольно предопределил увольнение Евсеева. Последнее волеизъявление северян датировано 25 июня 1907 г.: сход крестьян Елизаровской волости просил возвратить Евсеева к прежнему месту службы «как человека, являющегося справедливым, деятельным и за время служения своего принесшим немало пользы».

Все эти обращения к губернатору были оставлены без последствий. Колесо судьбы И.В. Евсеева поворачивалось в другую сторону. Кто-то, ценивший деловые качества Иринарха Владимировича, хлопотал о предоставлении ему должности по министерству юстиции, губернатор никаких препятствий для этого не видел, и 1 мая Евсеев был назначен на скромную должность архивариуса Тобольского окружного суда. Одновременно дело бывшего исправника было препровождено прокурору и началось следствие. Тянулось оно долго. Наконец, в 1909 году дело поступило в Омскую судебную палату. Ожидая начала процесса, И.В. Евсеев писал губернатору 16 марта 1910 г.: «Полагаю, что не могло быть неизвестно, что, располагая 4 городскими и 9 урядниками на всем огромном пространстве Березовского уезда, было трудно, если совсем не невозможно, предотвратить побег среди более 300 водворенных там политических ссыльных – людей даже только из принципа всегда готовых на всевозможные крайности в своих отношениях к полиции. Что это именно так, вполне подтвердилось рядом побегов вскоре же по увольнении меня от должности. Быть может, сознанный потом беспомощностью чинов полиции в этих отдаленных окраинах и объясняется

тот отрадный факт, что примененная ко мне мера двойного наказания оставлена». В связи с тем, что на конец июня 1910 г. назначалось слушание его дела, Евсеев просил губернатора представить суду справку о том, что увольнение его от должности было прямым следствием побега из Березова политического ссыльного.

Омская судебная палата оправдала Евсеева, но этим дело не закончилось, помощник прокурора опротестовал приговор. Только после рассмотрения дела в Правительствующем Сенате оправдательный вердикт окончательно вошел в силу, Евсеев получил лишь замечание. В судебной системе еще вполне властвовал закон, а не «политическая целесообразность».

Можно полагать, что обращения граждан Березовского уезда к губернатору, в которых невольно выразилось их представление о том, какой должна быть местная власть, все же не «оставлено без последствий», как написано на полях их писем. Спустя три года, уже другим губернатором березовским уездным исправником был назначен уроженец Березова, выходец из местного казачества и тоже энергичный и заботливый администратор Лев Никифорович Ямзин, с пользой служивший землякам до революции 1917 года.

Карьера же Евсеева в 1907 году закончилась. Он продолжал служить, но уже на малозначительных должностях, в Тобольске – архивариусом суда, старшим помощником делопроизводителя управления земледелия и государственных имуществ, секретарем казенной палаты. Потерпев крушение карьеры, Иринарх Владимирович не замкнулся в себе и сохранил интерес к общественным делам. Он избирался присяжным заседателем по Тобольскому уезду, большую работу вел как секретарь Тобольского отделения Императорского общества судоходства, руководимого А.А. Дуниным-Горкавичем, был избран почетным членом общества, летом 1908 г. участвовал в экспедиции Дунина-Горкавича в низовья Оби. Весной 1917 г. Евсеев вновь получил назначение в Березов – на этот раз податным инспектором. Не забывшие Иринарха Владимировича березовцы вскоре избрали его гласным городской думы.

Сведений о жизни и деятельности И.В. Евсеева после 1917 года отыскать не удалось. Но известно, что его сын Вениамин Иринархович, родившийся в Березове 25 февраля 1905 г. и окончивший в Оренбурге институт крупного мясного скотоводства и ветеринарии, впоследствии стал видным специалистом по кормам и пастбищам, доктором сельскохозяйственных наук.

Валерий Белобородов

Георгий Николаевич
Твердый

Москва
г. Ленинград
ул. Твердый
1925

Поэт, сторонившийся славы

Душевный дар сибирского поэта Георгия Николаевича Тверитина (13 февраля 1889 – 31 декабря 1921) с самого рождения нашел себе благоприятную почву: ребенок появился на свет в казачьей станице Щучинской Акмолинской области первенцем в семье молодого священника Николая Александровича Тверитина – настоящего сельского интеллигента, скромно и упорно трудившегося для просвещения местных казаков и крестьян. В Щучинской он заведовал одновременно тремя церковно-приходскими школам (кроме станичной, – в двух соседних деревнях), устраивал литературные чтения, вечера, позднее, когда был переведен священником в станицу Вознесенскую, создал богатую библиотеку там. Хорошую библиотеку имел и дома, выписывал журналы «Нива», «Природа и люди», «Родная речь», «Родина». Дочь Анастасия вспоминала: «В голодный 1891 год он выхлопотал для школ горячие завтраки для учащихся, которые в подавляющем большинстве были дети бедняков...».

Георгий рос в атмосфере родительской любви и сам светился любовью к нарождающимся следом за ним сестрам Анастасии, Евгении и Анне и брату Пете, позднее с благодарностью вспоминая о нем. «Рано и как бы шутя, – писала Анастасия, – он выучился грамоте и пристрастился к чтению. Прочитав сказку или рассказ, он его тотчас же представлял в лицах вместе с друзьями и сестрой с подружками... Обладая богатой фантазией, Юра часто рассказывал своим брату и сестрам разные фантастические рассказы, им самим придуманные... Он говорил, что много раз уже жил на земле, но все в разных странах, где испытывал разные приключения и трагически погибал, чтобы снова родиться в другой стране и жить среди другого народа». Младшая сестра Анна

дополняет: «...нам, малышам, он часто помогал в играх, устраивая и придумывая разные сценки в стихах, которые мы разучивали и играли. Помню одну сценку «Разбойник-чудак», где я играла роль цыганки, попавшей к разбойникам, и слова: «Развеселая цыганка, а зовут-то меня Анка, я к разбойничкам попала, воровать я с ними стала». А сестра Женя была полицейским и говорила: «Именем закона арестую Вас».

Судите сами, легко ли было десяти- или одиннадцатилетнему живому, любознательному фантазеру и книгочею покинуть родной дом, расстаться с привычной деревенской средой и поехать в Ишимское духовное училище. Наверное, и отец, зная сына, с тяжелым сердцем отправлял его учиться семейной профессии церковнослужителя. Учился Георгий, или Юра, как его звали в семье, прилежно. «Внимательно слушая на уроках и схватывая все на лету, он во время вечерних занятий в интернате помогал малоспособным ученикам готовить уроки и писать сочинения, – рассказывала в письме сестра Анастасия. – Писал он хорошо и делал переводы с греческого и латинского языков в стихах. Писать стихи он начал еще в училище, и одно из стихотворений было напечатано на обложке детского журнала «Задушевное слово», который он выписывал на свои сбережения от денег, посылаемых отцом на лакомства». Но общий строй бурсацкой жизни был казенным, однообразным и безрадостным, и Юра всегда с радостью ехал домой на зимние каникулы и даже приезжал и на весенние, нарушая запрет отца, который опасался трудностей поездки из-за распутицы.

В 1905 г. Георгий окончил училище и поступил в Тобольскую духовную семинарию. Литературный дар его продолжал развиваться. Учеба в Тобольске началась на фоне российских революционных событий, которые не могли не повлиять и на семинаристов: менялись их настроения, взгляды на жизнь и предназначение человека. Произошли перемены и во внутренней жизни семинарии, содержании учебного процесса. «Жизнь у нас поставлена по-новому, – с удовлетворением констатировал начинающий семинарист. – Разрешено посещать театры и устраивать общесеминарские сходки без надзора начальства... Ученическая библиотека тоже отдана в ведение воспитанников. Открыта ученическая читальня, в которую допущены все журналы и газеты без исключения». В это время в сочинениях и дневниковых записях Тверитина звучат мотивы духовного поиска, самоопределения, личностной свободы.

Очень ценную духовную поддержку получил в это время Георгий от своей тети, сестры матери Таисьи Михайловны Фарафонтовой, – тобольячки, окончившей в 1897 году словесное отделение высших женских Бестужевских курсов в Петербурге. О ней известно очень немного – в частности, то, что человеком она была деятельным и прогрессивно настроенным, имела переписку с Г.Н. Потаниным, собирала материалы о Н.М. Ядринцеве, писала статьи в газеты.

«Более близкое общение с юным племянником, – пишет Т.М. Фарафонтова, – установилось у меня с 1904 г. ...Мать переслала мне 2-3 тетради его ранних стихотворений, что обнаруживало в мальчике большие возможности. В конце лета того же года возобновилось наше личное знакомство, и между нами установилась прочная дружба и началась деятельная переписка, продолжавшаяся с небольшими перерывами до конца его жизни... Я внимательно следила за духовным ростом юноши и всячески поощряла его творческие порывы».

Своими письмами и всеми иными доступными средствами Таисья Михайловна поддерживала в племяннике стремление к образованию, творчеству и общественно полезной деятельности, посылала деньги, когда Георгий учился в Петербурге. Судя по многочисленным письмам Тверитина к тете, она стала для него наиболее близким духовно человеком, с ней он обсуждал самые важные вопросы жизни, прежде всего – о литературе и призвании писателя, ей посылал свои стихи и рассказы. Таисья Михайловна сберегла это единственное богатство племянника – его бумаги. Ныне они находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве и составляют фонд 1184 «Тверитин Георгий Николаевич». Здесь собраны стихотворения, рассказы, юношеские дневники, письма, воспоминания сестер и биографический очерк, написанный Т.М. Фарафонтовой. По этим материалам и подготовлена настоящая публикация.

«Поэзия и вообще писательство, – признавался Георгий в письме 1 декабря 1906 г., – кажется мне таким святым делом, которое никогда нельзя употреблять бесполезно, без толку... Мне было стыдно и неловко употреблять на грязные анекдоты поэтический слог, и я никогда не писал ничего «для забавы» в виде различной заборной литературы. А теперь мне хочется сказать что-то такое, в чем не было бы ни одного ненужного, бесполезного слова. Может быть, это смешно и даже несколько тщеславно, но не думай так: я не ищу славы и не хочу быть известным. Я хочу быть только полезным человеком».

В конце 1906 года Георгий организовал в своем семинарском классе кружок самообразования и воспитания. Чтобы стать полезным, он хотел как можно больше познать, продолжал запоем читать и мечтал о продолжении образования в университете. Однако положение его в семинарии было незавидным, духовная самостоятельность и общественная деятельность (он редактировал рукописный сатирический журнал «Овод») не могли не навлечь на него неприязни семинарского начальства.

«Мне предлагают бросить писать, – с горечью сообщал Георгий тете 17 марта 1908 г., – бросить то, чем я занимаюсь уже столько лет, ловят каждый мой шаг, заставляют начать какую-то новую жизнь, тогда как и эта-то жизнь мне тесна. Иногда так больно, что взял бы да и выкрикнул всю правду в глаза и ушел от них куда-нибудь далеко-далеко. Вот только папу с мамой огорчать жаль...»

Ученье в семинарии продолжалось. Георгий переходил из класса в класс, продолжая писать, с осени 1909 г. стал публиковать стихи и рассказы из степной жизни в газете «Омский вестник» под псевдонимом Юрко Сибирский. Но положение его в семинарии оставалось прежним, т.к. он душой все больше расходился со своими наставниками. «Хочется на волю, на воздух, куда-нибудь к живым людям, к жизни! – жаловался он в письме 18 марта 1910 г. – Вся эта тупая планомерность, вся сухая машинная работа преподавателей достаточно мне опротивела. Живые слова, живые речи видишь только в книгах, да и то в таких, что называются у нас запрещенным плодом... Жизнь наша так пуста и бесцветна, все так опустились, что иногда даже лучших товарищей трудно вывести из оцепенения и поговорить с ними по душе. Тоскливая жизнь...».

Кончилось тем, что в марте 1911 г. Георгий был уволен из семинарии с «четверкой» по поведению. Это лишило его возможности воспользоваться предоставленным семинаристам, окончившим полный курс, правом поступления в университет. И Тверитин поступил на юридический факультет Петербургского психоневрологического института.

Столичная жизнь не сильно изменила Георгия внутренне, он сохранил свои душевные привязанности, продолжал писать стихи и рассказы, предлагал их разным издательствам и даже немного зарабатывал литературным трудом, работал над повестью о семинаристе (вероятно, автобиографической) «Жизнь Кедронского», но особенно увлекся сти-

хотворным переложением казахского эпоса «Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу».

Здесь нужно вернуться к годам детства Георгия и сделать небольшое отступление. Детство его прошло в местах, где русские и казахи жили в тесном соседстве. Мальчику не было еще и пяти лет, когда в станице Щучинской закрылась миссионерская школа для казахских детей и двое братьев Джемакаевых, круглых сирот, остались без крова и поддержки. Ребят взял в свою семью отец Георгия Николай Александрович. Из Щучинской они в 1894 г. переехали в Вознесенскую и продолжали жить в семье Тверитиных до совершеннолетия. От них и узнал Георгий многое о жизни и быте казахов, научился их языку. Позднее, уже взрослым, он побывал в юртах казахов, кочевавших близ Воскресенской, слушал их легенды, одна из которых особенно тронула. «Думаю переделать в стихах одну распространенную среди киргиз¹ сказку о Казу-Курпече и Баян-Слу. Очень хорошая сказка, имеющая в своем основании подлинную историю», – делился он замыслом в письме к тете от 6 сентября 1913 г. Как пишет Т.М. Фарафонтова, песнь «привлекала автора тем лирическим, сильно волнующим читателя настроением, которое гармонировало с неизменно ровным, спокойным характером самого автора».

После окончания института Георгий Николаевич поступил на службу в управление железной дороги. Началась первая мировая война, следом – революция, но Георгий, предрасположенный к жизни внутри себя, продолжал облекать в стихотворную форму «Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу». В 1917 году она была готова к печати.

«Революция теперь мало-помалу перешла в спокойную созидательную работу, – сообщает Тверитин в письме 5 апреля 1917 г. – Все прошло быстро и сравнительно безболезненно. Я как неполитический деятель был все время не более чем простым зрителем, хотя, конечно, первые дни провел на улице... <...> Чуть было не издал свою сказку. Уже и денег достал – составили издательский фонд мои сослуживцы, но как раз грянули события, и дело само собой распалось. Придется выждать некоторое время». Здесь же Георгий высказывает озабоченность будущим сестер и брата: «Петю думаю взять сюда в Петроград. Вероятно, ему придется поступить в какое-либо военное училище, так здесь,

¹ Так в дореволюционное время официально именовались казахи.

пожалуй, будет лучше и удобней. А с будущей осени, когда наши девочки кончат, думаю забрать сюда всех: ведь, вероятно, захочется учиться, а жить всем вместе гораздо лучше и дешевле. Можно даже будет снять отдельную квартиру».

Однако мирные житейские заботы пришлось все-таки оставить, вихрь политической бури втянул в себя и Георгия Тверитина. В 1919 году он принял предложение поступить на культурно-просветительную работу в штаб 11-й армии, с которой пошел от Астрахани до Баку. Вступил в ВКП(б). В декабре 1920 года был делегирован от армии на VIII Всероссийский съезд Советов. В это время у него стал обостряться начавшийся еще в Петербурге туберкулезный процесс, но он все откладывал лечение, надеясь заняться им по выходе из армии на учительскую работу, которую Т.М. Фарафонтова уже подыскала для него в Харькове. 31 декабря 1921 года Георгий Николаевич умер в Петербурге на 32-м году жизни. Похоронен в Александро-Невской лавре «на коммунистической площадке против старого собора». В некрологе, напечатанном в газете «Красная Звезда», сказано: «...обладая редкой самоотверженностью и преданностью пролетарскому делу, он мало заботился о себе». Да, это было время, когда жертвенность была слишком часто востребована в сравнении с другими качествами личности.

«Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу» была опубликована после смерти автора. В 1940 г. в №№ 7 и 8 журнала «Литература и искусство Казахстана» напечатана статья Т.М. Фарафонтовой «Письма Георгия Тверитина».

А теперь предлагаем познакомиться со стихами так и не раскрывшегося в полную силу своего таланта поэта. Печатались ли они где-либо раньше, неизвестно.

Озеро

Озеро лазурное, озеро зеркальное,
Виды прибережные отражаешь ты.
Всё в тебя посмотрится, озеро хрустальное, –
Берега красивые, ближние кусты,
Облака ходячие, небо необъятное,
Звезды отдаленные, солнце и луна.
Только как расходятся волны перекатные,
Зеркало ломается, гладь побеждена.

Семицкая

Близко время к Семику,
Приготовьте по венку
Из березовых ветвей.
Выбирайте зеленой.
Скоро Троица придет,
Мы устроим хоровод,
Те кудрявые венки
Донесем мы до реки,
Бросим в воду поскорей,
Заиграем веселей.
Ты, веночек, не тони
И надежд не обмани,
Ты плыви поверх воды,
Не нагадывай беды.
Покажи, что в этот год
Мой последний хоровод,
Что приедет милый друг,
Переманит от подруг.
Нагадай же свадьбу мне
Ты по нынешней весне!..

Где ты, милый, я не знаю,
Где кричишь ты, я не слышу.
Ухожу я в лес дремучий.
Убрались цветами травы,
Дерева в листьях зеленых,
Надо мною тихий вечер.
Поищу тебя в лесу я,
Поищу тебя я в поле,
Поищу тебя у речки.
Без тебя я все тоскую,
Без тебя я одинока...
Закричи, мой милый, громче!
Я найду тебя веселым,

Я найду тебя счастливым,
Я найду и зацелую...
Назову тебя я Ладой,
Назову тебя я счастьем,
Назову я милым мужем.

Осень

Экая погода скверная, холодная.
Грязь да слякоть липкая всюду на дворе.
Улица пустынная – странница безродная,
Скоро ль ты оденешься в снежном серебре?
Экая пора унылая, тоскливая,
Ветер убивается, стонет и ворчит.
Голая береза – старуха сиротливая,
Что о листьях сброшенных сердце говорит?
В сердце у тебя теперь тоска родилась,
Жалко платья шумного, красоты своей.
Злоба против осени, злоба затаилась.
Эх, пора ненастная, проходи скорей!..
Погоди, зима – веселая, морозная –
Явится, рассыплется, снегу принесет.
Снежная да бурная, бурная да грозная,
Всю тебя в алмазы живо уберет.
Снова будешь вся ты ясная, нарядная,
Вся в уборе кованом, в чистом серебре,
Тихая да светлая, свежая, нарядная,
Только бы посыпало снегом на дворе!..

Думы

Плавает солнце в безоблачном небе,
Стелет косые лучи.
Черные думы, всё думы о хлебе...
Сердце, уймись, не стучи!..
Снова ни тучи. Знать, будет засуха.
Эх, изморится зерно!..
Чувствует голод мужицкое брюхо,

Горе к зиме суждено.
Третий уж год недостаток до новины.
Сеять пора – прикупи.
Ведь и засеял-то полдесятины...
Боже, хоть их окропи!..
Сердце съедает злодейка-забота.
Видно, трудам пропадать.
И в урожай уж не верится что-то,
Будем опять голодать.

Скучно жить, никого не любя,
Ни сомнений не зная, ни ласки.
Ах, скорее бы встретить тебя,
Неизвестную деву из сказки.
Где тебя я душой не искал,
В чьи глаза не заглядывал жадно,
Я ответа себе не встречал,
Так и жил безотрадно.

Маленькая кошка,
Дайте передышку
И своей игрою
Не тревожьте мышку.
Вас игра не тронет,
Ваше сердце вольно,
Ну а мышке серой
После будет больно.
Вас игра такая
Веселит, быть может,
А у мышки душу
Попусту тревожит.
Ничего от кошки
Мышка не получит.
Кошечка играет
И мышонка мучит.

Все не затихли вы, юные бури.
Злу не дается душа молодая.
Надо спешить! Поспешимте к лазури,
Юность еще не ушла золотая.
Надо спешить! Промелькнувшие годы,
Вас не вернуть: не медлительно время.
Надо посеять, чтоб ранние всходы
Дали любви благодатное семя.
В юности так восприимчивы люди,
Так велики и обильны стремленья.
Делать бы только. Могучие груди
Дышат легко и выносят давленье.
Давит нас жизнь и черствеют натуры
С каждым напором сурового горя.
К старости – смотришь – и слабы, и хмуры
Прежние волны шумливого моря.
В даль отойдут молодые виденья,
Сгинут надежды и высохнут слезы...
Гаснут порывы, слабеют стремленья
И забываются вешние грезы...

Песня

Пробуди ты, песня, сон могильный
Тех, кто дремлет в тине вековой,
Разожги в душе любвеобильной
Веру в жизнь, и с бурей роковой
Научи бороться малодушных,
Подними огонь у них в груди,
Разбуди аккорды струн послушных,
За собой всех слабых уведи!
Научи, куда, к чему стремиться,
Как идти на жизненном пути,
Сердце сонное заставь забиться
И дорогу к правде освети.
Сбрось с души больной тяжелый камень,
Подыми надорванную грудь

И зажги святых стремлений пламень,
Укажи хороший, честный путь.
Заглуши тоску в душе болящей,
Исцели больную грудь от ран
И сверкни звездой путеводящей
Через большой сомнений океан.

И был хаос, хаос был пламень,
Горящий в вечности времен.
Пылало все – металл и камень,
И каждый камень был зажжен.
И тьмы веков костер огромный
Горел. И он сказал: «Пора».
И вот по слову массой темной
Поверх огня легла кора...

Я слагаю гимн огню –
Солнцу-свету, солнцу-дню,
Каждой вспыхнувшей звезде,
Что рассыпаны везде
В бесконечности пустынь,
Полонивших небо синь.
Я слагаю гимн огню,
Лирой струнную звеню.
Он начало всех начал,
Жег, горел и не сгорал.
Пламень тлел, родя миры,
Бури, огненны дары.
Пойте, пойте гимн огню –
Солнцу-свету, солнцу-дню,
Каждой вспыхнувшей звезде,
Что рассыпаны везде,
В небе радуге цветной,
Ясной зорьке золотой,
Острой молнии-стреле,

Яркой лампе на столе
И лампаде у икон,
Угольку, что раскален,
Папиросы огоньку,
Тонких спичек коробку,
Каждой искре золотой,
Каждой вспышке огневой.
В вечной бездне темноты
Звезды – яркие цветы
В бесконечности царят
И всегда горят, горят.

Иди и кайся. В день поста
Склони колени пред иконой,
И на душе с весной зеленой
Пусть расцветает чистота.
Забудь борьбу, житейский гнет,
Свою заботу и тревогу...
На эти дни отдайся Богу,
И снова сердце оживет.

– Старая колдунья,
Старая вещунья,
Милый на войне.
Что ты скажешь мне?
– Страхи все напрасны, страхи обманули,
Милого не тронут вражеские пули.

– Ау!.. Ау!..
Я тебя зову,
Птенчик мой маленький.
Здесь, в лесу, и сыро, и холодно.
Сосны мохнатые лапы развесили.
Страшно вечером...

Птенчик мой маленький!..
Где ты отстал, одинокий мой?..
В лес не цветы ли тебя уманили душистые,
Крошка мой?
Ау!.. Ау!..
Я тебя зову.
Птенчик мой маленький!
В жизни бывает и плохо, и холодно.
Зависть и злоба лапы раскинули.
Страшно в жизни...
Птенчик мой маленький!
Где ты теперь, одинокий мой?
Не слава, не зависть ли манят тебя нарядные,
Крошка мой?

В городе

Шумно мысли носятся
И туманят ум.
В сердце тихо просятся
Вереницы дум.
Города громадного
Роскошь и наряд
Чувству сердца жадного
Мало говорят.
В поле, в степь широкую
Хочется бежать,
Родину далекую,
Близких увидеть.
Да меня высокие
Стены стерегут.
Думы одинокие
Мимо пробегут.

С духовной миссией по Сибири

Когда сидел в Российском государственном архиве литературы и искусства над документами фонда «Тверитин Георгий Николаевич», работе то и дело мешал навязчивый вопрос: хотя родом он из Акмолинской области, но нет ли северных корней? Фамилия-то сургутская. Чуть позднее это предположение подтвердилось: отец Георгия Николай Александрович родился в начале 1860-х гг., когда его отец Александр Яковлевич Тверитин служил священником Богородице-Рождественской церкви в г. Березове, будучи по происхождению сыном пономаря Богоявленской церкви с. Юганского, расположенного близ Сургута, Якова Алексеевича Тверитина, чего и следовало ожидать, т.к. Тверитины еще в XVII веке сконцентрировались в Сургуте, были они и в Березове.

Разберем все по порядку. По документам переписи населения 1834 г. (8-я ревизия) у 49-летнего пономаря *Якова Алексеевича* Тверитина были сыновья – Иван, 24-х лет, служивший в Сургутской Троицкой церкви, тоже пономарем, Григорий, 17 лет, Ефим, 12 лет и восьмилетний *Александр* (род. около 1825 г.).²

Семейство Якова Алексеевича оказалось незаурядным. Его старший сын *Иван Яковлевич* достаточно широко известен в Сибири своими растениеводческими опытами, переросшими в опытническое хозяйство. Ни много ни мало – он поставил своей целью доказать, что в условиях Среднего Приобья можно получать стабильный урожай хлеба и таким образом иметь собственную продовольственную базу, частично покрывающую потребность населения в главном продукте питания. Его опыты продолжались не один десяток лет, имели широкий резонанс в Сибири

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 532. Л. 275 об.

³ Священник-хлебороб / Сост. Ю.А. Белоножко. – Шадринск, 1993. – (Б-чка журнала «Югра»). – 36 с.; Белобородов В. Тверитины // Югра. – 2001. – № 5. – С. 64-69.

и России, о них немало написано³, поэтому нет нужды повторять. Необходимо только добавить, что Иван Яковлевич занимался также и просвещением хантов. Став священником Юганской Богоявленской церкви, он одновременно был и учителем существовавшей при ней школы, содержал учеников-хантов за свой счет, переводил на язык юганских хантов молитвы, за что неоднократно получал церковные награды.

Для нашего повествования важно отметить, что и младший брат Ивана Яковлевича *Александр Яковлевич Тверитин* (ок. 1825-1889) оставил заметный след в истории церкви. После успешного окончания в 1850 г. Тобольской духовной семинарии он был направлен священником в Христорождественскую церковь села Сосвинского (теперь – Сартынья) Березовского округа. Оттуда в 1855 г. переведен в Богородице-Рождественскую церковь г. Березова, был благочинным, одновременно с 1860 по 1867 г. безвозмездно преподавал Закон Божий в Березовской женской школе. 28 апреля 1867 г. «в видах пользы службы» переведен в Обдорскую Петропавловскую церковь для несения весьма обременительных обязанностей миссионера.

Летние, а порой и осенние месяцы священник-миссионер проводил в постоянных разъездах по инородческим кочевьям – проповедовал православную веру среди хантов и ненцев, склонял их к крещению, исповедовал и причащал крещеных. Пять лет назад опубликованы путевые журналы миссионеров Обдорской духовной миссии за 1860-1870-е гг. По ним видно, что в 1867 г. А.Я. Тверитин находился в разъездах с августа по ноябрь, в 1868 – с июня по октябрь.⁴ В журналах запечатлелись подробности встреч с хантами и ненцами, разбросанными по тайге и тундре, картины их быта, путевые наблюдения. Автор вступительной статьи к книге С.В. Туров отмечает, что изо всех миссионерских журналов журналы А.Я. Тверитина отличаются остротой наблюдений и живостью слога. Читая книгу, нельзя не согласиться с ним.

В начале 1870 г. Александр Яковлевич попросил о переводе из Обдорска, мотивируя ходатайство тем, что за время миссионерской службы заметно подорвал свое здоровье и что наступила пора позаботиться об учении четверых сыновей, родившихся за годы, прожитые в Березовском округе, – *Николая*, *Семена*, *Александра* и *Алексея*. В августе

⁴ Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-70-е гг. XIX века) / Сост. и коммент. В Темплинга, вступ. ст. и коммент. С. Турова. – Тюмень, 2002.

1870 г. он был переведен священником церкви с Преображенского, что под Тобольском, а через год – священником тобольской кладбищенской церкви Семи Отроков. В 1879-1882 гг. Александр Яковлевич снова в Березове – теперь уже протоиереем Воскресенского собора.

Последним местом службы А.Я. Тверитина был Туринский Крестовоздвиженский собор. После его смерти священник Георгий Зубов, подытоживая путь протоиерея, особо отмечал в некрологе его подвижническую деятельность в области народного просвещения: «Как наблюдатель церковно-приходских школ покойный, благодаря своему нравственному влиянию на подведомственное его благочинию духовенство, успел побудить почти все причты открыть в своих приходах церковные школы и школы грамотности. Особенно ревностно заботился он об организации этих школ, как-то: об удобстве помещений, о снабжении их необходимыми учебными принадлежностями, о приобретении хороших учителей и проч. Любимым предметом покойного в разговорах и беседах с людьми влиятельными в обществе всегда был вопрос об образовании народа в духе церковном и о той пользе, какую может принести этот дух в жизнь народную. Вообще можно сказать о покойном, что он был одним из видных деятелей в Тобольской епархии в заботах о судьбе церковно-приходских школ...»⁵ А.Я. Тверитин был награжден многими церковными знаками отличия, а также орденом Святой Анны 3-й степени.

В год смерти А.Я. Тверитина его старший сын Николай, окончивший четыремья годами раньше Тобольскую духовную семинарию, был начинающим священнослужителем в станице Щучинской Акмолинской области. 10 мая 1894 г. он был переведен на место священника в станицу Воскресенскую, расположенную близ г. Петропавловска.⁶ Об его пристрастии к насаждению грамотности было уже сказано в самом начале (видимо, просветительство – наследственное в этом роду Тверитиных), но есть и еще интересные факты. Так, в письме сына Георгия к Т.М. Фарафоновой из Воскресенской 1 декабря 1905 г. он делает приписку: «Милая Тая! Я устраиваю здесь библиотеку для народа...»

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 198. Л. 124-126; Ф. 716. Оп. 1. Д. 16. Л. 224-225; Зубов Г. Протоиерей Александр Яковлевич Тверитин // Тобольские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 мая (№ 9). – С. 194-196.

⁶ Омская епархия / Сост. К. Скальский. – Омск, 1900. – С. 85-86.

И далее просит раздобыть в Питере и прислать старых журналов. В дневнике Георгия есть заметки об экскурсии летом 1907 г. учеников Николая Александровича в Омск, в которой он был помощником отца. В 1913 г. Георгий сообщал Т.М. Фарафоновой: «Аися [одна из сестер] учителемствует под руководством папы».

Вернемся к воспоминаниям об отце дочери Анастасии: «Его заветной мечтой было открыть читальню, в которой можно было бы устраивать по вечерам воскресных дней народные чтения, а ежедневно каждый из читающих мог получить бесплатно чай в неограниченном количестве. К читальне он думал привлечь лучших учеников из окончивших школу, чтобы они полюбили книгу и не забывали ее до конца жизни. Но мечте этой не суждено было осуществиться, т.к. в 1914 году общество трезвости в Петербурге обещало ему отпустить 3000 рублей на здание для школы и библиотеки с читальней, но грянула империалистическая война и обещанные деньги им получены не были. Во время войны отец, служа бригадным священником, создал для солдат небольшую библиотечку с произведениями русских классиков. В Барнауле он получил бесплатный пропуск на три дневных спектакля для 40 солдат на каждый спектакль. В Пензе [по-видимому, там дислоцировалась во время войны сибирская казачья бригада. – *Ред.*] часто был посредником между солдатами и офицерством, и часто по его просьбе невинные освобождались от назначенного им наказания».

Можно упомянуть здесь и о других членах этой большой семьи, не оставшихся безвестными. Например, старший сын юганского священника Ивана Яковлевича Тверитина Василий Иванович, дослужившийся до сана священника, имея всего лишь домашнее образование, большую часть жизни прожил в Курганском округе и стал известен тем, что много лет занимался пчеловодством в местности, считавшейся непригодной для этого занятия. Он участвовал в Курганской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1895 года и был награжден малой серебряной медалью. Из сыновей протоиерея Александра Яковлевича Тверитина Семен в начале 1900-х гг. был священником церкви села Нужне-Лумпокольского Сургутского уезда (теперь – с. Александровское Томской обл.), а Алексей стал чиновником Тобольского губернского управления, заслужил орден Св. Станислава 3-й степени и личное дворянство.

Принято считать, что в конце XIX – начале XX вв. жители Тобольского Севера безвыездно проживали в своих городах и селах от рождения до старости, так и не увидев своей страны. Род юганского причетника Якова Алексеевича Тверитина отрицает это мнение своей широкой «экспансией» по российским просторам аж до Баку и самого Петербурга.

Валерий Белобородов

История библиотеки Тобольского губернского музея (1870-1917 гг.)

В разные исторические эпохи в зависимости от социально-экономических условий, состояния культуры и просвещения развивались свои представления о роли библиотек в обществе, способах организации книжных фондов, высказывались те или иные взгляды на использование хранящихся в них книжных богатств. Изучение истории библиотечного дела позволяет проследить основные линии его развития, глубже понять настоящее, яснее видеть перспективы развития.

Изучение библиотечного дела Западной Сибири второй половины XIX в. стоит в ряду актуальных задач отечественной истории. Тобольск всегда был в центре внимания исследователей сибирской культуры прошлого века, а библиотека Тобольского губернского музея – одно из ценнейших книжных собраний Сибири. Создавая в 1870 году библиотеку, И.Н. Юшков и не мог предполагать, что она станет одним из самых богатых книгохранилищ в Сибири как по ценности имеющихся рукописей и книг, так и по количеству их.

В первые годы существования библиотека располагала книгами из типографии купцов Корнильевых, сочинениями Г.Ф. Миллера, А.И. Сулоцкого, Н.А. Абрамова и других исследователей Сибири, картами, рукописями, планами, фотографиями. Работая секретарём статистического комитета, И.Н. Юшков имел возможность много ездить по губернии, собирая материал для музея и библиотеки. Неплохая библиотека была и при губернском статистическом комитете, позднее она вошла в библиотеку музея. С первых лет библиотека музея стала формироваться как краеведческая.

Иван Николаевич Юшков родился в Тобольске в семье священника кафедрального собора. Учился в Тобольской духовной семинарии,

после окончания её работал учителем духовного училища, затем в Тобольском общем губернском управлении. В 1859 году его утвердили в должности редактора «Тобольских губернских ведомостей», в 1869 назначили секретарём губернского статистического комитета и редактором неофициальной части губернских ведомостей.

В провинции при статистических комитетах объединялись активные общественные силы. Секретарь статистического комитета имел, как правило, университетское образование. Библиотека Тобольского статистического комитета, по данным 1864 года, имела 11 отделов: законоведение; история; естествознание; статистика; археология; логика, психология и философия; математика, физика, химия и астрономия; сельское хозяйство; изящная словесность; периодические издания; смесь. Основным источником комплектования был обмен на издания статистического комитета. Получали книги из Санкт-Петербургской Археологической комиссии, Центрального статистического комитета, от частных лиц. Приобретение книг в 1867, 1869, 1870 и 1871 гг. было стабильным и значительным, чего нельзя сказать о поступлениях в последующие годы, т.к. комитет стал испытывать нехватку средств. В середине 90-х годов XIX века выделение средств на библиотеку комитета было прекращено, поэтому для сохранения фонда было принято решение передать книги «в учреждение, где они могли бы не лежать без пользы». Таким учреждением стала библиотека губернского музея.

Основа, из которой возникла идея создания музея, – научный интерес И.Н. Юшкова к истории края, его хозяйственному развитию и, конечно же, интенсивный сбор книг о Сибири. Его собрание насчитывает несколько сот экземпляров. И.Н. Юшков – автор трудов «Сибирские татары», опубликованного в «Тобольских губернских ведомостях» в № 35-45 за 1861 год (позднее был сделан отдельный оттиск этой работы в типографии Тобольского губернского правления), «Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии», «Прошедшее торгового дела в Западной Сибири». В 1870 году вышла его книга «Выводы из статистических таблиц Тобольской губернии за 1869 год».

Ивана Николаевича по праву можно считать первым библиотекарем Тобольского губернского музея. Он вёл обширную переписку с научными обществами России и благодаря этой переписке комплектовал библиотеку. В 1877 году Юшков умер от горловой чахотки, похоронен на Тобольском Завальном кладбище. Так закончился первый период формирования библиотеки.

После смерти И.Н. Юшкова тринадцать лет у музея не было библиотекаря. В 1890 году появилась выборная должность библиотекаря, им стал штабс-капитан Степан Николаевич Мамеев. С приходом Мамеева начался плодотворный период деятельности библиотеки. Она интенсивно пополнялась, постепенно приобретая научно-краеведческий характер. Степан Николаевич проработал в библиотеке семь лет (1890-1897). Его помощником был известный историк и беллетрист Е.В. Кузнецов.

С.Н. Мамеев родился 27 декабря 1859 года в Енисейском уезде. В 1863 году семья переехала в Тобольск, на родину родителей. С 1871 года Степан Николаевич учился в Тобольской гимназии. В 1878 году поступил на военную службу. В первые же годы службы у него проявился талант историка-архивиста и библиографа. В 1881 г. С.Н. Мамеев заведовал архивом Тобольского резервного батальона, что позволило ему собрать материал по истории батальона и написать большой исторический очерк к его 175-летию. К 300-летию Тобольска С.Н. Мамеев решил составить библиографию трудов по истории города, много работал в архиве и библиотеках Тобольска. Итог – 20 исторических работ и исследование «Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и 1-ю половину XVIII века» в 2-х выпусках. Первый вышел в 1894 году, второй – в 1896.

С.Н. Мамеев много печатался в местных газетах – «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирском листке», где публиковал свои «Материалы для библиографии Сибири», которые затем вышли отдельным изданием. Издать их помог купец А.А. Сыромятников. Отдельным оттиском вышли «Документы, относящиеся к ссылке Августа Коцебу в Сибирь в 1800 году».

Приступив к работе, С.Н. Мамеев попытался создать чёткую структуру библиотеки. Фонд был разделён по отделам: богословие, языкознание, философия, естественные науки, история, сельское хозяйство и т.д. Он подготовил к изданию каталог библиотеки музея, который вышел в 1890 году. В него вошли описания 489 книг, разделён он был на семь отделов. В библиотеке постепенно собирались материалы, имеющие отношение не только к Тобольской губернии, но и ко всей Сибири. В 1892 году С.Н. Мамеев приступает к составлению и печатанию второго, более полного систематического каталога, но напечатана была только часть его – 24 страницы, куда вошло 364 названия, распределён-

ные по 4 отделам. К сожалению, цели своей эти каталоги не достигали: ни в первом, ни во втором не было никаких указателей. Поэтому помощником библиотекаря А.А. Терновским был составлен карточный указатель личных и географических имён и предметных названий к инвентарному рукописному каталогу. В 1890 году выходят «Материалы для истории пугачёвского бунта на окраинах бывшей Сибирской губернии» с предисловием и примечаниями С.Н. Мамеева.

Начав переписку с учёными обществами России, С.Н. Мамеев получил для библиотеки «Описание дел Архива Морского министерства» в 13 томах, «Материалы для истории русского флота» в 6 частях. Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, откликнувшись на предложение С.Н. Мамеева, прислало в дар 45 томов своих изданий, в которых много интересного материала по истории Сибири. Всего за 1892 год поступило в библиотеку 703 наименования в 803-х томах. В этом же году были утверждены «Правила пользования библиотекой музея». Издавался «Указатель книг о Сибири, вышедших в 1892 году» – продолжающееся издание, которое печаталось по мере накопления материала. Состоялось 15 выпусков. В 1893 году в библиотеку музея поступили интересные документы, относящиеся к истории Пугачёвского бунта. Документы были извлечены из старых дел Утятской конторы Курганского округа. В этом же году библиотека стала получать выходившую в Омске под редакцией Капитона Голодникова газету «Степной листок».

На 1 января 1893 года фонд библиотеки составлял 2 300 названий. Дублетную литературу разрешено было продавать или обменивать, согласно Уставу. На неё был составлен карточный каталог и разослан в различные общества, а также частным лицам. Этим путем, без лишних денежных затрат, рассчитывали пополнить библиотеку нужными изданиями.

На 1 января 1894 года фонд библиотеки составил уже 4 292 названия. За 1894 год поступило еще 565 книг – из Гельсингфорса, Русского географического общества, от В.А. Обручева, профессора А.М. Зайцева из Томска, из Углича от депутации по возвращению ссыльного колокола. География переписки постепенно расширялась. В 1894 году поступило предложение от Н.Л. Скалозубова об открытии при музее склада народных изданий по естественным и прикладным знаниям, чтобы снабжать этими изданиями народные библиотеки. Объявление об открытии склада было напечатано в 2000 экземплярах.

В 1895 году поступило 602 названия книг в 666 томах. Библиотека музея пополнялась за счёт пожертвований, и жертвования эти были весьма значительны. Книги присылались из Томска, Владивостока, Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Красноярска, Кургана и т.д. Поступали жертвования и от тоболяков: от Н.С. Знаменского (брата художника), от М.Н. Костюриной, А.С. Суханова, А.А. Сыромятникова, от редакции «Тобольских губернских ведомостей». Сборники «Ежегодника» музея стали обменивать на труды учёных обществ России. Многие научные общества Сибири и России устанавливали контакт с библиотекой, присылали в неё свои труды. Всем выражалась благодарность в письменном виде и через «Тобольские губернские ведомости». 114 лиц, обществ и учреждений вели переписку с музеем и обмен своих трудов на сборники «Ежегодника». С.Н. Мамеевым была составлена «Библиография железнодорожного вопроса Сибири. Указатель статей, корреспонденций и заметок, помещённых в сибирских периодических изданиях и сборниках» (1857-1894).

В 1896 году поступило 452 названия в 550 томах. На руки выдано 413 книг. Библиотекой пользовались только члены музея. Вдова члена-соревнователя музея К.Б. Газенвинкеля, исполняя волю покойного мужа, прислала из Казани в дар библиотеке небольшую, но очень ценную его библиотеку, состоявшую из трудов о Сибири, с условием, что они будут выделены в «Отдел К.Б. Газенвинкеля».

Денег на приобретение книг для библиотеки по-прежнему отпускалось крайне мало. Часть средств, выделявшихся на приобретение, шла на переплётные работы. С.Н. Мамееву было разрешено продать часть книг, не имеющих отношения к истории Сибири, и дублетную литературу и вырученные деньги потратить на краеведческую литературу.

Большую помощь в издательских делах С.Н. Мамееву по-прежнему оказывал А.А. Сыромятников. На его средства был издан «Указатель книг о Сибири, вышедших в 1892 году». Он выходил в свет по мере накопления материала. Затем была издана брошюра «Периодическая печать Сибири. Указатель изданий, выходивших в 1892 году». Эти указатели рассылались бесплатно тем лицам, обществам и учреждениям, которые помогали комплектовать фонд библиотеки музея.

Второе издание каталога в 1892 году вышло незаконченным по причинам, не зависящим от музея. Ввиду отсутствия полного печатного каталога, помощник библиотекаря А.А. Терновский составил карточ-

ный указатель личных и географических имён и предметных названий к инвентарному рукописному каталогу, в который занёс поступившие за весь период существования библиотеки книги.

Благодаря неутомимой деятельности С.Н. Мамеева, Н.Л. Скалозубова, Л.Е. Луговского библиотека музея стала центром просветительской деятельности. Здесь проводились бесплатные публичные чтения, организованные по инициативе Н.Л. Скалозубова. Постоянно составлялись каталоги, укреплялись связи с учёными обществами России и зарубежья. Научная деятельность музея привлекла к себе внимание Министерства земледелия и государственных имуществ, оно стало выделять музею субсидию в 300-500 рублей. Часть денег шла на нужды библиотеки.

Много книг передал в библиотеку музея С.Н. Мамеев. В 1893 году его избрали в члены-сотрудники Императорского русского географического общества. Благодаря этому обстоятельству библиотека музея пополнялась изданиями ИРГО. Общество присылало в дар библиотеке музея свои труды, касающиеся Сибири. С.Н. Мамеев был также членом-корреспондентом московского библиографического кружка.

По разысканиям Ю.Л. Мандрики, после ухода из музея С.Н. Мамеев занялся изучением растительного мира Тобольской губернии. В 1909 году он переехал в Петербург, но почти каждый год бывал в Сибири. На протяжении ряда лет по просьбе Ботанического сада и музея Академии наук он пополнял коллекцию флоры Тобольской губернии. По его инициативе в библиотеку музея поступили «Труды императорского Ботанического сада» и другие исследования растительного мира. Одна из открытых им разновидностей берёзы с тёмно-бурой корой, найденная вблизи Тобольска в 1912 году, названа его именем.

В 1919 году С.Н. Мамеев уехал в Красноярск и устроился в библиотеку, затем заведовал историческим архивом. Он умер 10 марта 1939 года. Похоронен на Красноярском кладбище.

Огромное значение для библиотеки имело то обстоятельство, что в ней всегда работали высокообразованные, неравнодушные к книге, глубоко преданные своему делу люди. После С.Н. Мамеева библиотекарем музея стал А.А. Терновский, который в течение ряда лет был помощником библиотекаря. Коренной тоболяк, он вернулся в Тобольск из Санкт-Петербурга в 1891 году и вскоре стал помощником хранителя музея. В 1893 году Терновского избрали в члены редакционной комиссии «Ежегодника Тобольского губернского музея» и члены-соревнователи музея.

8 февраля 1894 года его назначили директором-делопроизводителем Общества вспомоществования бедным студентам из Тобольской губернии, а 7 февраля 1896 года избрали делопроизводителем Общества вспомоществования бедным учащимся Тобольской гимназии.

12 октября 1897 года А.А. Терновского избрали библиотекарем Тобольского губернского музея. Библиотекарем он проработал с 1897 по 1901 год попутно с педагогической службой – преподаванием латинского, греческого и церковно-славянского языков и истории в Тобольской гимназии и в Мариинской женской школе. Принимал участие в редактировании «Тобольских губернских ведомостей» и поместил там ряд статей краеведческого содержания. В 1891 году А.А. Терновский написал книгу «Из истории колонизации Сибири в царствование Михаила Фёдоровича». С 1892 года А.А. Терновский был сотрудником газеты «Сибирский листок», в которой печатались его статьи и заметки о школьном деле в Тобольской губернии, о Тобольском губернском музее и местных обществах. Печатался под псевдонимами А. Тернович, А. Терский.

В 1897-1899 годах он составил полный систематический каталог библиотеки музея, вёл обширную переписку с учёными обществами страны и зарубежья. Тома «Ежегодника» обменивались на труды учёных обществ Сибири и России и высылались в Лейпциг, Варшавский, Гельсингфорсский университеты и по другим адресам. На имя А.А. Терновского из Лейпцига было получено письмо от Карла Хешмана, который благодарил за полученные им «Ежегодники»:

«Милостивый государь, покорнейше благодарю Вас за прелюбезное письмо и за высылку ценных изданий, которые с удовольствием объявляю в своих каталогах. Препровождаю при сём бандеролью свой общий каталог по искусству. Этот каталог в переплёте и поэтому адресован на музей. Побоялся прислать на Ваше имя, чтобы вам не платить пошлину. В будущем пришлю свои каталоги на Ваш адрес. Прошу почтить меня Вашими поручениями. Сим покорнейше прошу прислать мне под заказной бандеролью 2 экз. ЕТГМ семь выпусков. Я поручил здешнему российскому обществу заплатить Вам лично 15 рублей. Покорнейше прошу не отказать в продолжении переписки и остаюсь готов к услугам».

12 мая 1894 года А.А. Терновскому был вручен диплом на звание почётного члена музея.

А.А. Терновский составил и издал «Указатель книг о Сибири», «Указатель статей и главнейших заметок, касающихся Сибири и помещённых в сибирских периодических изданиях 1893 года». В 1894 году вышел его труд «Библиография и иконография Тобольского музея (с приложением указателя изданий, в котором встречаются статьи, заметки и даже простые упоминания о Тобольском губернском музее) с 1886 по 1894 гг.».

На 1 января 1897 года фонд библиотеки составлял 4 292 тома. В 1899-1900 годах библиотека пополнялась довольно интенсивно. «Ежегодник» пользовался большим спросом. Поступило 514 названий печатных и рукописных трудов. 823 газетных статьи пожертвовано С.Н. Мамеевым. Было приобретено сочинение князя Ухтомского «Путешествие на Восток наследника цесаревича в 1891 году» в 3-х томах. «Коронационный сборник» в 2-х томах был подарен музею начальником губернии Л.М. Князевым 18 ноября 1900 года. Изданный Министерством Императорского двора и составленный под редакцией В.С. Кривенко, большого формата, в роскошном переплёте, сборник прекрасно иллюстрирован Н. Самокишем, Самокиш-Судковской и Василевским с приложением воспроизведений с оригиналов Бенуа, Васнецова, Лебедева.

А.А. Терновский не только оказывал ценную помощь читателям литературой и советами, но и привлекал в библиотеку большое количество жертвователей. Поступали книги от Н.М. Чукмалдина, Д.И. Менделеева и др. Списки пожертвований публиковались в «Сибирском листке». Период деятельности библиотеки под руководством А.А. Терновского примечателен большим количеством новых поступлений, изданием каталога, привлечением новых читателей.

После А.А. Терновского библиотекарем избирается М.В. Филиппов, занимавший эту должность около шести лет (1901-1906). Им подготовлены и изданы два каталога: «Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея» и «Систематический каталог библиотеки музея». Систематический каталог Филиппова был продолжением каталога Терновского и содержал в себе 1 830 названий книг, поступивших в библиотеку после 1900 года. Библиотека в этот период пополнялась регулярно. Поступили большая партия дальневосточных газет, «Известия ИРГО. Отдел Западная Сибирь», «Вестник ИРГО» и юбилейный выпуск «ИРГО за 50 лет». Императорская Академия наук прислала в дар музею 114 своих изданий в 278 томах.

В 1901 году в библиотеку поступило 157 названий книг, брошюр, периодических изданий, изданий разных обществ и учреждений. Поступившие книги были приобретены в обмен на «Ежегодник» музея. Некоторые книги сразу записывались в инвентарь и сдавались в переплёт, а некоторые оставались без переплёта и не записывались в инвентарь. От этого происходила путаница, часто трудно было установить, когда поступила книга. Был выделен «выжидательный шкаф» для книг, предназначенных в переплёт. В столярных мастерских Тобольского тюремного замка были заказаны и сделаны новые шкафы.

В 1902 году библиотекой музея были получены в обмен на «Ежегодник» почти все сибирские газеты (24 наименования), 60 изданий разных обществ и учреждений и 247 книг и брошюр от отдельных лиц. Была проведена проверка библиотечного фонда. В 1903 году поступило 238 названий книг. Переплетено 202 книги. Встал вопрос о расширении библиотеки, так как не хватало места для хранения газет. Библиотекой пользовались 38 лиц.

Перед библиотекой стояли задачи составления каталогов и описей по вопросам сибиреведения и организации поступления в библиотеку исследований о Сибири. Поэтому в «Ежегоднике» открыли отдел объявлений о сибирских газетах. Газеты библиотека получала в большом количестве, но были трудности с приобретением книг. Встал вопрос о работе библиотеки в воскресные дни, т.к. рабочие города желали пользоваться книгами по технике. В последующие годы библиотека комплектовалась опять же путем обмена на сборники «Ежегодника». Этому способствовало обращение Распорядительного Комитета музея с просьбой обменивать свои труды на тобольский «Ежегодник». Благодаря обращению были получены «Горный журнал», «Записки Киевского общества естествоиспытателей», «Записки Новороссийского университета», «Лесной журнал», «Русское судоходство», «Учёные записки императорского Казанского университета» и др. Из Екатеринбурга прислали «Летописи Николаевской Главной физической обсерватории», из Ирбита – «Ирбитский ярмарочный листок», из Петербурга – «Ежегодник зоологического музея». Книги приходили из Будапешта, Монтевидео, Токио, Швеции. Пополнение библиотеки происходило также при непосредственном участии сотрудников музея, жителей города. Губернский агроном Н.Л. Скалозубов подарил библиотеке 116 книг, журналов, отчётов, брошюр по сельскому хозяйству на условиях представления ему права пользования ими. Куплено было всего 2 экземпляра.

В 1905 году вышел составленный М.В. Филипповым «Систематический каталог книг библиотеки музея. Вып. 2», в который вошли книги, полученные библиотекой после издания первого выпуска каталога, составленного А. Терновским. Начата опись географических карт, планов, чертежей и диаграмм. Работа эта выполнялась смотрителем Т.П. Гладышевой.

При следующем библиотекаре С.С. Булыгине (1906-1910) поступили в дар музею две библиотеки: от Тобольского губернского статистического комитета – более 2 500 томов и Н.Л. Скалзубов передал 600 книг, в основном по сельскохозяйственным вопросам, но Булыгин не смог составить на них каталог. В 1908 году поступило 1 258 книг.

В 1910 году Булыгин был переведён на службу в Барнаул, библиотекарем избрали члена музея П.П. Славнина. Но он исполнял обязанности библиотекаря непродолжительное время (с 1 сентября 1910 года по 11 января 1911 года) и за это время не успел даже ознакомиться с фондом. После ухода П.П. Славнина библиотека находилась в ведении консерватора музея, которому было поручено лишь хранение и надзор за книгами и имуществом.

С 3 ноября 1911 года, после долгих поисков библиотекаря, эту должность стала исполнять В.Я. Пигнатти. Варвара Яковлевна Пигнатти родилась в 1883 году в Саратове в семье потомственного дворянина. В 1900 году окончила гимназию. После Тобольска работала в библиотеке Семипалатинского отдела Русского географического общества до 16 августа 1924 года, потом – в библиотеке Омского мединститута. 14 июня 1960 ушла на инвалидность, тяжело болела и 21 августа 1960 года скончалась. Дочь умерла в 1932 году, вторая дочь и сын погибли в Отечественную.

Как и в предыдущие годы, в этот период библиотека пополнялась за счёт обмена на «Ежегодник», пожертвований. В библиотеку присылали свои труды С.К. Патканов, Х.М. Лопарев, дарили книги А.С. Суханов, С.М. Чугунов и др. В.Я. Пигнатти занесла в инвентарь все накопившиеся поступления, проверила наличность библиотеки, начала подготовку к изданию каталога. Всего на 1 января 1911 года в библиотеке числилось 12 737 книг. В 1913 году В.Я. Пигнатти выпустила систематический каталог библиотеки музея с алфавитом имен личных, предметных и географических, встречающихся в каталоге. В него был включен новый раздел – «Государственная Дума». Редактировал и просматривал

корректуру А.А. Терновский. Он провёл это кропотливое дело от начала до конца. В этот выпуск «Каталога» вошли книги, поступившие в библиотеку с 9 января 1906 года по 1 января 1915 года – 3715 названий (7000 томов), и почти все издания, не вошедшие в два первых выпуска «Каталога». Каталог вышел из печати в 1915 году.

Несмотря на заметные успехи в деле создания библиотеки, посещаемость библиотеки и использование книжного фонда были крайне малы. Благодаря изданию «Ежегодника» и обмену его на издания учёных обществ и организаций приток периодических изданий в музей был очень большим, но пользоваться ими могло небольшое количество лиц – только члены музея. Тогда и было предложено устроить бесплатный кабинет для чтения. 5 апреля 1910 года принято решение об открытии кабинета. Губернатор утвердил ответственным лицом по кабинету Василия Николаевича Пигнатти. Кабинет занял два зала в правом крыле музея. Служащим при нем был А.В. Гладышев.

В последующие пять лет количество получаемых кабинетом изданий колебалось от 104 до 150 в год. Изданий, получаемых постоянно, было 86. Большинство из них присылались бесплатно и лишь некоторые выписывались за счёт суммы, ассигнуемой музеем, и ежегодной субсидии городской Думы. За 1910-1915 годы кабинет посетили 24 865 читателей.

Открытие кабинета для чтения дало возможность посещать его в удобное для каждого время. Комплекты газет за прошедшие годы из читальни передавали в библиотеку музея. Так, в 1914 году в библиотеку поступили из бесплатной читальни сибирские газеты. А.С. Суханов в 1914 году передал библиотеке 657 экземпляров, относящихся к разделу «Государственная Дума», большая часть которых – законопроекты с объяснительными записками и приложениями.

На 1 января 1915 г. в библиотеке насчитывалось 25 000 томов. Протоиереем А.А. Юрьевским была пожертвована личная библиотека – книги по богословию, из них 19 – на древнееврейском языке. Н.Л. Скалозубов передал свою личную и деловую переписку, составлен отдельный каталог на его книги.

В 1916 году библиотека пополнялась также за счёт пожертвований и обменов на «Ежегодник». В этом же году А.С. Суханов передал 104 тома, А.А. Терновский пожертвовал часть своих книг, поступили книги от А.И. Ксенофоновой и др. Накопилось и много дублетной литера-

туры, она была разослана по организациям и учреждениям, 700 томов передано библиотеке Тобольской каторжной тюрьмы. 10 января 1916 года начата работа по наклейке особых ярлыков на книги, не подлежащие выносу из помещения.

В 1917 году библиотекарем А.В. Расторгуевым приобретено 2949 томов. Фонд составил 15 697 экземпляров. Библиотека, как и в предыдущие годы, продолжала пополняться за счёт пожертвований и обменов на «Ежегодник».

За период с 1870 по 1917 год библиотека Тобольского губернского музея стала одним из крупнейших книгохранилищ Западной Сибири. Много значили для неё сотрудники, работавшие в разные годы. Они жили интересами библиотеки и заботились, чтобы она стояла на высоте своего назначения.

Нина Мурашова

*Первый библиотекарь
Тобольского губернского
музея С.Н. Мамеев.
1912 г.*

Библиотека музея

Как мы оказались в Ландиной

Этот рассказ известного многим в г. Урае и глубоко уважаемого, ныне покойного учителя и общественного деятеля Константина Сидоровича Пьянкова записан в мае 1992 г. по его инициативе. Не фронтовыми воспоминаниями захотел поделиться ветеран Великой Отечественной войны, награжденный пятью боевыми орденами, а воспоминаниями детства – той незабываемой поры, когда начиналась тропа его жизни.

В 1928 году сосед наш приехал с севера. Он ездил к своей дочери, она вышла замуж в Старом Катыше нашего Кондинского района. Он все время приходил к нам, частенько чай пили с отцом и вели разговоры. Отец был еще и любитель-рыбак, хотя рыбу ловить в Вагайском районе негде было. Так вот этот приехавший от дочери и предложил в этот Старый Катыш, так как он сам тоже собирался. Отец подумал некоторое время и дал согласие на выезд.

У нас дом был. Старый, правда, дом, но еще крыша не текла, все было в порядке. Было две лошади, две коровы. Лошадей определили с собой, везти багаж, коров с собой гнать. Семья наша состояла из пяти человек: отец, мать, две дочери и я. Вот так мы в конце апреля выехали из Вагайского района, с Выселка (недалеко от села Малюгино).

Прибыли в Чебургу (это по пути в Тобольск). В Чебурге были знакомые татары – там переночевали. Между прочим, это село, видимо, очень рыбное было, кругом большие озера были. Переночевали и на следующий день мы прибыли в Тобольск. Сильное потепление. Везде ручьи в городе, везде вода. Сейчас даже не скажу точно, где мы переночевали в Тобольске, но утром по заморозку решили ехать дальше. Надо было переехать Иртыш, ехать на село Осянниково... Все решал отец, он, видимо, знал маршрут, как ехать. Одним словом, два дня и две

ночи ехали мы по различным озерам, везде уже наледь была, потайка сильная. Можно сказать, что я нигде не видел таких водоемов крупных, как [эти] озера.

В Овсянниковой мы ночевали и поехали дальше. Трудно было ехать: дороги набитые, и снег лошадей уже не держал, проваливались. Но тем не менее дорога в основном была около замерзших озер, поэтому проехали неплохо. Доехали до избышки. Называлась избышка Половинка... И последний путь – это 60 километров оставалось до деревни Ландиной.

В нее мы приехали в первый день Пасхи. Пасха, видимо, была поздно в этот год – очень теплая погода, солнечный день. Утром мы приехали. Народ. Видимо, встречали: русские какие-то приехали. В это время почти никто там не бывал весной. И дальше мы не смогли никуда ехать. Потому что, нам сказали, дорога будет исключительно болотистыми сосновыми зарослями – мелкий сосняк, так называемый рям. Дорога набитая, снегу много было, и лошади не пойдут, не потянут никакие ни сани, ничего. А погода все теплей и теплей. Переночевали там. И совершенно снег сделался... ни вода и ни снег.

Ну, видимо, отец поговорил тут с людьми, и нам один, звали его Елисей, жили они двое с женой, а у них изба большая была и можно было тут некоторое время жить... Они нас пустили на квартиру. Тут мы и остановились, даже не зная на какое время. Летом там никуда выехать нельзя, только можно на лодочках ездить, и то 300 километров, чтобы выехать на Конду. Да еще надо было волоком тащить с километр по Куме. Речка Кума была в одном месте недалеко от Конды так завалена лесом, десятки лет набивался лес, и уже на самом лесу, на коряжнике начали расти деревья – березы, крупные березы. Так что тут можно было только берегом тащить, волоком. Так и делали местные жители, чтобы выехать на Конду, съездить в Нахрачи (так назывался тогда районный центр).

Так вот там и остановились... Потайка началась так сильно, что даже на речке лед начал крошиться и его понесло. Мне было в то время девять лет и очень хотелось сесть на лодку. А в то время лодки свободно лежали везде, и можно было сесть на лодку и поехать, а потом снова опрокинуть и на место все положить... Я сел в лодку, оттолкнулся – колышется лодка, чуть не вывалился, править не умею... Начал грести, и льдина плывет. Я туда, я сюда – не могу, и лодка носом налетела на эту льдину. Тут тем более лодка начала с боку на бок колышаться, и я чуть не вывалился. Кое-как я с этой льдины все-таки сплыл, выехал на

берег... Ну а потом я быстро овладел этим, хорошо уже ездил и начал ездить на рыбалку. Тут в трех километрах от деревни по речке Ландинка озеро было, Домашнее называлось. Там всякая рыба – там и щука, там и окунь, там и караси, там линь, сорога. Очень близко, удобно, и я хорошо научился рыбачить. Сетками. Другой там рыбалкой, пожалуй, никто из местных жителей не занимался, на этом озере. И я научился.

И жили мы у этого, который нас пустил. Елисей Амышев. Он сам манси, а жена у него была русская. Он сам очень несдержанный. Если выпьет... жену его Марьей звали, он ее целую ночь гонял. И я очень боялся всегда, что он меня может зарезать... Но поскольку это такой отдаленный населенный пункт, спиртное там только зимой было, а летом неоткуда было ему появиться, и, конечно, не пили, как сейчас.

Весной мне отец купил ружьишко, коротенькое такое, с коротким стволом, пистонное. Дробовичок. Ружьишко было не совсем исправным, осечки большие давало, менять приходилось пистончики. Но все-таки я бегал за рябчиками, а они тут рядом.

Однажды я подхожу – рябчик вспорхнул и сел на талину, таловый кустик, довольно высокий. Я под елочку рядом стоявшую подошел, хотел выстрелить в рябчика, щелкал-щелкал – выстрела нет. Кое-как потом все-таки произошел выстрел. Рябчик у меня поднялся винтом вверх, потом камнем упал на землю. Я подбежал, схватил этого рябчика под мышку и бегом домой. Это была моя первая добыча. Прибегаю домой, а он живехонек, рябчик мой. Потом я, позднее уже, узнал: бывали такие случаи не один раз. Попадает в такое место дробинка – он, пока сила есть, подымается вверх, а потом камнем падает на землю. Или дыхательное горло ему перебьет. Радости было неопишимо сколько. А потом, весной, появились утки. Ружье отец купил – одноствольное, переломочку, двадцать восьмой калибр.

Однажды смотрю: плавают утки на речке. Ну что ж, побегу. А это крохали. Нырковая утка, крупная. Метров сто, наверное, на животе полз. Они нырнут – я немножко подбегу даже, упаду и лежу. Они поплавают-поплавают и снова ныряют. И вот такими перебежками, такими ползками я до самого берега реки дополз. Выстрелил – всё, убил. Теперь как доставать? Не буду же я раздеваться, когда ледяная вода. Побежал домой, на лодку сел – достал. И смотрю: что за интересная такая утка? Увесистая. Это вторая у меня уже добыча была. Потом много интересного было. Жили мы там два года, в этой Ландиной.

Константин Пьянков

Деревенская порода

* * *

Служил в Тундринской церкви батюшка, отец Павел, и был у него родной брат. Здоровьем бог их не обидел, оба под два метра ростом и за сто килограммов весом. Отличались они тем, что отец Павел по молодости выпить любил, был такой грех, а брат его слыл великим противником зелья. На этой почве часто у них разногласия случались. Бывало, сидят за столом, брат и говорит: «Павел, ты вот напьешься, упадешь, собаки у тебя крест обнюхают, оближут, а ты его верующим целовать даёшь». Разговор обычно заканчивался тем, что кто из них первым другого за одежду прихватывал, тот того в окно вместе с рамой и выбрасывал.

Отец Павел умер в 1956 году в Тюмени, там он служил в церкви. Брат же его занимал в ЧК высокий пост. В 1930 году выехал он на пароходе из Томска в Сургут и бесследно исчез. Было расследование, команда парохода сказала, что помнят такого пассажира, он много пил и, видимо, отстал от парохода. Судьба его так и осталась неизвестной. Может быть, стал негоден своим, а может, свели счеты враги. Ясно одно, пить он не мог, привычке своей не изменял, а пароходной команде оговорить его было намного проще, чем отвечать за исчезновение. Да и вряд ли команда в этом была замешана.

В 1974 году мы с женой жили в Тюмени. В нашем подъезде жила бабушка, я однажды спросил ее, помнит ли она отца Павла. Бабушка, узнав, что я его родственник, очень обрадовалась и сказала, что прекрасно помнит, славный был человек, прихожане очень его любили. И посоветовала мне сходить в церковь. Теперь я жалею, что не послушал ее тогда, в церкви так и не побывал.

* * *

Урок в церковно-приходской школе. Отец Павел спрашивает одного из учеников: «Ну что, Ванечка, Закон Божий опять не знаешь?» Ванечка, страдавший тугоумием, виновато опускал голову и получал от отца Павла по ней линейкой. Так повторялось довольно долго. Наконец, Ванечка осилил Закон Божий и на вопрос батюшки с довольным лицом, развалившись за партой, выдал: «Ну, такого-то дерьма не знать!» Реакция батюшки была понятна, линейка опять нашла голову Ванечки.

Прошли революция, гражданская война. Началась Отечественная война, тундринских мужиков взяли на фронт. Повзрослевшего Ванечку по слабому здоровью на войну не взяли, отправили на трудовой фронт. Привезли в Сургут, оттуда в Новосибирск, Томск, затем он работал где-то в районе Омска. Примерно через год заболел и был комиссован. По Тоболу, Иртышу привезли его в Ханты-Мансийск, а дальше по Оби вернули в Тундрино. Встречала его вся деревня, ведь и с трудового фронта не всегда живыми возвращались. В один из моментов встречи изрядно охмелевший и осмелевший Ванечка говорит: «Война, ядрена мать, война. Всю страну в круг проехал – нигде не воюют».

* * *

Было это в 1937-38 годах. Жил в Тундрино мужик до того противный... Набедокурят ребятишки, а он уж тут как тут, все родителям обскажет, да еще и приукрасит. Ко всему прочему, он еще и лентяем был изрядным. Дом его стоял на берегу речки, что Курьей называлась. Чтобы не копать и не чистить лишней раз туалетную яму, вынес он два бревешка над крутым берегом и поставил на них туалет – прямо над рекой. Вот мой отец, было ему тогда лет тринадцать, с друзьями и подкараулили его там. Подперли дверь жердью, бревна отпиливать начали. Дверь-то плотно была пригнана, ему не видно, кто пилит, а мальчишки молча работают. Мужик уговорить пытался, обещал, что не будет больше родителям ничего рассказывать, а мальчишки сопят да пият. Так и спустили его под берег вместе с туалетом. Всех мальчишек-подростков в этот вечер родители выпороли на всякий случай. Но в целом село осталось довольно: нечисть от реки убрали и мужика воспитали, перестал на мальчишек жаловаться.

* * *

Ушел из села Тундрино парень в армию служить, отслужил три года и вернулся домой. Старики-родители и спрашивают его: «Что же ты, сыночек, ни разу весточки о себе не дал, ни одного письма от тебя не получили?» А он им: «Письмо, письмо, сами адрес не послали, куда я писать-то буду!»

* * *

В 1828 году родился мой прапрадед Акинфий Акинфиевич. Изрядной силы был человек. Однажды, будучи в преклонном возрасте, зимой запряг он лошаденку и поехал за сеном. Когда возвращался домой, лошадь вывезти воз в горку не смогла. Впрягся он в оглобли и помог лошади. Затащил воз во двор и говорит жене: «Еще бы лошадь не устала. Я и то притомился».

Сила у него была такая, что гнул ломики, ломал подковы. Собрались однажды тундринские мужики силой меряться, нагрузили полные сани березовыми швырками (это двухметровые березовые бревна) и спор устроили: кто с места стронет сани? А зимние березовые бревна очень тяжелые. Позвали Акинфию, в ту пору ему уже лет семьдесят было, и, зная, что он сможет утащить сани, взяли свежие коровьи лепешки, бросили под полозья и приморозили сани к дороге. Акинфий взялся за оглобли, потянул сани – затрещали они, но с места не стронулись. Обошел он вокруг, увидел хитрость мужиков, взял сани за передок, приподнял и разорвал в стороны, сани развалились. А мужикам сказал: «Баловаться не будете».

Как-то хворь у него приключилась, живот заболел. Пошел к фельдшеру – тот выписал микстуры бутылку поллитровую, сказал, чтобы принимал по столовой ложке перед едой. Сел Акинфий обедать, принял столовую ложку микстуры, посидел, послушал свой живот – болит. Выпил еще ложку – болит. Закончилось тем, что опустошил он всю бутылку этой микстуры, поел и после обеда снова к фельдшеру пришел с обидой: «Столовая ложка, говоришь. Всю бутылку выпил, не помогло».

Умер Акинфий Акинфиевич в восемьдесят один год и не от болезни. На лето и осень лошадей обычно отпускают на волю, вот осенью он и поехал собирать одичавших от воли лошадей, это в его-то годы. Лошадь, видимо, чего-то испугалась, резко дернулась в сторону, он упал, и по нему проскакал табун лошадей. После этого поболел Акинфий Акинфиевич недолгое время и в октябре 1909 года умер.

В сентябре 1964 года наш 10 «б» класс из Сургута отправили на Высокий Мыс копать картошку. Нас четверых – Дружкова Валеру, Трифонова Гришу, Шевелева Володю и меня, самых крепких мальчишек в классе, – поставили вывозить с полей мешки с картофелем. На работу мы выходили позднее всех, но зато работали до той поры, пока все накопанное за день не вывозили на берег. Полные мешки складывались там штабелями, потом за ними приходили самоходки. Однажды привезли нас к складу, сказали, что будем загружать мешки с зерном. Подошел под груз Володя, положили ему мешок на плечи, он, не ожидая такого веса, на колени встал. Вторым я подошел, взял груз и хоть уже готов был, все равно почувствовал, как колени разъезжаться начали. Привыкли мы к мешкам с картошкой, там совершенно другой вес, да и мешки какие-то уж больно большие были. Но потом ничего, новый вес почувствовали и нормально загрузили зерно в самоходку.

Вот так в сентябре 1964 года отправили с Высокого Мыса последний раз рожь. Больше ее здесь уже не сеяли.

* * *

В десятом классе собрались мы из Сургута на зимние каникулы домой, на Высокий Мыс. К тому времени к нам уже летали самолеты Ан-2. Рейсы были нерегулярные и нечастые. Было нас трое одноклассников: Фая, Витя и я. Билет достали только мне, фамилия в билетах тогда еще не указывалась. Билет свой я отдал Фае, а с Витей улетели мы в Сытомино, все ближе к дому, на целых двадцать километров. Прилетели. Сходить бы нам в село, взять в совхозе лошадь, совхоз-то ведь один. Подумали мы с Витей: до Сытомино пять километров, до дома – шестьдесят – чего время зря тратить? И пошли на Высокий Мыс пешком. С нами еще один мальчишка был, ему в Тундрино нужно было.

Вылетели мы очень рано, поэтому в дорогу нормально не поели, да и одеты были в расчете на то, что полетим на самолете, а не по морозу пойдем шестьдесят километров. Одолели первые двадцать километров, ноги от голода уже подгибались. Дошли до деревни Кушниково, сразу же на окраине в первый дом постучались и попросили покормить. Хозяйка накормила, потом уж спрашивать стала, кто мы, откуда и куда идем. Когда стали собираться дальше идти, сказала, что пока не придет муж, она нас никуда не пустит.

Мороз был уже градусов тридцать пять. Пришел муж, посмотрел на нас внимательно и спросил, не сын ли я Федулова Алексея Ивановича, я ответил, что да, сын младший. Покачал он головой и говорит: «Отец-то у тебя умный...». Потом оделся, сходил на конный двор, запряг лошаденку. Доехали мы до деревни Лямино, зашли к знакомым тундринского мальчишки, отогрелись и дальше тронулись. За дорогой уже не следили – куда лошадь с дороги свернет? Зарылись на розвальнях в сено, прижались друг к другу – всё теплее. Вдруг лошадь остановилась. Поднял я голову, вижу, стоим у стога сена. Оказывается, приехали на Глазковский покос, где мы летом с отцом сено для совхоза косили. Километров шесть с основной дороги съехали, а это лишних двенадцать километров. Надрали сена из стога, набросали в розвальни, чтобы теплее было, повернули лошадь и поехали. Только теперь я уже за дорогой следил, а то еще в Лямино вернемся. Выехали на основную дорогу, и минуты через три – отец в кошевке навстречу едет. Фая, прилетев на Высокий Мыс, родителям сказала, что мы из Сытомино домой добираемся. А проезжавшие мимо на лошадях передали, что пешком идем. Пересадил отец нас в кошевку, накинул тулупы, а сам в розвальни пересел. Вот тут уж, на выездной лошади да в кошевке, мы просто долетели до дома. А там нас ждала баня и, как всегда, пельмени.

* * *

Новогодние забавы в поселке. В эти дни все – и старые, и малые – стараются сделать в шутку какую-нибудь мелкую «пакость» соседям, а назавтра посмеяться всей деревней. Мол, крепко вы спите, у вас ворота унесли, а вы и не слышали. Мы, одногодки, приехавшие на каникулы из Сургута и Сытомино, сначала вели себя очень даже пристойно. Потом нам стало понемногу надоедать после каждой ночи порядок в ограде наводить. То дрова по двору разбросают, то дверь приморозят, то ворота снимут – шутки были абсолютно непредсказуемые.

Как-то уже в конце каникул засиделись мы с друзьями допоздна. Глубокой ночью мысль появилась: а что же мы-то никому ничего ни разу не сделали? Прошлись мы со своей молодецкой силушкой по поселку, всех постарались «порадовать». К конторе подошли, а около нее, вдоль дороги, елочки стояли, чтобы красиво было. Мы и решили: Новый год заканчивается, все равно их убирать будут – собрали елочки и плотно забили ими сени конторы. Уже собрались по домам расходиться-

ся, да вдруг увидели: сруб баньки у ограды стоит. Баньку мужичок по осени себе рубить начал, да до зимы не успел сделать, вот она и стояла срубом незаконченным. Разобрали мы ее потихонечку, бревешки все аккуратненько в одну кучу сложили и разошлись.

Подошел я к своему дому, и тут меня осенило: всем мы что-нибудь да сделали, а наши-то дворы остались нетронутыми. Взял да и развалил поленицу на всякий случай. В обед отец с работы пришел, говорит, что вся деревня гудит, выяснить пытаются, сколько же бригад ночью по деревне гуляло. Тебя, говорит, пожалели, уж который раз парню в эти каникулы дрова приходится складывать. Полдня елочки из сеней конторы вытаскивали. Потом увидели, что у мужичка бани нет. Хозяин за голову схватился: я же, говорит, сруб не размечал, как же теперь баню собирать буду?

Через день мы разъехались на учебу. Когда летом на каникулы приехали, в поселке все еще Новый год вспоминали, много лет, говорят, так не «веселились». Кто по поселку прогулялся, так и не узнали.

* * *

Дом наш в поселке был построен на две половины. Одна была колхозной, во второй постоянно жил кто-то из учителей. Когда маму перевели работать в школу на Высокий Мыс, нас и поселили в эту квартиру. Во второй половине жила тетя Маруся, старше мамы была она лет на 15. Очень они любили вместе чаевничать.

Когда к нам приезжал киномеханик с новым фильмом, то весь поселок от мала до велика шёл в клуб. Развлечений не так уж и много было. Когда возвращались, тетя Маруся шла домой раздеться всегда со словами: «Серафима, ставь чайник, я сейчас буду». Раздевалась, перелазила через забор, чтобы дом кругом не обходить. Мы пили чай, а она начинала пересказывать то, что мы только что смотрели. Причем фильм в ее пересказе становился совершенно неузнаваемым.

Однажды привезли картину о французском сопротивлении во Второй мировой войне. Смысл её заключался в том, что в рядах группы был провокатор, многие от него пострадали, но так и не смогли определить, кто это был. Через несколько лет группа собралась вместе, долго разбирались в прошедших событиях и в конце концов смогли просчитать провокатора, устроили над ним суд и расстреляли.

После фильма мы сели за стол, и тетя Маруся начала рассказ: «Мужики в войну познакомились, друзьями стали. После войны собрались

они вместе, и девка одна с ними пришла. Мужики-то из-за нее перессорились и парня одного убили, а парень-то хороший был, жалко».

Встретился я тетей Марусей в Сургуте через тридцать лет. Однажды на лавочке возле её дома сидим, разговариваем. Тете Марусе было уже за девяносто. Она все о моей маме вспоминает и сокрушается: мало жизни-то ей отпущено было, всего шестьдесят лет прожила, не жалела себя. «Говорила же я Серафиме, береги себя. Я вот сберегла себя смолу, дак вот сейчас побегиваю».

* * *

Жил у нас в поселке Трифон, роста был невысокого, но косая сажень в плечах. Как все могучие люди, очень спокойный и неторопливый. Рассказывала его жена: жили они в Омске, еще женаты не были. Однажды провожал он ее домой, шли через мост, темно. Напали на них лиходеи, раздеть решили. Трифон, говорит она, снял пальто, шапку, пиджак, а вот уже когда в рубашке остался – бить их начал. Уложил их всех в одну кучу, чтобы не расползались, оделся и пошли дальше. «Что же ты сразу отбиваться не начал?» – спрашивает будущая жена. А он ей: «Так ведь жалко одежду, порвать могли, да в рубахе-то и легче было».

Однажды мы вместе с ним были в магазине. Сходил он с продавцом на склад, взял мешок муки, принес его под мышкой в магазин, в очередь встал. Ему предлагают, чтобы он подошел рассчитаться, с мешком-то ведь тяжело стоять. Нет, он отстоял очередь, отдал деньги за муку, так и не перекладывая мешка, и ушел домой.

* * *

Часто на Высокий Мыс и в Тундрино заезжал хант, звали его Яшка-черт. В Тундринском рыбокоопе была закусовая. Однажды в эту закусную он и зашел. Заказал борщ, чай, а потом увидел на витрине торт и говорит продавцу:

– Вот это хочу.

Продавщица отрезает ему кусок с краю, а он ей, показывая на розочку в середине торта, говорит:

– Вот это хочу.

Вырезала она ему кусок из середины. Ест он борщ, вместо хлеба тортом заедает. Продавщица увидела и говорит:

– Яша, ну что ж ты делаешь, ведь невкусно так.

А он ей:

– Ты, работник торговли, зачем так говоришь? Невкусно – зачем продаешь?

* * *

Работал механизатором на Высоком Мысу Коля Ваганов. Росточка он был небольшого, прозвал его народ Карапетом. Здесь же жила семья Роговских, сразу же после войны из Шепетовки привезли их к нам в поселок.

В семидесятых годах в нашем крае работало много студенческих отрядов. Вот и на Высоком Мысу однажды летом работал отряд медицинского института с Украины. А так как кроме производственных дел от студенческих отрядов требовались еще и общественные, то студенты, почти уже готовые врачи, решили провести медицинское освидетельствование жителей поселка.

Роговская баба Наташа тоже решила провериться: «Когда еще к нам врачи приедут, а в Сургут не наездишься». Причем, сколько я помнил ее, она с годами не старилась. Как говорят, была всегда «в единой поре», только спина все больше и больше вниз склонялась, прижимало ее к земле.

Зашла баба Наташа к хирургу, осмотрел он ее и сказал, что по его части у нее все в порядке, но ей еще нужно показаться терапевту. То ли он невнятно сказал, то ли слово для нее оказалось новым, только вышла из кабинета, развела руками и говорит: «Он сказал мне к Карапету сходить. Что Карапет в этом деле понимает?»

* * *

Приехали мы всей семьей на Высокий Мыс, время подоспело сажать картошку. Встретили нас сыновья моего друга, три красавца парня. Старший, Володя, закончил сельхозинститут, инженер-механик. Средний, Слава, – летное училище, техник по вертолетам. А младший, Игореша, еще учился в университете – будущий экономист.

Надо же было их мотоциклу на берегу сломаться. Старшие на младшего накинулись: «За техникой не следишь, не слушаешь, все по-своему делаешь». А младший не спорит, но и внимания на них не обращает. Сел в трактор, нас посадил. Поехали смотреть поле, в каком оно состоянии. Половину дороги молча ехал, думал, а потом головой pokrutil,

хмыкнул и говорит: «Мотоцикл сломался – бухгалтер у них виноват. Механики!»

* * *

Я знал, что о своем деде Федулове Иване Григорьевиче новых материалов и документов мне уже не найти. Человек всю жизнь прожил в селе Тундрино, там родился, вырос, женился, воспитал пятерых детей, работал и умер. Жизнь прожил спокойно, без больших приключений и потрясений.

Однажды приехали мы с семьей на Высокий Мыс, пришел в гости к своим учителям Зое Андреевне и Владимиру Андреевичу Ромашко. Зоя Андреевна достала папку с документами (в поселке собирали материалы по истории Тундринского сельского совета) и вручает мне копию мандата моего деда. Оказывается, Иван Григорьевич был делегатом первого съезда советов Сургутского района от Тундринской волости, съезд проходил в Сургуте в январе 1924 года. Всего от волости было три делегата, и одним из них был мой дед.

Вот так совершенно случайно узнаем мы о делах своих предков, появляются новые документы в семейном архиве и сохраняется семейная память.

* * *

Была бригада по заготовке мяса. Забивали скот по старинке, дедовским способом. Однажды в бригаде появился новый работник, приезжий. Раскритиковал он наших мужиков, сказав, что так работать нельзя. Скотина видит, что ее убивает, пугается, в организм выделяются яды, качество мяса от этого ухудшается. Забивать ее нужно так, чтобы она не поняла, что с ней происходит. После его консультации повесили кусок брезента на ворота, «обмыли» новый способ заготовки и стали подводить к проему ворот первую корову. Мужик, тянувший ее за веревку, коснулся брезента головой, а новый специалист с кувалдой в руках был уже наготове. Пощупал рукой то место, где на брезенте обозначилась голова, да и ухнул в него кувалдой. Отодвинули штору: корова стоит, а мужик, тащивший ее, – лежит. Хорошо, что выпили они изрядно, один на ногах уже не стоял, за веревку, можно сказать, держался, а второй кувалдой нормально махнуть не мог. Шишка только у мужика на голове появилась.

После этого порешили, что технический прогресс ни к чему, и продолжали работать, как работали деды.

* * *

Родился мой отец в селе Тундрино в 1924 году. Там же семилетнюю школу закончил. Перед выпускными экзаменами поспорил с друзьями, что когда на экзамене по русскому языку будет писать диктант, то сделает ошибок ровно в два раза больше, чем будет слов в диктанте. В диктанте было 120 слов, он сделал 240 ошибок. Учителя, зная, как он пишет, не могли понять, что случилось, пока не узнали об этом споре. Ему была назначена переэкзаменовка, диктант он написал на «пять» и поступил в 1941 году учиться в Омское летное училище.

* * *

Курсанту первого курса летного училища Федулову дали команду сдать в санчасть анализы, не объяснив при этом, в каких количествах чего сдавать. Для него же эта процедура была абсолютно новой. Взял он в столовой солдатскую алюминиевую тарелку, наполнил ее, прикрыл газеткой и принес. Тут же был вызван караул, посадили его на гауптвахту. А он, бедный, понять не может, за что с ним так поступили, сами же приказали и сами же ругаются. Когда после очередного допроса поняли, что курсант это сделал не шутки ради, а от чистого сердца, стараясь в точности исполнить приказ, отпустили.

Хорошо, что на той газете не оказалось портретов членов Политбюро или правительства, а то быть бы ему врагом народа.

* * *

После окончания военного училища два младших лейтенанта, мой отец с товарищем, ехали на фронт. Два мальчишки. Паек давно съеден. Все, что можно было продать, продано и проедено. В конце пути подсел к ним дед. Что, говорит, внучки, есть хотите? Накормил их, а потом посмотрел внимательно на товарища отца и говорит: «Ты, внучек, не жилец». А посмотрев на отца, сказал: «А ты будешь мучиться, но проживешь долго».

Прибыли на фронт, представились комбату и пошли в блиндаж. В это время раздался свист и произошел взрыв. Упали на землю. Отец почувствовал, что на него что-то тяжелое упало. Когда все стихло, стал

подниматься. Оказалось, что друга разорвало, и на отце лежали его ноги. Первая часть дедовского предсказания сбылась.

Отец начал воевать, стал командиром взвода разведки. Однажды ушли в поиск за линию фронта. Немцы их обнаружили и забросали минами. Отец получил ранение в голову и ногу. Когда, говорит, очнулся, поползал, нашел своих ребят – все убитые. Пролежал до рассвета, то теряя сознание, то приходя в себя. На рассвете услышал русскую речь, решил, что это немцы проверяют, остался ли кто живой. Так они делали. Достал пистолет, и когда появились фигуры, начал по ним стрелять, считая патроны, чтобы себе оставить один. После каждого выстрела по голове как кувалдой били. От боли снова потерял сознание. Когда пришел в себя, был уже в госпитале. Медсестры ему рассказали, что на него наткнулась армейская разведка. Его захватили с собой и вынесли. Спасителей своих он так и не узнал. Единственное, что знал точно, – никого из них своими пулями не ранил. К счастью, в то утро уж слишком неточными были его глаз и рука.

Предсказание деда вновь оправдалось. Сколько же должно было произойти совпадений, чтобы отцу остаться в живых! Ему нужно было очнуться. Разведчикам, проходившим мимо, нужно было заговорить, а отцу услышать и начать стрелять по ним. Причем все это происходило за линией фронта, под боком у немцев.

После лечения Алексею Ивановичу Федулову назначается вторая группа инвалидности, его комиссуют. На фронт он уже больше не попадает. С 1943 года начинает работать в Сургутской милиции оперативным уполномоченным. Документы инвалида порвал и выбросил. О какой инвалидности может идти речь, если тебе нет еще и девятнадцати, а руки и ноги на месте?

Всю жизнь из ноги у него выходили осколки. В конце концов нога начала сохнуть. Ему восстанавливают военную инвалидность. В справке, пришедшей из военно-медицинского архива, написано: «Ком. взвода мл. лейтенант Федулов Алексей Иванович, 1924 года рождения. На фронте Великой Отечественной войны получил 6 ноября 1942 г. множественное слепое осколочное ранение правой стопы с повреждением, по поводу чего с 28 декабря 1942 г. находился на излечении в ЭГ 358, предыдущие этапы с момента ранения: 146 МСБ и госпиталь, из которого выбыл 26 января 1943 г. по месту жительства. По поводу остаточных явлений, исключающих возможность пользования конечности, после

множественного слепого осколочного ранения правой стопы Военно-врачебной комиссией по ст. 65 гр. П-III расписания болезней приказа НКО СССР № 336 1942 г. признан негодным к военной службе».

Умер отец 10 июля 1984 года, отказало сердце.

Что увидел тот дед, случайный попутчик, в далеком 1941 году в глазах двух мальчишек, ехавших на фронт? Ведь все случилось именно так, как он предсказал. Получается так, что хотим мы верить в это или нет, но все-таки есть люди, которым ведомо то, чего другим знать не дано.

Работал Алексей Иванович в Тундринском совхозе трактористом, мастером считался на все руки. Однажды на скотном дворе, в телятнике, задымила печь. Пожаловались телятницы управляющему, что невозможно телятам еду нормально приготовить. Вызвал он Федулова и дал задание разобраться с печью. Тот пытался объяснить, что не знает печного дела, да управляющий слушать не стал, иди, говорит, разберись, посмотри, в чем там дело. Вечером телятницы пришли готовить еду для телят, а печи нет, разобрана. Котел в одном углу лежит, кирпичи почищены и аккуратно сложены в другой угол. Телятницы к управляющему, управляющий – к Федулову разбираться, а Алексей Иванович ему и говорит: «Пришел я, осмотрел печь со всех сторон – не могу понять, почему она дымит. Разобрал я ее, кирпичи почистил, в угол аккуратно сложил, а почему дымил, так и не понял».

* * *

Летом сообщение между деревнями было по реке. Сначала это были лодки, затем пароходы, катера, речные трамвайчики, а потом уже теплоходы разного класса. Очень хороши были «Ракеты» – и надежные, и ходили быстро. Один раз отцу по работе нужно было быть в Сургуте. Выполнив задание, он приехал на речной вокзал, взял билет до Высокого Мыса. До отхода «Ракеты» оставались минуты, поэтому он быстро прошел на посадку. «Ракета» отошла. Через некоторое время ему захотелось покурить, вышел из салона и тут увидел, что «Ракета» идет в противоположную сторону. Он к капитану с вопросом, куда идет «Ракета». Всё оказалось просто: рядом, борт о борт, стояли две «Ракеты»: первая готовилась идти в Нижневартовск, а вторая вниз по Оби в сторону Сытомино. Отец, вместо того чтобы пройти во вторую, устроился в первой. Капитан успокоил отца, скоро, говорит, навстречу

«Ракета» пойдет, мы тебя пересадим. Пересадили. Едет отец и вдруг обнаруживает, что «Ракета», не заходя в Сургут, пошла на Нефтеюганск и дальше вниз по Оби. Недалеко от Сытомино пересадили его снова на другую «Ракету», а она, оказалось, опять идет в Нефтеюганск и до Высокого Мыса не доходит. Целый день его возили по реке, пересаживая с «Ракеты» на «Ракету». Уже весь Сургутский район знал, что Федулов Алексей Иванович едет домой на Высокий Мыс. В конце концов вечером он оказался снова в Сургуте. Переночевал у тещи, а на следующий день снова сел в «Ракету» и тут уж благополучно добрался до дома.

* * *

Жили мы на Высоком Мысу. У отца был лодочный мотор ЗИФ-5, по тому времени это было очень сильно. Лодка стояла в заводи, недалеко от яра. Высокий Мыс и назван был так, потому что стоял на высоченном яру. И вот однажды отец заводил мотор, тот сорвался с лодки и упал в заводь. Дня через два остановился в поселке катер с командой водолазов, отец попросил их достать мотор. Стали спускать водолаза вниз, ушел он на глубину двадцать метров и задергал веревку, вытащили его назад. Сказал, что страшно ему стало: дна не видно, а под яром далеко все промыто, и в эту промоину его течением потащило. Сказал он еще тогда, что смоем скоро ваш поселок. Было это в 1960-61 годах. После этого не так уж и много времени прошло – нет больше моего поселка. Тот, в котором я родился и вырос, лежит на дне реке, нет больше того красавца яра, все это давно смыто нашей могучей Обью. Поселковое кладбище, когда-то бывшее далеко за поселком, теперь над самой Обью. А новый поселок – там, где раньше сеяли рожь и картофель.

* * *

Было это до денежной реформы 1961 года. Мама училась в Тобольском педагогическом институте. Нужно ей было ехать на летнюю сессию, а отпускные и зарплату еще не привезли. Пришлось брать деньги взаймы. В поселке у нас жил дед, у которого всегда можно было их занять, вот и пошел отец к нему, а я за ним увязался. Дед, узнав, для чего нужно столько денег, похвалил маму и пошел за ними в другую комнату. Отец в это время сел писать расписку. Вынес дед в подоле рубахи несколько пачек, дореформенные купюры размером очень большие были. Вывалил их на стол и отца спрашивает: «Алексей Иванович, что

пишешь?» Услышав, что это расписка, сгреб деньги обратно в подол и пошел назад. Отец ему: «Дед, а ты что делаешь?» Дед и говорит: «Коли совести нет, нече бумагу марать». Порвал отец расписку, и пошли мы с деньгами домой.

* * *

На Высокий Мыс в школу из районного отдела народного образования приехала инспекторская проверка. Мама преподавала русский язык и литературное чтение. Прошел у нее открытый урок. По плану было изучение творчества Маяковского. После урока я случайно услышал разговор инспектора и мамы:

- Серафима Васильевна, Вы Маяковского не любите?
- Терпеть не могу.
- Знаете, я был на многих подобных уроках и нигде ни разу не слышал, чтобы так великолепно был преподнесен учебный материал. Но у Вас при этом на лице столько брезгливости было...

* * *

В 1941 году моя мама училась в институте. В конце лета всю их группу вызвали телеграммами на досрочную сдачу сессии. Приехали они, а их, девчонок, в чем были, послали на север на заготовку рыбы. Они же ехали на сессию, а не на рыбалку, одежду для рыбалки, естественно, никто из них не взял. Какой-то умник из руководства институтского, видимо, решил, что если студенткам сказать правду, то часть из них, возможно, не приедет. Что ему до здоровья девчонок? Главное – кресло сберечь.

Даром эта рыбалка им не прошла. Одна из девушек заболела и прямо там умерла от скоротечной чахотки. Все они простыли и получили болячки, которые преследовали их до конца жизни. У мамы всю жизнь были сильные боли в спине и очень болели ноги. К пятидесяти годам ей пришлось взять в руки трость. Прожила она всего шестьдесят два года.

* * *

В 1956-57 годах жили мы в поселке Песчаном Сургутского района. Мама работала в школе, я во втором классе учился, а отец ходил на катере. Небольшой катерок, деревянный. Его и построили, скорее всего,

на Песчановском деревообрабатывающем комбинате. Изготавливали там неводники, плашкоуты, но самой главной продукцией, которая славилась на весь район, была мебель. Весной рядом с поселком разливался знаменитый Ляминский сор – настоящее море, берегов не видно.

Однажды отцу нужно было на катере через сор сходить. У нас в школе были уже каникулы, вот он меня с собой и взял. Пошли мы через сор, папенька дал мне за штурвал подержаться. Когда берегов совсем уже не было видно, начался шторм. Наш катерок то вверх бросало, то вниз, да так сильно, что казалось, мы в какую-то яму падаем, при этом еще и днищем обо что-то стучались. Вижу, отец заволновался, засуетился, вытащил спасательный пояс, обвязал меня, сказал, чтобы я все время был с ним рядом и в кабину не спускался. Катер заглох, мотало нас полдня, у меня несколько раз морская болезнь приключилась. Потом ветер стих, волны успокоились. Отец завел мотор, вернулись мы с ним домой. Дома папа маме рассказывал, что боялся, как бы от ударов о дно сора наш катер не развалился, поэтому и обвязал меня поясом.

Сильно я тогда и не испугался, рядом же отец был. Только после этого очень долго восторга не испытывал, если приходилось на лодках и катерочках ездить. А куда деваться? Ведь это был единственный летний транспорт.

* * *

Было это на Высоком Мысу в 1959 году. Учился я в пятом классе. Первого сентября мы пришли в школу, а уже второго сентября всей школой вышли в поля, вместе с нашими учителями убирали колхозную картошку. По картофельным рядам ездил трактор с картофелекопалкой, а мы шли за ними и собирали картошку.

Страшное тогда случилось с председателем нашего колхоза Константином Антоновичем Варгановым. Проверял он работу в полях, приехал и к нам. Что-то ему не понравилось в работе копалки, и он, не останавливая трактора, залез на нее. Когда перешагивал крутящийся вал, зацепило его и прокрутило на валу, разорвав ноги. Положили его на телегу и повезли в Тундрино, больница там была. Телега едет мимо кладбища, мы бежим за ней. До сих пор звучит в ушах его хрипловатый голос: «Не везите меня никуда, вот оно – кладбище, бросьте меня тут».

Утром нам сказали, что Варганов умер. Человек воевал на фронте, был не единожды награжден, остался жив, а в мирное время – такая глупая и страшная смерть...

* * *

Мне шел тринадцатый год. Поставили меня первый раз на покосе на метку сена. Мама в слезы, совсем ведь еще ребенок. А управляющий успокоил, сказав, что ставит меня с дедом, который проследит за мной и надсадиться не даст. Покос назывался Домашним, сено косили около поселка, ночевать ходили домой. Дядя Саша, с которым мы работали, все делал молча. Вроде бы и не смотрел на меня, да и глаза у него были с косинкой, трудно было понять, куда он смотрит, но стоило мне поднять вес чуть больше, он почему-то всегда оказывался сзади меня и опять же молча бил черенком вил по заднице. А когда садились на отдых, вот тогда воспитывал словами: «Ты, Алексей, еще молодой, жить тебе и работать долго, вес бери по себе, тогда и будешь здоровым». Вот так, черенком вил и словом, у меня вырабатывали чувство веса и меры.

* * *

В седьмом классе приняли нас в комсомол. Избрали меня председателем «Комсомольского прожектора». Казалось нам, юным, что любой вопрос можем мы решить, все нам по плечу.

Была на Высоком Мысу сельская библиотека, находилась она в клубе, заведующая клубом исполняла обязанности библиотекаря. Не знаю, кто на каком уровне вдруг решил закрыть библиотеку. Все книги вывезли на скотный двор, на вышку. Лежали они там и в ветер, и в снег. Долго мы, «прожектористы», бились за то, чтобы вернуть книги в клуб или поместить куда-нибудь в другое подходящее место. Беда этих книг заключалась еще в том, что у них как бы был владелец, а посему просто взять и разнести их по домам было нельзя. Проблема исчезла сама собой: погода и крысы сделали свое дело, книги пришли в негодность. Для меня это был урок жизни: не все вопросы решаемы и не всё нам по плечу.

* * *

Весной, в сезон заготовки дров, на Высоком Мысу школьники старших классов (с пятого по восьмой) снимались с учебы и отправлялись готовить триста кубометров дров для школы. Весна 1962 года оказалась для поселка голодной. Видимо, руководство района в чем-то просчиталось, и к весне в поселковом магазине остались только голые прилавки. Закончились и охотничьи припасы. Отцам пришлось доставать дедов-

ские снасти, иначе было уже не прокормиться. В распутицу – это когда зимней дороги уже нет, река еще не вскрылась, пароходы не ходят, а другого сообщения еще не существовало, при всем желании привезти из Сургута продукты не было возможности, да и вряд ли там были их излишки. В те годы в нашей школе-восьмилетке учились дети из Солкинской нефтеразведки, для них при школе был специально организован интернат. Вот руководство школы и договорилось с руководством разведки – завезли в школу продукты. Нам, кто был на заготовке дров, чтобы мы не обессилели, устроили трехразовое питание, утром и вечером мы ели в школе, а в обед нас кормили в лесу.

Двое взрослых мужиков валили лес, а всю остальную работу делали школьники: рубили сучья, жгли их, пилили, кололи, складывали поленицы. Один раз вечером, уставшие, мы возвращались из леса. Все пошли вокруг озера, оно было еще подо льдом, а мы с Мишкой решили: чего силы зря тратить? И сократили дорогу, пошли прямо через озеро. Дошли до середины и провалились, не выдержал лед. Хорошо хоть там не сильно глубоко было, оказались мы по грудь в воде. Пытаемся выбраться на лед, а он ломается. Повезло, что у нас с собой были колуны, начали по очереди пробивать дорогу во льду ими. Прорвались на берег, быстро сняли с себя одежду, отжали ее хорошенько, бросили ребятам колуны и бегом домой. С такой скоростью я в жизни никогда больше не бегал. В конце было ощущение, что даже фуфайка от пота горячей стала. Молодость и здоровье свое взяли, утром мы снова были на работе, даже насморка не появилось.

* * *

Летом, после девятого класса, работал я с отцом на Глазковском покосе, он бригадиром был. Мужиков в поселке мало было, с войны многие не вернулись. Нам, рано окрепшим мальчишкам, давали взрослую работу. И мы с Леной Леоновым, пятнадцатилетние, стояли на метке сена, все остальные в бригаде возрастом были младше нас. Отцу нужно было ехать в совхоз. Оставил он меня старшим. Мальчишки, возившие на лошадях копны, почувствовали слабинку, попросились отдохнуть, говоря, что задницы у них устали. Это на самом деле очень тяжело, за день так наездишься, что вечером ноги не ходят. Отдохнули мы немного и за работу, а мальчишки чуток поехали и опять отдохнуть просят – дал я им снова отдохнуть. После третьего раза понял я: не чувствуют

они во мне старшего. Ну и сказал я тогда речь воспитательную, используя отцовский лексикон. Длинно получилось, складно. А папенька, к слову сказать, мастерски владел народным непечатным словом. Мальчишки, ощутив силу слова и отцовский слог, быстренько на лошадей сели, а в это время отец (не получилась у него поездка в совхоз) из-за стога выходит со словами: «Так их сын, так». Меня как холодной водой облили.

В субботу приехали мы домой, сходили в баню, сели за стол, отец и говорит: «Мать, еще один стакан поставь на стол, сын у нас повзрослел, предложениями вполне прилично говорить начал». Мама посмотрела на нас, покачала головой. С тобой, говорит, и не этому научишься. Ничего больше родители мне не сказали, но урок я получил на всю жизнь.

Алексей Федулов

Таня Жернакова, Лена Знаменская в квартире М.Ф. Калашиниковой.

*Таня Жернакова, Лена Знаменская в картошке
(обе фотографии делал Леденька).*

Таня Жернакова (справа), Лена Знаменская в г. Свердловске, 1964 г.

Высокий Мыс, 1968 г. Отец, Алексей Иванович Федулов, сидит в центре, четвертый слева.

Отец на рыбалке. 1966 г.

*На границе. Я на переднем плане, автомат в левой руке.
1969 г., июль.*

Серафима Васильевна Федулова, п. Высокий Мыс, 1965 г.

*Братья Сергей и Алексей Федуловы на охоте.
п. Высокий Мыс, 1970 г., сентябрь.*

«...и Сибирь меня не забудет»

Данная публикация вызвана сознанием необходимости познакомить читателя с выдающимся представителем сибирской и российской науки Ростиславом Сергеевичем Ильиным (16 апр. 1891 – 11 сент. 1937) – одним из первых, кто в 1930-е годы обосновал вывод о перспективности поиска нефти и газа на севере Западной Сибири.

Монография «Сквозь тернии» написана сыном ученого Игорем Ростиславовичем Ильиным и издана в 1990 году на средства автора в Кишиневе Тараспольским отделением Всесоюзного общества почвоведов. Это одновременно и научная биография, и проникнутое глубоким чувством повествование об очень близком человеке. «Судьба Ростислава Сергеевича Ильина, – пишет автор во «Введении», – типична для многих тысяч талантливых людей его поколения своим трагизмом и безысходностью. Задача книги – показать, насколько тернистым был его сравнительно короткий путь, как много он успел сделать и насколько больше сделал бы, оказавшись в более благоприятных условиях».

Став безвинной жертвой жестокой и одержимой страхом власти, Р.С. Ильин погиб, когда сыну исполнилось всего лишь 12 лет. Собирая материалы для книги, И.Р. Ильин по существу открывал для себя отца. Он основательно изучил документы ряда столичных и сибирских архивов, встречался и беседовал со многими учеными и специалистами, лично знавшими Ростислава Сергеевича. Результатом длительного поиска стала книга, в которой строгая выверенность содержания соединилась с напряженным внутренним драматизмом.

Р.С. Ильин родился в Москве, окончил гимназию. В 1909 году поступил в Московский университет, слушал лекции выдающихся ученых: В.И. Вернадского, А.П. Павлова, Н.А. Умова, М.А. Мензбира, Д.Н. Анучина. Специализировался по почвоведению и агрономической химии.

Средства для существования добывал уроками, работал почвоведом. Окончив университет, в 1913-1917 гг. учился в Московском сельскохозяйственном институте, специализировался в области почвоведения. Одновременно работал участковым агрономом в одном из ближайших к Москве уездов.

Трагическую роль в судьбе Р.С. Ильина сыграло то, что в 1917 году он вступил в партию социалистов-революционеров. Активная политическая деятельность его продолжалась недолго, но в послереволюционное время все оставшиеся годы жизни он подвергался постоянным преследованиям. Бутырская тюрьма – Ярославль – Челябинский политический изолятор. И, наконец, в 1927 году – ссылка в Сибирь.

Р.С. Ильин был человеком такого склада, что его, по-видимому, невозможно было сломить, его дух постоянно находился в активном состоянии и требовал действия в любых, даже самых тяжелых условиях. В конце 1932 г. он писал из Сибири Л.И. Прасолову, будущему академику: «...я всегда и при всех обстоятельствах желаю здоровья моим опекунам в ГПУ¹, ибо во всех их мероприятиях в отношении меня я беру лучшую для себя сторону – ссылку превращаю в научную командировку, одиночное заключение – в научно-исследовательский институт».

В Томской области Р.С. Ильин много работал: участковым агрономом, научным сотрудником и заместителем директора агрометеорологической станции в с. Парабель, почвоведом колонизационно-переселенческой партии, геологом, заведующим отделом Западно-Сибирского геологического управления, доцентом Сибирского геологоразведочного института и преподавателем Томского университета, участвовал в почвенно-ботанических экспедициях, заведовал отделом почвоведения в Томском краевом музее, возглавлял геологические партии, писал научные статьи. В 1930 г. вышла в свет его монография «Природа Нарымского края. Рельеф, геология, ландшафты, почвы». В 1929 г. написал свою главную работу «Происхождение лёссов», изданную только в 1978 г.

Отдельно нужно сказать о причастности Р.С. Ильина к научному обоснованию прогноза нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности. 12 мая 1932 г. он написал докладную записку руководству Западно-Сибирского геологоразведочного треста по этому вопросу.

¹ ГПУ – Главное политическое управление.

По сведениям автора отчета Сибирскому научно-исследовательскому институту геологии и минерального сырья за 1974 г. по теме «История нефтегазопромысловых работ в Западной Сибири» В.В. Завалишина, Ильин предложил организовать нефтепоисковую экспедицию по Западно-Сибирской низменности. В отчете дан анализ 12 опубликованных и фондовых работ Р.С. Ильина, способствовавших открытию сибирской нефти. Как почвовед, геоморфолог и геолог, Ростислав Сергеевич хорошо знал территорию нашего округа. Летом 1936 г. он совершил с двумя студентами и собственным 11-летним сыном в обыкновенной лодке исследовательскую поездку от устья р. Томи до Обской губы. Им написаны работы «Геология низовий Иртыша ниже Горной Субботы и Оби до Б. Атлыма» (1936), «Новое о геологии и полезных ископаемых Самаровского района» (1936) и сделан доклад на эту тему в Омском окрпране. В государственном архиве в Омске хранится его отчет «О необходимости углубленного изучения недр Омской области».²

Книга «Сквозь тернии» открывает нам Р.С. Ильина и как мыслителя, близкого по своим воззрениям к В.И. Вернадскому и выразившего свою натурфилософскую позицию в монографии «Происхождение лёссов», которая, по отзыву доктора геолого-минеральных наук А.Н. Розанова, «представляет собой фундаментальное сочинение, пронизанное одной общей идеей – единства органической и неорганической жизни Земли». Другая крупная работа, на момент издания книги «Сквозь тернии» нигде не публиковавшаяся, – «О послетретичном времени в Сибири (палеогеографический очерк)». Тематически она продолжает «Происхождение лёссов», но охватывает больший спектр явлений. Характеризуя стиль научных работ Р.С. Ильина, В.И. Вернадский называл их «исследованиями методом рассуждений». Наверное, иллюстрацией этого метода может служить следующая формулировка из рукописи «О геологических циклах»: «Жизнь – передовая область накопления новых качеств, область синтеза» (для сравнения – формулировка Ф. Энгельса: «Жизнь есть способ существования белковых тел»).

По многочисленным свидетельствам, приведенным в книге, Р.С. Ильин был чрезвычайно привлекательным человеком, общение с ним оставляло большой след на всю жизнь. Вот отзывы двух его коллег.

² Патранова В. «Ископаемые союзного значения» искали на территории округа // Новости Югры. – 2005. – 20 дек.

«Мы сравнительно мало встречались с Р.С. Ильиным, оба были в непрерывных разъездах по всей Сибири, но я сохранил светлую память, самые теплые душевные воспоминания об этом труженике-энтузиасте, жертве того периода, глубоко преданном своему делу человеку. Возможности Ростислава Сергеевича были невелики, но он очень много сделал для развития геологии Сибири. Это был человек самостоятельного мнения, честный, принципиальный, не стесняющийся говорить правду, очень скромный, спартанец, путешественник, не щадивший себя. Главным для него были идеи, а жизненные трудности стояли на последнем месте. Все его мысли были подчинены нефтяным перспективам Сибири» (В.А. Ветров, бывший начальник Западно-Сибирского геологического управления, 1980 г.).

«Ростислав Сергеевич был абсолютно несовременным по бескорыстности, преданным науке безоговорочно, до полного самопожертвования. Он шел в совершенно неисследованные области. Обладая огромной научной интуицией, он по малым деталям делал верные выводы. Маршрутные исследования давали мало материалов для подтверждения его выводов, но в конечном счете они оказывались правильными и играли свою роль в изучении Сибири...» (И.М. Мягков, один из руководителей издания серии «Геологическая изученность СССР», 1980 г.).

Не имея широкой возможности высказывать свои воззрения и мнения в печати, Р.С. Ильин высказывал их в переписке. В заключение публикации перепечатаваем из книги «Сквозь тернии» некоторые из писем, полагая, что для читателя это будет лучший способ знакомства с этим необыкновенно ярким человеком.

*Из сопроводительного письма при отправлении в Москву
монографии «Происхождение лёссов»*

19.07.1929 г.

...Я решил написать эту работу в ссылке только после неожиданного нового поворота в моих невольных скитаниях, когда при перетрясках неизбежно гибнет часть рукописей и утрачиваются надежды на исполнение положенных мне по линии ОГПУ времен и сроков. И теперь, когда я отправляю эту книгу Вам, не могу отделаться от мысли, что я мог бы выполнить эту работу и лучше... В моей книге не хватает самого главного – самостоятельного химического исследования, обосновывающего некоторые из выдвигаемых положений, – как я ни гнал

работу зимой 1924-1925 гг. в ожидании ареста, я не успел закончить и небольшой ее части. И неизбежны будут упреки в бездоказательности некоторых положений. Но жизнь учит обратной, грустной стороне принципа относительности, – лучшее иногда бывает врагом хорошего. А поэтому и в таком виде моя книга нужна людям. Когда Вы прочтете рукопись, то увидите, что она должна быть напечатана без всякой очереди. Для нее должна найтись бумага, – Вам будет жалко той бумаги, которую портят некоторые золисты, Вы пожалеете труд наборщиков. Но все это ничто по сравнению с тем вредом, который несет схоластика в науку, с тем мраком, который она распространяет.

Вы увидите из цитируемой литературы, что последние четверть века мы переживаем эпоху регресса в области географических знаний. Я уже не говорю о том, что мне почти не приходится выдвигать новых теорий, – все они были указаны еще в прошлом столетии; в те времена и рядовые исследователи умели наблюдать Природу и описывать факты, ибо они подходили к делу без предвзятых гипотез... Упадок чистого естествознания влечет за собой и упадок наших знаний в области его практического применения – сельского хозяйства, лженаука тормозит его развитие.

Я написал эту книгу в условиях, в которых таких работ делать нельзя, – я не имел под руками библиотеки, а лишь выписки из книг. Я теперь не могу уже опираться на свою когда-то хорошую память – после одной из тюремных голодовок она ослабела... Поэтому и в посылаемой Вам работе неизбежны «lapsus'ы» – я очень прошу сообщить мне о замеченных Вами, чтобы можно было их исправить. Но в моей книге есть места, которые могут вызвать возражения иного порядка, например, стихи и ряд других моментов. Тут я должен заявить, что это переделке не подлежит, ибо каждый автор прежде всего должен честно указать те источники, которыми он пользовался, и не скрывать своей методики. Без этого книга не будет правдивой. Я и так ввел этот элемент в книгу в минимальном количестве и не указал в списке литературы очень много источников, из которых многие для некоторых читателей показались бы странными. Но когда я пишу Вам это письмо, то на моем маленьком столе передо мной умещается вся библиотека, которую я таскаю за собой по тюрьмам и ссылкам, и на самом видном месте лежат Тютчев, Блок с его стихами о Прекрасной Даме, и я жалею, что у меня сейчас нет Лермонтова и других поэтов, постигавших и ощущавших Хаос и

Космос. Я прошу Вас исполнить мое желание относительно внешнего вида книги – поместить на титульном листе эскиз картины «Гимн пи-фагорейцев восходящему Солнцу», моя память утратила фамилию ее автора (Ф.А. Бронников, 1827-1902. – *И.И.*)

Моя книга неудобна тем, что она написана в ссылке, поэтому к ней нельзя писать предисловия, ибо в нем нужно было бы упомянуть об условиях работы. Дело в том, что ненужное афиширование этого факта могло бы дурно отразиться на престиже СССР, что отнюдь не входит в мои соображения; ибо, наоборот, я считаю, что в СССР, как нигде, есть условия для продуктивной научной работы. Но некоторого минимума нельзя избежать – в конце текста должно быть указано место выполнения работы и дата ее окончания. Без этого опять-таки книга не будет правдивой, многое в ней будет непонятно. А факт выполнения работы в таких условиях может быть расценен и в обратном смысле – в пользу условий работы в нашей стране.

Печатание этой книги не может не вызвать сопротивления со стороны некоторых лиц, ибо вряд ли после ее появления на свет кто-либо будет верить некоторым неумеренным последователям (например, В.И. Крокосу, Т.Т. Махову) уже отживших гипотез, из которых в каждой когда-то было зерно истины, тогда как теперь они только тормозят науку. Если говорить ближе к жизни, эта книга может выбить материальный базис у некоторых ученых, лишит их куска хлеба. Но я уверен, когда ее прочтут те из академиков, которые разделяют эоловую и иные гипотезы происхождения лёссов, то и они присоединятся к субэрольно-струевой теории как синтетической теории поверхностных пород.

Поэту и художнику М.А. Волошину

9.05.1929 г.

Среди многих моих квалификаций есть одна основная, руководящая, – служение Земле; я пахал Ее с малых лет, учился Ее понимать и любить в школах и в жизни, служил Ей всеми путями. Моя современная, анкетная, квалификация – почвовед, научный работник. С начала драмы Ее и Ее детей – с Мировой войны – я не укладываюсь в рамки современности и неоднократно разлучался с Ней, будучи в тюрьмах. Там меня лишали конкретной близости с Ней, и я писал о Ней свои работы; наблюдать оттуда можно было только небо с его закатами, картинами которых Вы меня поражали. (Моя одиночка имела окно на запад.)

С исследовательской работой я впервые стал лицом к лицу с 21-го года жизни. Меня с юности всегда поражали те разрывы, которые существуют между нашими науками. Но если эти разрывы и антиномии в области духа будут вечно и «Через тысячу лет мы не сможем измерить души» (А. Блок, «Есть игра: осторожно войти...», 1913. – *И.И.*), то разрывы в естествознании должны быть устранены. Где основная закономерность, создающая пластику форм Земли, ее равнин?

Недавно создававшаяся геоморфология – это еще не наука, а только еще младенческие сны; она требует синтеза ряда естественных наук, а наше время – время специализации, время углубления наук самих в себе. Для меня же Земля всегда была едина; высшим методом восприятия я считал эстетическое – это мой научный метод. В бессонные тюремные ночи я понял то, что на самом деле так просто, как и закон мирового тяготения, и вместе с тем так сокровенно. Моя тема велика, написать ее в моих условиях непросто, не знаю, удастся ли разработать. У меня многое собрано, я думал скоро, быть может, закончить, но меня опять шлют на север, я опять недавно отказался от трафаретных рамок, в которые ставят граждан нашего времени. Я послал основные положения в печать – они так просты, что за них схватятся все живые люди и сумеют их разработать...

А ваши рисунки, как ничьи иные, правдиво передают формы Земли. То же я вижу и в Ваших стихах. И кроме того, Вы понимаете и чувствуете еще Русскую Землю. Ваши рисунки просятся в учебники.

Томскому прокурору

1931 г.

Я являюсь ученым, работающим в широкой области естествознания, охватывающей геологию, почвоведение и географию, затрагивающей геохимию, метеорологию, фитогеографию, археологию и ряд других дисциплин, мои труды встречают высокую оценку как в высших научных учреждениях СССР (документ при моем деле в ГПУ), так и за границей. Предъявление мне обвинения имеет общественное значение, ибо моей биографией ученые круги интересуются при моей жизни, а потому опасно присоединять к ней документы, выставяющие в очень дурном свете работу следственных органов ОГПУ. Реальная часть обвинений построена на искажении мелочей, совершенно несущественных, – они забудутся как прошлогодний снег, формулировка обвине-

ния не поверит мой биограф, у знающих меня людей они вызовут смех. Останутся же мои печатные научные работы, открывающие новую эру в изучении географии, почвоведения и послетретичной геологии Сибири, не говоря уже о большем. Важно то, что я в Сибирь пришел в ссылку, на другой день по освобождении по указанию ТОГПУ по Сибири получил службу и в течение 4 лет и 10 дней неустанно вел не только текущую работу в учреждениях, но и сверх плана писал свои научные труды, направленные к познанию богатств земли как в Сибири, так и всего Советского Союза и всего земного шара. А совершенно несущественно, кому из бездомных ссыльных, без различия категорий преступления, до уголовных включительно, я оказывал гостеприимство и кому давал деньги (когда у меня бывали деньги, я их давал разным лицам – всем известно, что я жаден только на работу, а не на деньги)...

Томскому отделу ОГПУ известно, как чутко я всегда реагировал на всякие ненормальности в работе учреждений, чуть только появлялась какая-нибудь тень. В моем присутствии вредительство невозможно потому, что я работаю до тех пор, пока дело идет в соответствии с требованиями науки и техники, а в случае уклонения от них я сразу заявляю решительный протест. Будучи ссыльным, я не имел иного способа протеста, как подача ультимативных заявлений об уходе и о переходе на положение простого ссыльного в Нарымский край из Томска, ибо всегда знал, что высшие органы оценивают мою работу и всегда мне ее предоставят; такие заявления мне приходилось ежегодно подавать во время трех лет моей ссылки. Мой жизненный опыт отнюдь не разочаровал меня в том, что всегда найдутся авторитетные представители власти, которые хотя и с опозданием, но изменят принятые в отношении меня несправедливые решения. А если на этот раз мне не избежать сидения в тюрьме, то в настоящее время я обладаю столькими актуальными темами, что я, поскольку позволяют силы и здоровье, не проведу этого времени без пользы и дам рукописи, для которых у ОГИЗа всегда найдется бумага. Моя научная работа, давшая мне известность среди работников в этой области, была написана в Челябинском политическом изоляторе. Поэтому меня можно голословно обвинять в чем угодно, но одного положения никто еще не брался оспаривать, – что мой безупречный стаж советского специалиста не прерывался за время моего пребывания в тюрьмах; он не прервется и в будущем – были бы здоровье и силы. В какую бы часть нашего великого Союза меня ни услали, везде найду

актуальную тему для своих научных работ, еще более расширю свой кругозор и получу материал для решения вопросов мирового масштаба. Когда в 1925 году меня увезли из Москвы и оторвали от большого геохимического лабораторного исследования, то я думал, что вместе с его гибелью погибло и дело моей жизни. Но в Нарымском крае, находящемся в среднем течении крупнейшей реки самого большого из материков нашей планеты, в центре равнин умеренного пояса, я получил объект исследования, давший мне возможность делать построения мирового масштаба. Своими работами я сумел доказать, что многие построения западноевропейских ученых отдают провинциализмом, ибо науку о земле надо строить не на основании изучения окраин материка, не с его атлантических, балтийских и средиземноморских побережий и не с Альп, а с его центра. Быть может, в моем последнем аресте есть свой смысл – привезли меня в Сибирь этапным порядком, четыре года я в ней проработал столь успешно, что не подлежит сомнению факт, что в области изучения послетретичной геологии Западная Сибирь не только догнала Европу и Америку, но и перегнала их (см. в деле отзывает Академии наук СССР), и тем же порядком повезут дальше. Я лично от этого мало что потеряю (прежде всего, часть здоровья, нужного и науке СССР), а что я выиграю, то против этого спорить нельзя – были бы силы и здоровье для работы. А Западная Сибирь потеряет многое...

...Если судить по ст. уполномоченному СО Тарасову, то в органах ОГПУ обо мне существует совершенно превратное представление. Но, конечно, одним Тарасовым ОГПУ не исчерпывается, и потому я Вас прошу указать начальнику ТООГПУ на необходимость взять мое дело у него, ибо он ведет его как агент уголовного розыска уездного масштаба, ничего больше в жизни не выдавший, и передать его другому уполномоченному, который не будет писать неправдоподобных обвинений и не подойдет с трафаретом и чужими мерками к человеку, который ломает в мировой науке гипотезы и ниспровергает поддерживающие их авторитеты и у которого в жизни есть одно дело – искание научной истины, неотделимой от требований практической жизни. Налагаемые на меня наказания в конечном счете нужны только врагам советской власти, которые, столь же мало понимая в моей биографии, как и гр-н Тарасов, будут говорить – смотрите, вот, мол, как он страдал в Сибири и т.п., в то время как я все время работал, получая нравственное удовлетворение, и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня

не забудет. Я всегда заявлял, что подлинная естественно-научная мысль фактически существует прежде всего в СССР и что я лично, несмотря на ряд несправедливостей и неприятностей, в своих научных исследованиях встречал от представителей власти ту или иную поддержку во всех условиях, даже в Челябинском изоляторе, когда некоторым лицам не удалось задержать моих научных работ больше чем на год. Эти факты прошлого помогают мне переносить временные невзгоды и внушают мне уверенность, что в конечном счете я буду оправдан как полезный гражданин Советского Союза.

Свою книгу И.Р. Ильин завершил стихотворением Бориса Лихарева, которое, по его мнению, имеет все основания быть отнесенным к Р.С. Ильину. Вот оно.

Есть в мире прекрасные люди,
Есть люди всевластной мечты.
И путь их особенно труден,
Особенно резки черты.

Сжигаемы жаждой сердечной,
Влюбленные в ясную высь,
От прелестей жизни беспечной
С презрением они отреклись.

Над ними не властвуют страхи,
Идут они, сердцем щедры,
На все эшафоты и плахи,
На всех испытаний костры.

Есть люди с душою атлантов,
Есть люди нелегкой судьбы...
И меркнет фантазия Данте
Перед яростной правдой борьбы.

1960 г.

Жилплощадь для истории

Нынешний год – юбилейный для Сургутского архива, год 70-летия. Сохранилась выписка из приказа № 81 по Сургутскому райисполкому от 15 сентября 1937 года, второй параграф которого гласит: «С 16 сентября сего года на должность архивариуса райисполкома назначен тов. Игнатов Василий Федорович...». Приказ подписал секретарь РИКа И. Булатов.

Первое время архив размещался в здании райисполкома, затем в небольшом деревянном доме на углу улиц Красноармейской и Просвещения. Старожилы города помнят тот домик и заведовавшую архивом в первые послевоенные годы Елену Тихоновну Самарину.

Работать в то время было нелегко. Не хватало не только опыта сбора и обработки документов, но и средств на содержание помещения, зимой в нем почти всегда было холодно. В отчете за 1949-1950 гг. начальник Сургутского райотдела милиции Коденкин и заведующая архивом Долгушина писали: «Помещение... ни в коей мере не удовлетворяет условиям работы, стеллажей оборудовано совершенно недостаточно, в результате чего архивные документы хранятся кучей или просто на полу, что может привести к их порче». В таких условиях создавалась и накапливалась документальная база истории Сургутского района.

До 1968 года документы в архиве хранились временно и на постоянное хранение передавались в окружной или областной архивы. В настоящее время Сургутский архив – один из самых крупных в округе как по количеству хранимых документов, так и по объему работ. Если полвека назад в нем было около 2 тысяч единиц хранения, то в 1992 году – 22 тысячи. За последние 15 лет фонд увеличился вдвое, и теперь у нас 42 тысячи дел постоянного, вечного хранения.

Большую ценность представляют метрические книги Градо-Сургутской Троицкой и Юганской Богоявленской церквей за 1863-1916

годы. В них содержатся сведения о родившихся, заключивших браки, умерших. Книги хорошо сохранились. В 1992 году Тобольский государственный архив возвратил Сургуту ряд ценных документов первых десятилетий XX века: фонды Сургутского ревкома (1919-1921 гг.), 369-й отдельной Сургутской роты особого назначения (1921-1923 гг.), милиции, земельного отдела, отдела народного образования, продовольственного комитета и многое другое. Подробности жизни района в последующие годы отражены в протоколах заседаний райисполкома и горисполкома, из них можно узнать, к примеру, об образовании колхозов, размещении спецпереселенцев, работе рыбоконсервной фабрики. Современный период представлен документами предприятий и организаций как города, так и района, местных администраций. Есть у нас и несколько личных фондов известных в городе людей: П.А. Мунарева, Ф.Я. Показаньева, И.П. Захарова и других. Около 2000 единиц хранения в фонде фотодокументов.

С 1992 года мы начали принимать на хранение документы ликвидированных в ходе приватизации предприятий и организаций. Первые документы поступили от треста «Сургутнефтегазэлектромонтаж» с двенадцатью его подразделениями. За минувшие годы архив пополнился 55948 делами по личному составу, объединенными в 377 фондов и коллекций. Эти документы широко востребованы, т.к. служат основанием для исполнения социально-правовых запросов граждан и организаций.

Социальное значение архива с начала 90-х годов сильно возросло. Если в 1992 году к нам поступило всего 480 запросов, то в 2006 мы выдали около 10 тысяч справок. Это связано прежде всего с принятием нового пенсионного законодательства, а также и со многими другими переменами в российской жизни.

С людьми работать и сложно, и интересно. За годы моей работы жалоб на нас не было. Не всегда мы удовлетворяем запросы, но это из-за того, что не сохранились документы. Одни руководители понимают значение архивного дела на своих предприятиях, и оно поставлено хорошо. Другие считают его третьестепенным, от этого потом страдают люди. К примеру, не переданы архиву документы автобазы геологов. По 20 лет некоторые отработали, а подтвердить этого не могут. Ведь всякое в жизни случается: может пропасть трудовая книжка, другие документы. Но и в этих случаях стараемся помочь хотя бы советом найти свидетелей, обратиться за подтверждением стажа в суд и т.д. Письменные

запросы к нам приходят и из Украины, Белоруссии, Германии, Болгарии, стран Прибалтики. Архив муниципальный, существует на деньги налогоплательщиков – значит, мы обязаны обслуживать население.

В связи с тем, что мы принимаем документы по личному составу ликвидированных организаций, мы в настоящее время ведем лишь ограниченный плановый прием документов постоянного срока хранения – от администраций города и района, сельских поселений. К ним тоже часто обращаются. От акционерных обществ документов пока не принимаем. В соответствии с принятым в 2004 году новым законом об архивном деле в Российской Федерации мы будем составлять новый список источников комплектования. Он станет меньше, т.к. по закону о местном самоуправлении архивы местных органов власти должны работать только с муниципальными предприятиями и учреждениями. С акционерными обществами разрешается работа по договорам, но мы пока для этого не имеем возможности: нет помещения. При этом очевидно, что если в архиве перестанут откладываться дела Сургутнефтегаза, Сургутгазпрома, Тюменьэнерго, ГРЭС, железной дороги, авиапредприятия, других ведущих городских и районных предприятий, мы очень обедним документальную базу не только сургутской, но и всей отечественной истории. Мы подготовили свои рекомендации и будем просить администрацию города утвердить расширенный список источников комплектования.

Неясно также, как мы будем работать с государственными организациями, подчиненными либо прямо Российской Федерации, либо субъекту Федерации и действующими на нашей территории. Пока мы не наделены полномочиями работать с ними. Прежде в нашем списке источников комплектования была 21 такая организация (суд, прокуратура, налоговая инспекция, университет, нефтяной техникум, центр занятости...). Продолжится ли эта работа – вопрос открытый. На наш взгляд, сведения о деятельности этих организаций мы должны хранить. По-видимому, этот вопрос возникает повсеместно в России, и законодатели должны дать на него ответ.

Коллектив у нас стабильный, в последние 3-4 года никто не уходил. С населением работают опытные сотрудники Ирина Васильевна Анисимова, Наталья Сергеевна Долгополова и их молодые помощницы, пришедшие недавно. С документами постоянного срока хранения – нна Николаевна Кобылкина, Алиса Викторовна Татаренко и Анастасия

Александровна Кайдалова. Они занимаются сбором документов, комплектованием дел и фондов, составлением описей.

У нас уже несколько лет проходят практику студенты-историки университета, и в нынешнем году впервые принимали студентов педагогического университета. Несмотря на тесноту помещения, находим для них место. И они нам тоже помогают: участвуют в составлении справок, приводят в порядок ветхие от старости дела. Постепенно они знакомятся с фондами архива, учатся работать с источниками.

В связи с тем, что приток исследователей с каждым годом увеличивается, сотрудница архива А.А. Кайдалова, историк, выпускница Сургутского университета, с недавнего времени специализируется на использовании документов. Это не только работа с исследователями. Мы устраиваем выставки документов, подбираем документы для книг, которые издает управление по делам архивов округа, много готовим тематических справок. При поиске и сборе документов сотрудничаем с библиотеками, музеями, в том числе и школьными.

Самое главное, что затрудняет работу архива, – это теснота. Несколько лет назад сложилось совсем критическое положение: некуда стало принимать документы. Тогда к помещению, которые мы занимаем на первом этаже пятиэтажного жилого дома по улице Магистральной, нам добавили ещё два небольших – на улицах Мира и Декабристов. Там тоже уже становится тесно. Из-за этого приходится ограничивать прием документов на хранение. Так, мы пока не комплектуемся научно-техническими документами, хотя знаем, что в бывшей головной проектной организации Сургута ЛенЗНИИЭПе лежит около 200 единиц хранения, и эта документация востребована. Другие примеры я привела выше. Единственный выход – строить, наконец, отдельное здание для архива. Есть проект – хорошее шестиэтажное здание с просторным хранилищем на 600 тысяч дел, рассчитанным на пополнение в течение полувека. Выделено место в микрорайоне 20а. Все упирается в деньги. Нам обещал поддержку депутат городской думы И.В. Ярош. Мы очень надеемся и на помощь Думы автономного округа. Архив нужен и нынешнему, и будущим поколениям, это то учреждение, без которого Сургуту не обойтись. Да и не только Сургуту.

*Надежда Наумова,
директор Сургутского городского архива*

15 лет югорского книгоиздания

Начало собственного книгоиздания в округе мы связываем с учреждением в Сургуте в 1991 году акционерного издательского концерна «Северный дом». До этого на базе местных типографий изредка выпускались небольшие брошюры. Первое такое издание появилось в Березове в 1924 году, это был «Сборник воспоминаний о гражданской войне». Заметным явлением местной культуры была книга П.К. Животикова «Хантыйский язык», изданная в Ханты-Мансийске в 1942 г., – единственное издание того времени в твердом переплете. Изредка книги об округе выпускали региональные издательства – Свердловское, затем Омское. С середины 1960-х годов, когда у нас стала быстро развиваться нефтяная отрасль, книг для округа стало издаваться больше, в основном в Средне-Уральском книжном издательстве.

Одновременно с появлением «Северного дома» в округе начали создаваться полиграфические предприятия, оснащенные техникой для производства книг. К началу нового тысячелетия в округе насчитывается уже около пятидесяти издательств и издающих организаций (это те издательства, чьи книги попадают в фонд Государственной библиотеки Югры).

Вслед за «Северным домом», к заслугам которого мы должны отнести, к примеру, переиздание «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова, появились издательства Нижневартовского педагогического института и Сургутского государственного университета, выпускающие учебную и научную литературу. В число пионеров местного книгоиздания вошли и окружной экологический фонд (сейчас Департамент охраны окружающей среды и экологической безопасности), Институт возрождения обско-угорских народов (ныне Обско-угорский институт прикладных исследований и

разработок), в тесном сотрудничестве с Томским государственным университетом активно издающий труды местных исследователей по языку, этнографии, экономике хантов и манси и переиздавший ряд работ зарубежных исследователей XIX века (Алквиста, Карьялайнена, Сирелиуса и др.). Нельзя не упомянуть осуществляемое институтом продолжающееся издание «Народы Северо-Западной Сибири». Необходимо сказать и о деятельности окружного комитета по средствам массовой информации и полиграфии (ныне – Департамент информационной политики), участвовавшего в создании энциклопедии «Югория» и некоторых других изданий и выпускающего литературно-художественный альманах писателей Югры «Эринтур».

Имеет все основания причислить себя к кругу издающих организаций и Государственная библиотека Югры, нашедшая свою нишу в книгоиздании. Главное, что мы делаем, – создаем региональную библиографию, которой до появления в библиотеке в 1991 году отдела краеведческой литературы и библиографии не существовало. Кроме того, выпускаем краеведческую литературу. Первым было издание в 1995-96 гг. репринтным способом трехтомного труда А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север». При финансовой поддержке окружного экологического фонда издание было выпущено пятитысячным тиражом! Больше таких тиражей не было! В сотрудничестве с тюменским издателем Ю.Л. Мандрикой мы переиздали целую серию трудов о Тобольском Севере, написанных в XIX в., по его предложению названную «Югорский репринт». С 2006 года по нашему заказу в издательстве «Баско» (г. Екатеринбург) начат новый проект: «Электронная библиотека». Это издание книг репринтным способом, но на электронном носителе.

Библиотеки округа также участвуют в издательском процессе. Ими издаются библиографические пособия о городах, краеведческие календари, материалы краеведческих чтений, конференций и т.д. Издательская деятельность библиотек округа может стать темой отдельной публикации.

Государственная библиотека Югры, являющаяся центральной библиотекой в округе, взяла на себя миссию обеспечения полноты краеведческого документального фонда, этому способствует принятый Думой округа закон «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов», согласно которому мы должны получать, регистрировать и хранить все, что издается в округе. Начиная с 1998 года, мы ежегодно

регистрируем более 300 новых книг (в отдельные годы более 400) наших авторов и о нашем крае, но издается, конечно, больше, многое до нас просто не доходит. С рядом издателей у библиотеки сложились хорошие деловые отношения, например, с издательством «Полиграфист» (г. Ханты-Мансийск), Сургутским государственным университетом, частным издательством фотохудожника Г.Н. Корченкина «Диорит» (г. Сургут) и др., которые присылают нам все, что издают. Некоторые авторы сами дарят библиотеке свои новые книги. К сожалению, так поступают далеко не все, не осознавая, что книга, поступившая в библиотеку, обретает известность, начинает жить и приносить пользу.

Сегодня читатель живет в совершенно иной, более богатой информационной среде. Еще в начале 1990-х годов за необходимой книгой приходилось ехать в Тобольск, Тюмень, Екатеринбург, Томск, Омск. Теперь стали доступными бывшие библиографические редкости. Выпущено много новых книг, пользующихся широким спросом, среди них – энциклопедия «Югория», учебный комплекс по истории Ханты-Мансийского автономного округа (учебник «История Ханты-Мансийского автономного округа с древнейших времен до наших дней», «Очерки истории Югры», хрестоматия), «Красная книга Югры», альманахи «Эринтур», «Подорожник»... Приезжающие в округ исследователи из других городов и стран бывают приятно удивлены нашим книжным богатством и получают важную для них информацию уже в нашей библиотеке.

За минувшие 15 лет книгоиздание в Ханты-Мансийском автономном округе утвердилось, обрело свое место в общественной жизни. Там, где возникает потребность в той или иной книге, находятся средства для ее удовлетворения. И этот процесс не должен останавливаться, в округе достаточно творческих сил для создания и научных трудов, и художественных произведений, и учебных, справочных и библиографических пособий, требующих публикации. Но встречаются некоторые препятствия, тормозящие нормальное продолжение и развитие книгоиздания. Выпуск книг осложнился после вступления в силу закона № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Что происходит на практике? Деньги на издание книги запланированы, но кто их получит, решает конкурс. А получит их то издательство, которое запросит наименьшую сумму, т.е. в результате средств на

издание оказывается меньше, чем было запланировано. И начинается поиск возможностей удешевления производства книги: за счет сокращения текста, тиража, уменьшения или исключения из сметы расходов на авторский гонорар или еще чего-то. В итоге – и издательству мало радости от победы в конкурсе, и издающей организации, т.к. конкурс разрушил продолжавшееся не один год сотрудничество с прежними издателями. Когда мы работали совместно с издательством Ю. Мандрики над серией «Югорский репринт», то могли быть уверены, что в книге будет хорошее предисловие, издатель сам найдет компетентного автора. В нынешних условиях на это рассчитывать уже не приходится. Еще причина, которая дает основание сетовать на действие этого закона: затягивается процесс издания, т.к. от момента котировок до получения издательством денег проходит немало времени. В результате в нынешнем году библиотека впервые за всю историю выпуска «Краеведческого календаря» получила его не к началу года, а только в марте. Интерес к изданию от этого падает, труд составителей пропадает, и желание что-то создавать угасает, т.к. творческий процесс приравнен к торговле и обслуживанию и создатель книги уподоблен механизму, который можно подключить к чему угодно. И какой же это конкурс, если результат предопределен самими условиями? И еще – выбирает его участников отнюдь не тот, кто издает книгу.

*Татьяна Пуртова,
зав. отделом краеведческой литературы
и библиографии*

ЮБИЛЕЙ

«Всегда Ваша...»:

заметки по поводу юбилея Марии Мадьяровой

Служба...

В первой когорте немногих имен, определивших сегодняшний день библиотечного дела Югры и окружной библиотеки, – Мадьярова Мария Николаевна. Библиотечной отрасли отдано 42 года, Государственной библиотеке Югры – 36 лет. А, как известно, то, что отдано, возвращается сторицей. К Марии Николаевне возвращается любовью и признательностью коллег, читателей, родных. С большой любовью и признательностью мы посвящаем эти объективные и субъективные заметки ее юбилею.

Родилась 13 августа 1947 года в маленькой деревне Ракша Тамбовской области. В большой по нынешним меркам семье Николая Гавриловича и Елены Ивановны Хариных было четверо детей. В 17 лет окончила Моршанский библиотечный техникум, работала в сельских библиотеках Кемеровской и Тамбовской областей. В Ханты-Мансийск приехала в 1971 г. работать в окружной библиотеке. С первого дня – на участках обслуживания читателей, с 1994 г. работает заместителем директора по работе с читателями.

Мария Николаевна хорошо известна среди горожан как человек неравнодушный, принимает активное участие в общественной жизни города, окружных мероприятиях, налаживает связи библиотеки с учреждениями города, округа. Издательская, рекламно-массовая работа библиотеки, связи с общественностью – направления, которые развиваются под ее руководством и при ее непосредственном участии. Мария Николаевна руководит разработкой рекламно-маркетинговых акций, исследований. Возглавляет редакционно-издательский совет библиоте-

ки, участвует в формировании её издательской политики, редактирует издания библиотеки. При ее непосредственном участии появилось одно из первых в библиотечной отрасли округа изданий, посвященных истории библиотек, – «Жизнь моя – библиотека» (2002 г.).

По ее инициативе и под ее руководством в последние годы в библиотеке начала развиваться работа с приоритетными группами пользователей (инвалиды, пожилые), пропаганда и продвижение чтения, открылся надомный абонемент, заключены партнерские соглашения с окружными отделениями Всероссийских обществ инвалидов, слепых.

Под руководством Марии Николаевны библиотека разработала программу по продвижению чтения, организует конкурсы среди читателей, реализует литературно-художественные проекты («Читаем с Г. Райшевым», 2006 и др.), проводит социологические исследования («Изучение информационных потребностей жителей г. Ханты-Мансийска», 2004; «Интерес к книге и чтению», 2005). Мария Николаевна помогает вести на утреннем канале телерадиокомпании «Югра» рубрику «PRO чтение», представляющую новинки литературы, с 1981 года бесценно руководит библиотечным клубом «Литературные встречи».

М.Н. Мадьярова – организатор профориентационной работы в межшкольном учебно-производственном комбинате города по специальности «менеджер культуры». Читает курс «Информационная культура личности как средство познания мира» в 2-х группах старшеклассников. В профориентационном клубе «Ориентир» ежегодно представляет старшеклассникам профессию библиотекаря.

Активно стало развиваться направление работы «Библиотека – центр культуры», в рамках которого организуются художественные экспозиции («Фотографика. Анима», «Россия. АРТ Югра»), персональные выставки, фотовыставки при ее непосредственном участии.

Мария Николаевна формирует имидж библиотечной профессии, участвует в разработке отраслевой законодательной базы автономного округа. При ее участии проходили централизация библиотек округа, формирование краеведческих отделов муниципальных библиотек. По вопросам обслуживания пользователей библиотек в округе не найти более авторитетного специалиста. Темы ее постоянного профессионального внимания: литературный процесс, массовая и индивидуальная работа с пользователями библиотек, краеведение, роль и место библиотеки в современном культурном пространстве.

Большую организаторскую роль сыграла Мария Николаевна в проведении в округе совместно с Российской библиотечной ассоциацией IV форума публичных библиотек «Библиокараван» (19-24.09.05 г.): в формировании профессиональной программы, организации мероприятий, профессиональном общении. В рамках форума организовала и провела конференцию «Библиотека. Литература. Книгоиздание», участниками которой стали библиотекари и издатели страны. Проведенный в округе «Библиокараван» получил высокую оценку в профессиональной библиотечной среде.

За заслуги в области культуры и многолетнюю плодотворную работу в 1992 году ей присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», награждена значком Министерства культуры СССР «За отличную работу», медалью «Ветеран труда», юбилейной медалью «Маршал Советского Союза Жуков», Благодарственным письмом Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Почетной грамотой Думы автономного округа и другими наградами.

Л. Анисимова

... и нечто большее

Сегодня, в эпоху пристального внимания к людям публичных профессий – актерам, певцам и политикам, причем внимания специфического – к адюльтеру, «гламурному фантику», нечасто столкнешься с публичностью другого рода, происходящей от Личности и Дела, которым она занимается. Такой публичностью, думается нам, отличается Мария Николаевна Мадьярова, библиотекарь, и очень кстати вспомнить, что библиотеки прежде и назывались публичными.

Ее публичность основана на признании в профессии и популярности среди публики. Добавим, что популярность не того порядка, когда показывают пальцем и шепчут: «Вон идет!»; всем непременно хочется подойти и хотя бы поздороваться, еще лучше переброситься парой слов, необязательно о книгах. Если изначально популярность Марии Николаевны была сугубо профессиональной (библиотека – место, как и роддом, «где побывали мы все, наверное...»), то в дальнейшем срывает фактор Личности. Подкупает неизменная доброжелательность, открытость, внимание и симпатия, тепло. Если Мария Николаевна общается с читателем, то этот читатель, безусловно, – Его Величество; если с коллегой, то это – Союзник и Соавтор.

То и те, кого Мария Николаевна любит, становятся известными и любимыми всеми: маленькая деревня с поэтическим названием Ракша, где она родилась; ее мама Елена Ивановна; сестра Татьяна.

Как руководителю, ей не свойственна жесткая административная манера, многим приходится учиться работать на условиях доверия и взаимного уважения. Начало ее трудовой деятельности пришлось на время, когда господствовала командно-административная система управления, поэтому страх перед посещением руководства или коллективным собранием, которое перерастает в коллективные разборки, ей хорошо знакомы. Не всякий имеет мужество, испытав на себе давление, не перенести его потом на зависимых от тебя людей. И, к сожалению, не у всех хватает понимания, что это не слабость, а сила характера. Кстати, в одной из сохранившихся в архиве библиотеки анкет (1994 г.) Мария Николаевна пишет, что ей больше всего не нравится в людях «бестактность, бесцеремонность и неумение поставить себя на место другого». Именно стремление понять каждого часто в жизни Марии Николаевны играет плохую роль, и ей приходится жертвовать собственным временем, чтобы снова и снова выручить кого-то, обратившегося за помощью. Некоторые, поняв специфику характера, спекулируют ее неспособностью отказать.

А теперь о признании и призвании профессиональном, недаром они так созвучны. Мария Николаевна вспоминает, что ее папа был бухгалтером, причем талантливым, к которому часто обращались его коллеги за помощью. Главную роль в том, что она бухгалтером не стала, сыграло то обстоятельство, что в Моршанске – районном центре Тамбовской област – был библиотечный техникум и в этом же городке учился брат.

Кстати будет сказать о некоторых интересных совпадениях в биографии Марии Николаевны: есть версия, что название Моршанска – финно-угорского происхождения, а уж ее фамилия, доставшаяся ей от мужа Анвара Ахметовича, говорит сама за себя. Поэтому то обстоятельство, что, поработав в библиотеках Кемеровской и Тамбовской областей, она приехала в Ханты-Мансийск, – знак Судьбы!

Признание профессиональное в меньшей степени выражается в регалиях и количестве почетных грамот (хотя, надо сказать, их немало), в большей – в том, с каким уважением о ней отзываются коллеги из округа. Да что округа – редко когда, приехав из командировки в любой город России, не привезешь Марии Николаевне привета от коллег. Кто бы ни

был «у руля» окружной библиотеки (а наша героиня может констатировать, что работала под руководством 4 директоров), стабильность библиотеке во многом придает ее бессменная работа на протяжении 36 лет.

Мария Николаевна представляет собой образ классического, хочется сказать, «настоящего» библиотекаря, что означает – человека читающего. Клуб «Литературные встречи», созданный в 1981 г. при библиотеке по настоянию Нины Викторовны Лангенбах, работает вот уже 25 лет. Это фантастическое «долгожительство» во многом объясняется притяжением личности ее руководителя, и, с другой стороны, обязанность ежемесячно проводить заседания стимулирует чтение. Поэтому редкое недовольство Марии Николаевны тем, как прошло обсуждение на заседании клуба, компенсируется радостью общения с людьми читающими. В вышедшем к 25-летию юбилею клуба буклете «10 любимых книг» она пишет о своих любимых авторах и книгах (думаю, человека ярко характеризует не только то, с кем он дружит, но и то, что читает) – Николай Гумилев, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Медея и ее дети» Людмилы Улицкой, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Нетерпение сердца» Стефана Цвейга и др. Думаю, не надо быть профессиональным психологом, чтобы понять по этому набору имен и произведений, что Мария Николаевна – романтик и жизнелюб!

Как человек читающий, она хороший рассказчик и замечательно владеет словом. Был период, когда творческая интеллигенция видела ведущей своих творческих вечеров и автором предисловий к своим книгам только Марию Николаевну.

Еще к ее облику стоит добавить такую важную характеристику – авантюризм, который сама героиня любит подчеркивать, а, с нашей точки зрения, увлеченность. В чем это выражается? В первую очередь – в поступках (приехала работать на Тюменский Север, зная о нем ровно то, что ей рассказала подруга Валя, кстати, вернувшись назад через год); потом – в пристрастиях, среди которых – любовь к российскому, иначе говоря, блатному шансону. Особая любовь у Марии Николаевны – к ярким, своеобразным людям, которых она и сама притягивает. Благодаря Марии Николаевне, в библиотеке побывали известные современные писатели – В. Попов, Т. Кибиров, А. Битов, в рекламных афишах объявленные библиотекой «анархистами» и «вольнодумцами».

Наблюдательность, любовь к ярким и емким выражениям и словечкам положили начало ее собранию читательских и житейских анекдотов и словарю ракшинских диалектных слов. Если не знаете, что такое «атымалка», спросите у Марии Николаевны.

Как человек рефлексирующий, она задает себе много вопросов, поэтому в литературе ее привлекает «не столько «ЧТО» (содержание), сколько «КАК», а в жизни – не «ЗА ЧТО МНЕ ЭТО», а «ДЛЯ ЧЕГО».

Может быть, кого-то покорило слово «публичность» по отношению к Марии Николаевне. Доказать, что она человек публичный, достаточно легко. Во-первых, публичность предполагает наличие позиции и идеи, которые человек несет людям. «Всегда Ваша ...» – это о Марии Николаевне. Во-вторых, подражают тем, кто добился успеха и стал публичным человеком. Под влиянием ее личности наверняка кто-нибудь выбрал профессию библиотекаря или стал терпимее к людям, ... или просто прочитал «Маленького принца».

Светлана Волженина

М.Н. Мадьярова

ПУТЕШЕСТВИЯ

Год среди лесного народа

Из путевого дневника Р.П. Митусовой

На самоедском кладбище¹

Вторую неделю мы едем на лодке по р. Аган. В третий раз обращаюсь к проводнику – Ивану Михайловичу.

– Покажите мне остяцкое мольбище!

В ответ на мой вопрос Иван Михайлович напевает: «Женщина да убоится во святое-святых самоедское пойти». Отвечаю:

– Ничего, я в штанах! – Спутники посмотрели на мои шаровары и сапоги, и все трое захохотали.

– Урэй, – показывая на залив реки, затерявшийся в кустарниках, сказал Иван Михайлович и тише прибавил: – Здесь...

Все замолчали. Лодка врезалась прямо в кусты ивняка и с трудом стала продвигаться дальше по незаметному узенькому проходу среди ив. Наконец лодка остановилась у топкого берега. Рабочие выскакивают, подтаскивают. Оглядываюсь. Сзади стена ивняка, реки не видно, кругом – болотце. Впереди и сбоку высокий берег полого поднимается и зеленеет сосновым бором. Где-то вдаль загредел гром. Захаров и Ефим молчат. Иван Михайлович насупился, пошел вперед с веслом, мы гуськом за ним.

– Старайтесь ступать след в след, – рекомендует Иван Михайлович. Подходим к лесу. Гроза надвигается. Остановились. Я смотрю на небо и уверенно говорю:

– Пройдет мимо! – Но рабочие молчат. Решительно повертываюсь к Ивану Михайловичу.

¹ Дневник опубликован в 1929 году в №№ 9, 11, 12, 14 и 15 журнала «Вокруг света».

– Идите, я за вами. – И мы снова молча двигаемся по чуть заметной тропинке.

– Вот! – указывает Иван Михайлович. – Только осторожней, нет ли где каких ловушек, иногда сторожевые луки ставят от посторонних.

– Но здесь нет амбарника! – разочарованно говорю я и рыскаю по мольбищу. Кругом на большой поляне разбросаны рога и кости оленя. На деревьях висят черепа рыси, зайцев, лисиц, росомах. Продырявленные котлы, чайники, различная домашняя утварь, куски материй и разорванные новые платки – все принесено в жертву. По верованию остяков и самоедов, все принесенное ими в жертву в сломанном и убитом виде там, у «богов», принимает свой первоначальный вид. Сюда зимой приезжают самоеды, а тайком и остяки. Самоеды приносят жертвы «Аган-Пуше», остяки – «Вон-Ими», что значит по-остяцки – покровительнице реки Аган. Во время обхода мольбища наткнулись на остатки костра, на разрушенный столик.

Рабочие стоят на месте и не двигаются. Ни шкур, ни рогов, ничего взять нельзя, – увидят остяки или самоеды! Вдруг – вот счастье! – замечаю на поляне небольшое деревянное изображение человека с головой выдры, завернутое в ситцевые лоскуты. Это и есть «Вон-Ими» или «Аган-Пуша».

– Ну, уж это я возьму непременно! – кричу я, торопливо поднимаю божество и прячу его. Гремит гром, лес дрогнул, но дождя нет. Иван Михайлович сердито кричит:

– Идите, пора уж! – Идем назад, рабочие испуганно смотрят по сторонам, идут впереди, за ними я, осторожно, стараюсь попасть им след в след, что в русских сапогах довольно трудно.

Оглядываюсь назад. За мной последним идет Иван Михайлович и тщательно замечает веслом наши следы.

Прежде чем выехать, осматривают реку, нет ли где остяков. Все спокойно, и мы благополучно едем. Гроза действительно прошла мимо, и вскоре рабочие развеселились. Один Иван Михайлович угрюм.

– А где ваша трубка? – спрашиваю его.

– Потерял на мольбище, – отвечает он. Сильно подозреваю, что он не потерял ее, и смеюсь:

– Сознайтесь, что нарочно оставили ее, а еще русский! Ну, пусть она останется нашей жертвой «Вон-Ими», вам я подарю новую. Тогда он подтверждает, что действительно оставил ее нарочно, как жертву...

Богиню я еще раз внимательно рассматриваю и затем прячу по-дальше – до Ленинграда!..

Но когда попаду в него – неизвестно! Уже два месяца, как уехала, и все не отделалась от грусти по родным. Еду к осяткам и самоедам на целый год. Это «экспедиция», хоть и одна еду. Заданий много: и коллекции для Русского музея надо собрать, и бюджеты инородцев для Уральской области, и по антропологии работа, – все надо.

Прощайте, русские...

«У попа восемь коров,

У дьякона девята...»

– Закуривай, ребята, – сказал Захаров и сложил весла. Ефим за ним. Лодка тихо плыла только по течению.

Аган здесь значительно уже. Едем у высокого берега, где дремучий лес стеной стоит и в небо «впивается». И тень от него до нас доходит. Солнце вот-вот сядет. Легкий ветер отгоняет комаров. Тепло.

Когда все кончили курить, я обратилась к Захарову:

– Ну, пора и ночлег выбирать.

Рабочие дружно взялись за весла, лодка дрогнула и стрелой понеслась вперед.

Место для ночлега выбрали на славу: на опушке соснового бора.

– Где вы будете спать: в «теремке» или на берегу? – спросил Иван Михайлович. «Теремок» – так называли рабочие мою брезентовую «каюту» на лодке, где я спала в дождливую погоду.

– На берегу, конечно, вечер-то теплый, – ответила я.

Рабочие принялись разводять костер и готовить ужин, а я побежала на «песок» купаться, крикнув на ходу: – Ефим, срубите кедровых веток мне под постель и поставьте палки для полога, пожалуйста.

– И эхо ответило:

– ...луста...

Небо засветилось звездами, когда я возвратилась к костру. Какое удовольствие пробежаться по песку после дня пути в лодке! А купанье... Немножко холодно, да на бегу согреешься быстро.

– Водяного не видели? – приветствовали меня мои спутники.

– Увы, нет. Только с выдрой встретилась, – отвечаю я и присаживаюсь к огню.

Никогда не забыть мне этих часов у костра. Кругом глушь, тишина ночная да таинственные шорохи. Огонь весело потрескивает, все более

и более разгораясь. Хорошо, да только сегодня грустно немного: последняя ночь с русскими, последний костер с ними. Как-то с остяками?

...Солнце стояло довольно высоко, когда мы приехали к остяцкой юрте. Пообедали прекрасной ухой и «подоушкой»² из щуки. К вечеру мои спутники начали собираться в Сургут.

Сердечно простились. Расцеловались. Взаимно благодарили друг друга. Проводила их до берега. Как отъехали, начали они по остяцкому обычаю стрелять из ружей – последнее приветствие. Сжалось в горле, и крикнуть не могла «прощайте».

Скрылись... Повернула назад к юрте... Вот еще, еще стреляют. Затихло.

Одна! Неправда. Вот бежит «ауля», дочка остяка Антона, 11 лет, шустрая девочка. Приветливо улыбается. Иду устраиваться к себе в «лабаз» – «избушка на курьих ножках» на опушке дремучего смешанного леса. В юрте-то боюсь еще спать, там много блох, пока тепло – хочется обособиться.

Лабаз – это маленький амбарчик, лесенка приставная, столбы от мышей высокие. И чувствуешь себя в нем, как в неприступной крепости. Знакомлюсь с детьми. Особенно приглянулся мне хорошенький Андрейко, двух лет мальчишка, с лукавой, смеющейся рожицей.

Вдруг тревога – Антон едет с неводьбы. Хозяйка с «аулей» бросилась за большими коробами и к реке. Смотрю – и Андрейко, схватив берестяной коробок, бежит, торопится к реке. И я за ними с записной книжкой. Полную лодку, «неводник», привез Антон с двумя старшими сыновьями.

На берегу суэта. Чайки кричат, чуть на борт лодки не садятся, ждут и своей добычи. Почти вся мелкая рыбешка обратно в реку пускается – есть чем поживиться. Быстро сортируют рыбу. И Андрейко в коробок положил два больших окуня. С серьезным видом тащит малыш рыбу в «уотль», где происходит чистка и копчение рыбы. Несколько раз бегал взад и вперед и, наконец, устал, уселся около матери и ждет лакомых кусочков. А та уже чистит огромных, аршинных щук, умело сдирает с них кожу, режет на куски, и все тут же начинают есть сырьем, конечно. Андрейко получил кусок молоки, – я мигнуть не успела, как он его проглотил.

² Подоушка – щука, жаренная на огне.

За ужином и чаем у костра уже поздно вечером познакомилась и сдружилась со всеми.

Под утро буря разыгралась. Проснулась – деревья трещат, ветер воет, ветви березы задевают крышу моей избушки. Темно и холодно.

Сход

11-е сентября. На сход, назначенный мною, выехали мы ранним морозным утром. Всех нас в лодке – восемь мужчин и я.

Весь день придется ехать вниз по течению. До Реп-пугол, где назначен сход, – далеко. Выглянуло солнце, и красиво засеребрились на деревьях капли растаявшего инея.

Едем весело и быстро. Гребут молодые. Останавливаемся на обед. Меня угощают «чомохом» (копченой и подсушенной рыбой) и сырым оленьим мясом. От мяса отказываюсь, ем «чомох» и пью чай. Наконец подъехали к сосновому бору. До юрты Прокопия Сартанова надо еще верст пять идти пешком.

– Яран-мыр, Яран-мыр, – заговорили мои спутники, указывая на толпу самоедов человек в двадцать. Они – в суконных и оленьих малицах, краснощекие – без усов и бороды – резко отличаются от остяков, одетых в рубашки и штаны русского покроя.

Поздоровались. С любопытством оглядывают меня. Было уже пять часов дня. Дорогой учусь говорить по-самоедски, и все вместе смеемся.

Вот и юрта. Здравуемся. Садимся пить чай с белым хлебом, сахаром и конфетками. Собираются и остальные остяки и самоеды, всего около сорока человек. Юрта маленькая, без окон, около «сора» – болотистого озера. Душно. Сижу посреди юрты на чурбанчике. Все на нарах. Вдруг еще партия самоедов.

– Ой, кто это? – спрашиваю тихонько Василия Касамкина.

– Ярон-ко, Паята (самоед Паята), – отвечает он.

Молодой самоедик пугливо уставился на меня, а я на него. Представьте себе хромое, черное, грязное и всклокоченное существо, босиком, в закопченной, дырявой малице, с вытарашенными большими, но косо поставленными глазами. Оказывается, он никогда не видел русских. Сыплю ему конфеты и говорю:

– Ем,³ ем, Паята, – а сама немного побаиваюсь его. Все смеются, все заняты им. Развертывают конфеты и говорят, что это «сахар» и что

³ Ем – по-остяцки «хороший».

я – «гумо» (хорошая, добрая...). Когда чаепитие закончилось, встаю и говорю по-остяцки:

– Печа, печа, вуоля, канто-мыр, яран-мыр! (Здравствуйте, остяцкий народ, самоедский народ!)

Все встали и кланяются. Затем я объяснила на ломаном остяцком языке, что мне нужно увидеть всех лесных самоедов и всех остяков, у которых я еще не была, чтобы рассказать о них в далекой Москве (Ленинграда они не знают), и, сообщив им, что пробуду с ними зиму, просила продать мне теплую одежду...

Начались обсуждения, к кому мне сначала ехать. Долго спорили, долго говорили, не всегда понимая друг друга. Наконец решили, что со схода я прямо проеду к Вар-яунским самоедам, от них вернусь к остякам. Сговорились, что за теплую одежду я заплачу сукном. Когда я заявила, что буду жить вместе с самоедами в чумах, это вызвало общее одобрение.

Было уже два часа ночи, когда мы окончательно договорились. От напряжения я с трудом понимала русско-остяцко-самоедские фразы, и от духоты у меня отчаянно разболелась голова. И спать хотелось. Легла на хозяйскую постель – не тут-то было! Блохи просто жгли, да еще к утру огонь в чувале погас, стало холодно, и я так ни на минуту и не заснула. А на утро меня ждало путешествие на осеннее кочевье лесных самоедов...

С головной болью, усталая, искусанная блохами, я поднялась с нар и уселась греться у чувала. Постепенно поднимались самоеды и остяки, собирались к огню. Часть спала на улице в оленьей избе. Раздала остатки хлеба и сахара. Еще оставалась белая мука, и из нее остячки спешно стали готовить лепешки. Начались выборы самоедского старшины. Старый Илюко жаловался на болезнь, на отсутствие помощников (у него не было сыновей) и отказывался от обязанностей старшины. Я поддержала его отказ, он действительно был болен.

Остяки присутствовали все, но не вмешивались в разговор. Намечали кандидатов самоеды. Они наскоро переговорили друг с другом и, опустив глаза в землю, замолчали. Лохматые, в оленьих малицах сидели самоеды, скрестив ноги, на нарах. И вдруг все разом вскочили и заговорили:

– Кольчу, Кольчу! – Вывели на середину юрты молодого упирившегося самоеда. У него было энергичное худощавое лицо, упрямый выда-

ющийся подбородок. Молчит. К нему по очереди подходят самоеды и остяки, кланяются и жмут руку. Подхожу и я, тоже кланяюсь и подаю ему руку. Он пристально смотрит на меня, берет мою руку за мизинец, целует ее, повертывает, целует в ладонь: высший знак почтения у лесных самоедов...

Сели пить чай. По очереди пили – не хватало чашек. Затем ели рыбу. Принесли свежих щук – в один момент от них ничего не осталось. Затем стали жаловаться на разные болезни, особенно на болезни глаз. У меня были глазные капли с собой, и я учила их пускать капли в глаза. Они доверчиво клали голову мне на колени.

Несмотря на отчаянную головную боль, я была довольна результатом схода. Дружелюбные отношения, по-видимому, наладились.

Перед отъездом самоеды вели торговлю с остяками, меняли оленьи шкуры, взамен покупали у остяков рубашки, порох, дробь, берестяные коробки.

* * *

На осеннее кочевье к вар-яунским самоедам надо ехать не речкой, а прямыми путями, через озера и болота, в маленьких «обласках». До этого времени мне приходилось ездить лишь в лодках, и только два раза из любопытства садилась в эти «душегубки». Но обласки самоедов меня привели просто в восхищение. Маленькие, фунтов в 25 весом, тонкие, выдолбленные из кедра и потому крепкие, выкрашенные на носу и корме черной краской, – эти обласки поднимают только одного человека. Меня посадили в более крупный челнок.

Целой маленькой быстроходной флотилией в четырнадцать обласков мы двинулись по озерам. Кругом – низкие болотистые берега, кое-где кусты березки, уже тронутые золотом осени, и тьма уток. Вот берег. Быстро выпрыгнула. Я в недоумении. Самоеды жестами стали показывать, чтобы я шла, вернее, – прыгала за ними. Послушно перепрыгиваю с кочки на кочку, радуясь, что догадалась надеть легкие остяцкие «нюр-нюр» – сапоги из оленьей замши, как чулок, охватывающие ногу. Правда, они моментально промокли, но зато быстро и высохнут, а так комары не прокусывают сквозь кожу. Такая обувь удобна для ходьбы по местным болотам.

Снова озеро и снова езда на челноках. Самоедские челноки то вытянутся все в одну линию, то на широких местах окружают меня со всех сторон, защищая от порывов ветра, заботливо следя за движением лодки.

Дело в том, что в этих обласках сидеть нужно умеючи, одно неверное движение и очутишься в воде. От моей тяжести борт обласка только на два пальца возвышается над водой, а сидишь ведь на дне обласка, правда, на ивовых ветках и в брезентовом пальто, но все же сыро...

Снова берег и кочки. С удовольствием прыгаешь по ним, от сиденья в неподвижной позе на дне лодки ноги совсем затекли. Ехали мы таким образом около восьми часов и восемнадцать раз высаживались, и самоеды перетаскивали обласки на себе. Самоеды пили воду из старой жестяной банки по очереди. И мне захотелось пить, я попросила банку. Таращат на меня глаза, тщательно споласкивают банку и подают воду. Обычно русские очень брезгуют самоедами и не едят из их посуды.

Молча следят, как я пью, затем приветливо улыбаются, а двое приносят мне шесть уток, убитых дорогой.

Признаюсь, под конец пути я очень утомилась. Волнения схода, бессонная из-за насекомых ночь, утомительная, несмотря на свою оригинальность, езда... Я задремала в обласке и один раз чуть не вывалилась в воду.

Уже совсем вечером приехали мы к становищу.

Первый чум

На берегу озера среди безнадежного болота стоят три самоедских берестяных чума. Мне предложили поселиться в центральном чуме. Толстая хозяйка стоит в отверстии – «двери» и кивает мне, лопоча что-то по-своему. Оказывается, изготовили для меня своё лакомство – пресные лепешки на рыбьем жиру и без соли. Чтобы не обидеть хозяев, проглатываю несколько кусков. Точно рыбий жир приняла! Сажусь к костру поближе. Костер разложен посреди чума, но стряпают на другом костре, рядом с чумом. В дымовое отверстие падает дождь вперемежку со снегом, но это не мешает сухому кедру весело гореть. Я не умею сидеть на земле «по-турецки», – хозяева приготовили для меня чурбанчик. Но на высоком чурбанчике дым так разъел глаза, что писать было нельзя, и я вынуждена была усесться на шкуры.

Набился народ. Раздаю мелкие подарки: иголки, ленты, бусы, что осталось от схода. Шум, говор, смех. Подали вареных уток, ну, их можно есть и без соли. Разговор становится более серьезным. Вынули самоеды деньги; «царские» и «керенки». Жалуются, что их не берут у них ни остяки, ни русские. В 1918 году они вышли на ярмарку, продали

пушнину, получили эти деньги да малость хлеба и припасов, а теперь, оказывается, что деньги не настоящие. Объясняю им, как могу. Дала им рубли серебряные с пятиконечной звездой. Пробуют на зуб, понравились. Объясняю, что теперь торговля лучше, что в Сургуте есть много товаров. Двое самоедов бросили свои «керенки» в огонь, а остальные не решились. Они положат их своим богам вместо обещанных шкур: и шкуры целы останутся, и деньги не пропадут.

До позднего вечера сидели и разговаривали. С большим восхищением рассматриваются открытки с видами городов, зданий, трамваев. Невиданное все! Жадно слушают самоеда, который переводит им мою речь на остяцко-русский язык, усиленный жестами. Наконец расходимся. Семья из стариков, детей и внуков готовится на ночь. Разделись до пояса. Все женщины и мужчины в штанах из оленьей замши. Уселись вокруг костра, который так жарко горит... и тщательно обирают с себя насекомых и щелкают их зубами, но сейчас же выплевывают, не едят... Наконец кончили «работать», укладываются спать, завертываясь уже в теплые шубы: настали холодные ночи.

А я лежу и с тоской думаю о моей «избушке на курьих ножках» и чистоплотной остячке-хозяйке, которая хоть раз в день, да моет руки и лицо.

Медвежий праздник

Каким дворцом мне показалась остяцкая юрта, без окон и потолка, после самоедских чумов! Меня уже ждали. Хозяйка напекла хлебцев.

Переселились совсем в юрту, – ночи стали холодные и в амбарчике ветер гуляет. Нагрели воду, и я с наслаждением вымылась и переоделась. Старшие ребята притащили из лесу целый мешок кедровых шишек. Уселись мы все к чувалу, бросаем шишки в огонь, чтобы стекла смола, и щелкаем орехи, свежие кедровые орехи!

Наперебой рассказывают мне ребята последние события: как незадолго до моего приезда Никита поймал выдру-детеныша. Выдра золотится от огня чувала. Лежит она на маленьком столике. Нет-нет да кто-нибудь подойдет и погладит ее.

Входит Антон с двоюродным братом. Быстро-быстро говорят со стариками и хозяйкой. Оказывается, в верхней юрте попался медвежонок в «кулему» и убит, так там празднуют «пупе коль» – медвежий праздник.

Решили, что завтра с утра поедем все на праздник, еще успеем...

...Приехали в юрту к Петру уже к закату солнца, – дни-то короткие, осенние. Юрта большая, с двумя окнами сбоку. Передняя стенка, на которой висят шаманский бубен и икона, совсем глухая. Пока вытаскивают из лодки наши вещи, осматриваю юрту снаружи и хочу обойти ее кругом. Хозяин останавливает, а другой остяк, Ефрем, который немного говорит по-русски, поясняет мне:

– Ты хоть и русская, а все же баба. Стена священная – иконы висят, и женщине нельзя около них ни пройти снаружи, ни внутри...

Поместив вещи свои в лабазе, мы входим в юрту. Против двери у парадной стены на нарах лежит герой праздника – пупе – медведь. Голова медвежонка украшена бусами и сережками, вместо глаз вставлены блестящие пуговицы. Перед ним три берестяных кружки с рыбой и хлебом. Приехавшие со мной остячки кладут медведю по кольцу, я же сбоку положила махорки.

Народ все время прибывает. Разговоры о медведе. Оказывается, уже четвертый день празднуют. Наконец пришедшие рассаживаются. Женщины – налево у двери на нарах, мужчины – везде, где есть место. Вбегают быстро юноша, брызгает на всех водой, а Никиту-остяка обливает с головы до ног. Тот вскакивает, и начинается между ними борьба...

Петр-хозяин дергает колокольчик, привязанный слева от медведя, и поет песню – просит медведя проснуться! «Собирается, мол, много гостей, будут чтить медведя...» Только кончил, как в юрту влетел, подпрыгивая и танцуя, остяк с берестяной маской на голове. Длинный нос маски лихо торчит кверху. Останавливается перед «медведем», целует его в морду, берет две палки с полу у нар и начинает петь: про свою жизнь, про то, как он ходит на охоту, как ездит в обласке. Палки помогают ему, – они изображают то ружье, то лодку. Он садится на пол, скрестив ноги, и вставляет одну палку между ног, как бы изображая нос лодки, а другой палкой гребет... Кончает песнь свою припевом – «вот первую песню сегодня пропел я» и затем берет у старика, сидящего около медведя, четырехгранную палку и вырезает на ней значок, изображающий песню, которую он пропел...

И началось! Чего тут только не представляют! И русским досталось, как они прогнали остяков с родных угодьев и отчего рыбы мало стало; как русский купец приехал и хотел обмануть остяка, угощая его водкой, а тот водку-то выпил, «а купцу ничего не продал», – закончил певец под общий хохот присутствовавших.

Играют только мужчины, женщины лишь смотрят. Очень уж неприличны сцены, где мужчины изображают женщину, особенно пьяную! «Русская» ругань так и сыплется! Просто невозможно слушать и смотреть... Некоторые из остяков артистически проводили свои роли, изображая охотничьи или бытовые сцены, один седой остяк очень задушевно играл и на домре, и на «скрипке» самодельной работы. Пел он и былины старинные, – не поняла я их, – на старинном языке пел. Это был отдых от грубых сцен.

А виновник всего торжества – мишка – молча слушал, таинственно поблескивая своими «глазами»-пуговицами и другими украшениями. Не верилось, что все видишь наяву, но головная боль от духоты, жаркого огня, шума и криков дала почувствовать, что уже восемь часов с небольшим длится эта «игра»...

Постепенно стали расходиться, некоторые заснули тут же, и я ушла в другую юрту.

К самоедам

После медвежьего праздника я начала кочевать по остяцким юртам в вершине р. Агана. Редко возили меня в большой лодке, чаще в «обласках». Пока стояла «золотая осень», было приятно ездить в этих челноках по глухим, неизвестным болотам, озеркам, прыгать по кочкам вслед за остяком, который тащит обласок по еле заметным тропинкам. Ничего, что ноги уставали от неподвижного сиденья: изумительная тишина леса, обильно угощавшего нас ягодами и орехами, шепот ветра, красота осени примиряли с трудным путем.

Но когда начал изо дня в день лить дождь вперемежку со снегом, ездить стало тяжело, и я решила поскорее возвратиться в свою «резиденцию», чтобы отдохнуть там перед отъездом к самоедам.

Накануне отъезда «домой» из самых последних остяцких юрт на р. Агане – дальше на сотни верст только леса да болота – случилось со мной маленькое приключение. Пошла я в вековой сосновый бор, увлеклась черникой и потеряла направление. Небо покрылось низкими тучами, заморосил мелкий, как пыль, дождь. Я брела наугад, попала в болото, снова в лес, снова в болото. Наконец к вечеру выбралась к речке и только когда уже начало темнеть я подошла к юрте совсем с противоположной стороны.

Около юрты горел большой костер. Испуганные моим долгим отсутствием остяки оживленно толковали и спорили вокруг огня, как и

где меня искать. Увидев меня целой и невредимой, очень обрадовались. Упрекали, зачем пошла одна, могла на медведя наткнуться. Зато как приятно было на другой день очутиться «дома», у Антона, сидеть у чувала и играть с Андрейкой, щелкая ему каленые кедровые орешки...

С грустью уезжала от остяков. Помня вар-яунские чумы, наслаждалась я сравнительным комфортом: в юрте дым не ест глаза, разве только порыв ветра в осенний вечер поднимет на минутку золу и искры из чувала – и только. Чистота (довольно относительная, конечно) и русский хлеб можно печь, а главное – все со мной сдружились и познакомились. Но надо ехать. Впереди еще такой долгий, длинный путь!

Лодку в середине покрыли берестой. На веслах четыре гребца и один у руля. С утра ветер и дождь – холодно. У меня еще нет теплых вещей, – они заказаны самоедам, – только фуфайка и пальто да одеяло. Хозяйка ахает, что я озябну...

Прощаюсь. «Ауля» плачет, хозяйка тоже, Андрейко удивленно таращит глазенки. Все по обычаю остяков целуют мне щеку и руку, я целую всех... Пошел снег, мокрый, крупными хлопьями. Съезжилась, села в уголок к вещам, закуталась в одеяло и долго еще прислушивалась к крикам.

– Емудем, рут ими, ем, ем, ими, емудем! (Прощай, хорошая русская женщина, прощай!)

Гребцы работают молча. Лодка вздрагивает от ветра и гребли. Мне грустно, холодно и одиноко...

До самоедов в вершине Каван-Яуна ехать нужно пять суток. По дороге ни души, только лес и лес дремучий. На второй день проехала мимо оставшихся кольев, – это в прошлом году шли здесь Б.Н. Городков с В.И. Серпуховым,⁴ пробираясь на р. Пур.

На ночь быстро ставили берестяные навесы. Под ними и спали. А согревались только у костров. Река вся в дремучих лесах, чем дальше, тем извилистее и живописнее. Двух глухарей убили, трех рябчиков. А вот и следы медведя – совсем свежие. Лодку даже приостановили, оглядываемся. Пока никого не видно.

Вдруг кормовщик, молодой, щеголеватый остяк с длинной бисерной цепочкой в ухе, закричал во все горло. Моментально и остяки все заорали и замахали веслами и было от чего: у вершины громадного кедра сидел мишка!

⁴ Западно-Сибирская экспедиция Академии наук в 1923 г., начальник ее Б.Н. Городков, ботаник В.И. Серпухов – студент-геолог.

Испуганный криками людей, он кубарем сорвался с дерева, взревел как-то забавно, наверное, от боли при падении и без оглядки убежал в лес. Ну и смеху же было у нас! Я и испугаться-то как следует не успела – так быстро все это произошло. Федор, старый остяк, досадовал, что медвежьего мяса не удалось попробовать...

И снова тишина. Степан затянул дикую, но изумительно гармонизировавшую с окружающей природой песню. Сочинил новую о только что упавшем медведе. Остальные молча гребли, меланхолично сплевывая в лодку. Никак не могла я приучить их плевать в воду! Нельзя, неприлично в воду плевать, можно духа водяного обидеть. Поэтому-то остяки, когда и купаются, то не скидывают одежды: разве можно голым в воду лезть?! А плюют они артистически! Все кладут за губу табак, как же не плеваться! Федор хотя для солидности курит трубку, однако тоже не прочь пожевать табак.

Начали попадаться и человеческие следы: нашли загородку в устье маленькой речки, вытащили морду,⁵ полную рыбы: уха свежая и щука сырьем на обед. И пни срубленные попадаться стали. Завтра будем у самоедов; там с остяками расстанусь окончательно...

И вот ярким солнечным днем мы подъезжаем к лесным самоедам. Еще за версту остяки начали стрелять из ружей. Вдали послышался ответ. Значит, ждут.

Прекрасный сосновый бор на высоком песчаном берегу. С лодки чумов не видно, но на берегу толпятся люди. Спрыгиваю с лодки. Мужчины знакомы со схода. Женщины обступили меня, трогают платье, смеются. Улыбаясь в ответ, жму всем руки. Беру дорожный мешок и тут же раздаю маленькие булочки, испеченные остячкой. Еще шире улыбаются и восклицают: «кай-то!..» Мне холодно, день ветреный, солнце временами прячется за тучи. Но приличия самоедские требуют поговорить сначала у жилища и только после этого войти в него. Наконец не выдерживаю и спрашиваю, куда же меня поместят. Переговариваются друг с другом и указывают мне дальний чум в лесу. Лодку начали выгружать. Часть вещей на нарты положили, часть несут за мной в берестяной чум.

Вхожу в чум. От солнечного на улице света кажется темно, приятен запах сосновых веток, набросанных на землю. Направо от входа впереди, у священного места, ставят мой чемодан и постельный мешок.

⁵ Морда – приспособление для ловли рыбы, плетеное из прутьев ивы.

Оглядываюсь. Несколько чище, чем у вар-яунских самоедов. Хозяйка, толстая и краснощекая старуха, бодрая и живая, разводит огонь на железном листе посредине чума. Около костра положено несколько широких длинных досок, чисто выметенных. На земле постланы сосновые ветки, совсем свежие, и на них наброшены олени шкуры – постели по числу членов семьи. Плюют не на доски, а на сосновые ветки.

В чуме толпится народ. Я слышу стон с противоположной мне стороны очага. Оказывается, Нотю, младший сын хозяина чума, уже девятый день лежит больной. Подхожу к нему. Жаром так и пышет, лежит, закрыв глаза. Говорю по-остяцки, что больному нужно дать лекарства. Долго не соглашаются. Пьем чай, и я, угощая всех хлебом и сахаром, продолжаю уговаривать стариков. Наконец согласились, чтобы я дала больному водки и порошок. Даю аспирин, пою его чаем с коньяком. Жадно выпил. Говорю, чтобы теплее укутали...

Мне надо еще расплатиться с возчиками. Они торопятся уезжать. Дробь и порох и всякую мелочь, которые они получили от меня за провоз, они тут же продают – меняют самоедам на олени и беличьи шкурки. Пошла провожать их на берег и долго смотрела, как быстро неслась лодка вниз по течению. Последние остяки уехали!

Вернулась к больному. Намочила укусом тряпку и положила на лоб. Вскоре Нотю забылся и перестал стонать. Все в чуме молчат, костер чуть-чуть трещит, иногда сильно разгораясь и освещая неровным светом лицо больного, довольно приятное, с прямым маленьким носом и маленьким ртом; скулы хоть и мало выдаются, но глаза косо поставлены. Вскоре появилась испарина, больной стал спокойнее дышать и заснул. Меня мучила мысль: а вдруг ему станет хуже? Ведь ухудшение болезни припишут мне! И как это я сразу-то не сообразила...

Снова начали пить чай и ужинать рыбой вареной, без соли. От «ухи» я отказалась: уж очень непригляден котел, в котором варилась рыба. Соль у меня была взята с собой, хоть и не очень много. Самоеды тихонько разговаривали у костра, поглядывая на меня. По-остяцки в чуме этом никто не говорил...

С тревогой на душе я укладывалась спать и долго не могла заснуть. Ветер стих, и только легкий шепот сосен еще слышался сквозь отверстие в чуме.⁶

⁶ На ночь дверь в чуме закрывают; отверстие же над очагом остается открытым.

Камлание

Проснулась я на другой день рано. Молодая хозяйка, жена Нотю, только что начала разводить огонь. Утро свежее; солнце чуть золотит верхушки сосен и еще не заглядывает в чум. Тревога о больном не покидает меня. Тихонько подхожу к нему, – спит. Боюсь еще верить, что лучше, но жена Нотю уже кивает мне, улыбаясь:

– Гумо, гумо (хорошо).

Пили утренний чай и варили тетерку, тихонько, стараясь не будить больного. Пошла в лес. Ветрено, но солнечно, и на ходу в брезентовом пальто не холодно. Масса тропинок бежала в разные стороны: переходя с одной на другую, я не заметила, как снова подошла к чумам. Больной не спал; температура почти нормальная.

Приехал Пенелю, старший брат Нотю. Хорошо говорит по-остяцки и даже знает несколько фраз по-русски. Сразу оживились все. Я стала заучивать самоедские слова и фразы. Пенелю был переводчиком. Начали меня расспрашивать о жизни в городах, о политических изменениях:

- Правда ли, что царь убит?
- Можно ли торговать в Сургуте?
- Где Вантюрка?⁷ Торгует ли?

Пришлось целую лекцию читать о новом строе, а главное, уговаривать, чтобы не боялись выходить на ярмарку в Сургут: никто их не тронет, товаров много, а купцов старых нет.

Принесли шаманский бубен. Когда заболел Нотю, бубен вытащили из священных нарт⁸ и повесили около них на березовой палке. Бубен большой, – кожа оленья натянута на деревянный круг. Внутри к перекладкам, за которые держит бубен шаман, подвешены на цепочках колокольчики.

Бубен стали греть над костром, чтобы громче звучал. Значит, будут шаманить. Сiju спокойно, очень довольная тем, что удастся наблюдать самоедское камлание. Однако скоро радость прошла. Пенелю объяснил, что будут шаманить по поводу выздоровления Нотю (ему с каждым часом становилось лучше) и моего приезда. Будут узнавать, что я за человек такой.

⁷ Купец, торговавший на ярмарках с лесными самоедами, единственный из торговцев пользовался симпатиями туземцев.

⁸ Нарты с идолами у чумов. Лесные самоеды – все язычники.

Тут я струсила. Конечно, самоеды приняли меня гостеприимно, и больному легче, но относятся они ко мне несколько настороженно, не совсем, вероятно, понимая причину моего приезда. Кроме того, меня взволновала мысль, кто будет шаманить и как ко мне отнесется этот шаман, кто он. Это не то, что у остяков, там шаманство падает, чуть не каждый остяк умеет камлать, часто смеясь и шаманя чуть не для забавы, особенно в пьяном виде. А ведь все лесные самоеды еще искренне верят и молятся всем своим божествам.

В чуме развели большой костер, расчистили место около огня: убрали дрова, котлы. Расстелили напротив меня, по ту сторону очага, новую белую шкуру оленя. Женщины из других чумов ушли. Вошел Паята со стариком, братом отца Нотю. Так вот кто шаман! Этот маленький, такой несчастный с виду, грязный и всклокоченный, в рваной одежде из закоптелых оленьих шкур, хромой, этот Паята – шаман!

Поверх одежды своей Паята одел коленкоровую рубаху до колен. Сел и жует вместе с табаком кусочки сушеного мухомора. Лицо покраснело. Глаза опущены. Выпил несколько глотков воды, – вероятно, чтобы сильнее действовал яд мухомора, а может быть, и от жажды. Разведен большой огонь, и в чуме жарко.

Сначала Паята стал тихо колотить в бубен. Понемногу удары становились все сильнее и сильнее, и Паята начал свою песню. Он вызывал своего духа-покровителя, чтобы тот помог шаману в борьбе с болезнью, посланной злым духом. Одним словом, Паята собрался в далекий путь – «на тот свет». По-видимому, путь туда довольно труден: Паята несколько раз прерывает камлание, пьет воду и кладет табак за губу.

Пот с шамана катится градом. Он поднимается и медленно, кружась и подпрыгивая, начинает ходить вокруг костра, изо всей силы ударяя в бубен. Глаза его почти закрыты, у рта показалась пена, его всего трясет. Все мужчины кричат: «оу-оу-оу». Эти крики, удары в бубен, звон колокольчиков – все сливается в оглушительный шум. Молоденькая жена Нотю забилась в свой уголок и закрылась шубой. И лишь хозяйка Гули спокойно сидит и не переставая скручивает у себя на щеке тонкие нитки из сухожилий оленя, смачивая их слюной. Мастерница она: нитки делала такие тонкие, что они свободно входили в узенькие ушки иголок.

Паята долго прыгает кругом костра. Самоеды надрываются от непрерывного крика. Этим «оу-оу» они пугают злого духа, чтобы он не захватил шаманскую душу.

Но вот Паята хрипит, падает и бьется в нервном припадке. Из коченеющих рук вываливается бубен. Тогда двое берут шамана и поднимают его над костром семь раз, а третий самоедин бьет в бубен изо всех сил. Костер ярко освещает искаженное лицо Паяты и напряженные лица присутствующих. Вот Паята слабо пошевелил рукой. Его кладут на место. Паята рычит, приподнимается и снова падает. Его пытаются снова поставить на ноги, дают бубен в руки и поддерживают сзади. Постепенно он приходит в себя и опять, всхлипывая, начинает петь.

Затем он подходит к больному, вертится вокруг него и неожиданно поворачивается ко мне... Вот прополз по моей постели, вокруг меня, обхватил мою голову, приложился к ней ухом и тяжело с хрипом дышит. Я замерла, не шевелюсь. А присутствующие кричат снова: «оу-оу-оу-оу!»

Схватив бубен и вскидывая его кверху, шаман начал плясать передо мной, прыгая и кланяясь. В белой рубахе, от которой еще более черными казались его взлохмаченные волосы, с нервно подергивающимся лицом, с перекошенным ртом и блестящими зубами, с дико горящими глазами, мокрый и трясущийся Паята был страшен.

Немного отдохнув, Паята снова прыгает вокруг костра. Еще несколько песен и он, усталый, сваливается на оленью шкуру. Его спрашивают. Я с трепетом жду. Паята говорит медленно, прерывисто. Вдруг все восклицают: «Кама!» и смотрят на меня. Пенелю переводит:

– Паята узнал от духов, что ты большой лекарь, большой начальник, злой дух (чёрт) боится тебя и потому болезнь Нотю ушла.

Ну, оказывается, я недаром жалостливо относилась к Паяте и оделяла его конфетами не в пример прочим. В «большие лекари» попала!

На другой вечер шаманил зять Нотю – Халу, в третий – Пенелю. Они оба «маленькие» шаманы, камлали хуже, чем Паята, повторяя его приемы. Во всяком случае они подтвердили слова Паята, и мое положение «большого лекаря» среди лесных самоедов прочно утвердилось.

А Нотю, когда ему стало лучше, попросил у меня немного «вина», выпил несколько глотков, встал, вылил остатки в костер, несколько раз поклонился огню и через огонь пожал мне руку, все время говоря: «пасибо, пасибо». И мы с ним стали друзьями.

«Ты томна» – олени пришли

Стояла солнечная погода с ветром. По ночам было так холодно, что с непривычки я даже простудилась. Лихорадило и болела голова. Почти

перестала ходить в лес, зато усиленно училась самоедскому языку и начала антропологические измерения.

Попробуйте-ка объяснить самоеду, для чего нужно его измерить. Это и русскому-то не всякому объяснишь. Я сказала, что мне нужно их «показать» в Москве:

– Измерю вас, – там и узнают, какие вы.

– Так ты возьми нас самих и отвези туда.

– Хорошо, поедемте.

От поездки они, однако, отказались, и я произвела нужные измерения.

При виде стальных инструментов двое убежали в лес. Иногда самой совестно делалось в холод заставлять их раздеваться. Редко кое у кого рубашка под шубой или малицей водится, особенно у женщин. Снимет шубу – и только штаны замшевые, а в чуме со всех сторон дует. Пожертвовала свою рубашку для измерений, по очереди ее и одевали, благо всем впору: все женщины были ниже меня.

А холод с каждым днем увеличивался. И все спешно готовились к зиме: мужчины поправляли и делали новые нарты, женщины шили теплую одежду. Наконец я обменяла себе на сукно мужскую одежду – она теплее женской. Это «малица» – сплошная рубашка ниже колен, прямого покроя, мехом внутрь, без разреза. Сверху – «кумыш», тоже длинная рубаха, только мехом наружу. Она одевается через голову, как и малица.

В такой одежде хорошо ездить, но сидеть в чуме и работать трудно, поэтому для «дома» я купила и женскую шубу: верх синий, суконный, а мех птичий, из шкурок лебедей и гагар. Сижу в этой шубе, накинув ее на плечи, и записываю, как хозяйка стряпает «хлеб»: пресные лепешки замешивает на рыбьей икре и печет у огня, насаживая их на лучину. Вдруг слышим движение. Выбегаем из чума.

– Ты томна! Ты томна! – Олени пришли! – кричат самоеды и бегут к лесу.

В лесу слышится какой-то странный треск, и среди сосен на фоне белого мха замелькали легкие фигуры оленей. Испугались людей, не подходят. Их манят, машут им рукой, крича: «та-та, та-та».

Меня поражает вид жирных, отъевшихся оленей. Во время «комара» лесные самоеды пасут их на открытых местах, кочуя по водораздельным болотам, и у них нет «оленьих юрт», как у остяков, где в дыму от

костров спасается от «гноса» бедное животное. И в это время олень очень худеет. А на осень олени свободно выпускаются в лес, где и откармливаются.

Эти олени были из стада Пенелю. Он тихонько подкрался и из ружья сразу же наповал убил «ходю» – молодого пятимесячного оленя. Все стадо, испуганное выстрелом, быстро скрылось. Пенелю и Халу взвалили теленка на плечи и понесли к чуму. Быстро сняли шкуру. Приподняли голову, чтобы кровь собралась внутрь. Вытащили желудок и, освободив его от желто-зеленой массы, тут же стали собирать в него кровь, черпая ее отрезанным куском ребер. Женщины притащили деревянные корытца, поскоблили их вместо мытья и положили в них печень и легкие. А почки достались двум мальчишкам, которые их тут же и проглотили моментально. Еще бы, такой лакомый кусочек! Досуха собрали кровь, остальное Халу тщательно вылизал, вымазав при этом все лицо.

Но вот разрезали мясо на кусочки, положили на нарты, позвали всех, даже грудных ребят притащили и начали молиться. Семь раз поклонятся мясу и повернутся вокруг себя и снова; так до трех раз. Некоторые мужчины даже в землю поклонились.

Светит солнце, шумит река и на фоне зеленого леса – группа молящихся оленьему мясу самоедов... Не верилось как-то, что живешь в XX веке...

Наконец все мясо унесли в чум Пенелю. Разделили сырую печень, еще теплую, на кусочки, по корытцам, залили кровью, сели вокруг костра и началось пиршество. Предложили и мне. Взяла кусочек, положила в рот и тихонько выплюнула, – от запаха свежей крови даже голова закружилась. Сказала, что буду есть вареное, – часть мяса уже варилась. Все ели молча, с жадностью. Длинные куски мяса, обмакнув в кровь, ловко подрезали у самого рта. С вымазанными кровью лицами и руками все они были очень живописны. Постепенно наедались и, ожидая вареного мяса, начали разговаривать и смеяться.

К моему удовольствию, мясо, немного недоваренное, можно было есть и без соли, которой у меня было очень мало и я берегла ее к рыбе. Сели все вместе, – и женщины тоже, не то, что у остяков, там жена и лица не откроет старшим в роде, а уж есть или пить вместе с мужчинами совсем нельзя.

После пиршества вытирали лицо и руки мягкими тонкими стружками «вот-лэм», которые заменяют здесь наши полотенца.

Мужчины в этот день больше не работали. Разошлись по чумам, разлеглись на шкурах и задремали, посасывая табак. Лишь женщины, как всегда, возились в своих уголках и что-то шили...

Сбор стада

Проснулась ночью, – непогода бушует, ветром сорвало берестяную дверь. Вся я окоченела, особенно ноги. Зажигаю спички. Все спят. В ногах на одеяле снег, который насыпался в отверстие над костром. Съеживаюсь, набрасываю на себя все, что есть под рукой, но все же не могу спать – холодно.

Вчера я еще грелась на солнце, – забравшись на сломанную сосну, устроилась, как в кресле, и долго прислушивалась к тишине и шорохам леса. Вот белка со своеобразным криком перепрыгнула надо мной, дятел стучит; еле-еле пронесется шепот среди верхушек сосен, и опять тишина. Отдыхала, утомившись от измерений, и рада была осеннему, но солнечному дню и одиночеству.

А сейчас... Как жутко одной! Ветер воет, чум трещит и колеблется. Чудится, будто лес наступает; гигантские сосны скрипят и качаются и ветками задевают за чум... Откуда этот звон? Ах, да, это бубен шаманский, повешенный у нарт с идолами. Ветер трогает его колокольчики, и они звенят так тоскливо и жалобно... Первый снег. А впереди еще целая зима...

Но вот кто-то зашевелился в углу. Слышу голос Нотю:

– Пушя, ту чуди, тансельт... (Жена, огонь разводи, метель...)

Весь очаг засыпало снегом. Жена Нотю закрывает дверь чума, привязав ее изнутри. Долго возится, и наконец костер загорается. Запахло дымом.

Я приподнимаюсь.

– Чищи? (Озябла?) – спрашивает она. И, получив ответ, тащит свою шубу, укрывает меня. Мелькает мысль о насекомых, но я так радуюсь заботе и теплу, что как ребенок сразу засыпаю.

Два дня продолжалась метель. А на третий грянул мороз, правда, небольшой, но зима сразу установилась. Мужчины еще в метель пошли за оленями, поймали более ручных. Нужно собирать стадо. Упросила взять и меня с собой. Женщины обычно не ездят, – это мужская работа. Поехала со стариком Шот-Пере.

Яркое солнечное утро. Сосновый «урман» тянется бесконечно далеко. Олени ловко бегут между деревьями, управляемые опытной

рукой. Мы все весело перекликаемся. А вот и олени. Молодые самодеды с арканами в руках соскочили с нарт и притаились за деревьями. Нужно накинуть арканы на оленей, вожаков стада, и одеть им на ногу колодку, с нею уж они не смогут далеко уйти. Тогда легко собрать всех остальных оленей.

Стадо окружают со всех сторон. Собаки гоняются с лаем и визгом, молодежь наперебой друг перед дружкой старается лучше закинуть аркан. На блестящем от солнца снеге яркими пятнами выделяются синие, зеленые, лиловые и черные «верхницы»⁹ на малицах. Шум, крики, лай...

Только к вечеру вернулись, усталые, но веселые. Так продолжалось несколько дней, пока не собрали и не подогнали стадо ближе к чумам. Теперь дело за перекочевкой и за зимним чумом – в берестяном стало холодно. Но перед перекочевкой сбор стада кончился для меня очень неожиданной «ночкой». Еще за два дня до этого куда-то ездил Оонэ, старший рода Исуши. Оказывается, к остякам за водкой, вернее, за самогоном.

В нижних юртах на р. Аганудби остяки научились гнать самогон и втридорога перепродавать на север.

Вечером, после ужина, подходит ко мне Нотю и подает целую кучу ножей, которые они носят обычно у пояса. В недоумении смотрю. Оказывается, просит спрятать. «Вино» пить будут... Разумная предосторожность.

Сначала все собрались в наш чум. Уселись, как всегда. Народу – битком набито. Притащили четверти с самогоном. Налили на блюдец, как полагается, отлили немного в огонь и поклонялись костру. А затем по старшинству выпьют блюдечко, ничем не закусывая, и передадут соседу.

Пока все чинно. Пьют все, кроме маленьких детей. Но пьянеть стали быстро. Начались песни. Сидят «по-турецки» и, сжимая себе живот, тянут жалобную ноту, выкрикивая отдельные слова и раскачиваясь из стороны в сторону. Всю свою жизнь, такую же печальную и ноющую, как их песня, рассказывают.

Но вот страсти разгораются. Песни делаются бессвязными, начинают целоваться друг с другом, горько плача. Женщины полезли и ко мне, целуют нос, щеки. Пошли в другой чум. Я тоже пошла – боялась

⁹ Рубашка на малицу из сукна или бумажной материи.

остаться одна. И тут то же, но народу меньше. Вдруг влетает Халу – он умеет шаманить – и начинает носиться вокруг костра, вокруг нас. Схватил откуда-то нож, разорвал на себе одежду, царапает ножом грудь; все закричали: «оу-оу», чтобы отогнать злого духа, забравшегося в Халу. Налитые кровью глаза Халу дико сверкают, его красное, пьяное лицо с гримасой страдания ужасно.

Мне жутко, и я тихонько говорю Нотю, что пойду к себе. Нотю хоть тоже пьян, но спокойнее и грустнее всех. Все время, заливаясь слезами, пел песню, как он был болен и как я его вылечила. Нотю с женой и старик поднялись вслед за мной и мы тихонько стали выбираться из чума. Но Халу заметил. Выбежал вслед за нами. Схватил меня за руку, я ухватилась за Нотю и мы понеслись... к священным нартам. Нотю успокоительно мне говорил:

– Пыт большой, мань маленький, пыт холосый, мань холосый.¹⁰

Халу обвесился идолами, дал бубен Нотю и начал скакать вокруг меня и нарта с идолами, а Нотю колотил в бубен. Ночь теплая, снег таял, и луна сквозь ночной туман спокойно освещала беснующегося Халу. Наконец Халу, дико взвизгнув, поскакал дальше, и мы ушли к себе.

Крики и шум увеличились, но я решила не выходить из своего чума. Вдруг послышались шум, треск кольев и отчаянные крики, – зовут меня. Оказывается, Халу разломал чум и тащит свою невестку, колотит ее. Я подбегаю и кричу: «Халу!» Поднимается со снега: как зверь, озирается по сторонам и громко пыхтит.

Испуганно стоят кругом самоеды. И я – уж не знаю почему мне это пришло в голову – положила руку на голову Халу и начала громким и торжественным голосом декламировать оду Державина. К концу второй строфы, при словах:

«Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет...»

Халу медленно опустился на снег и затих. Вероятно, торжественный размер стихотворения подействовал успокаивающе...

Теперь смешно вспомнить, но тогда мне было далеко не до смеху... Больше меня и не беспокоили, но, по-видимому, «злого духа» я изгнала из Халу: он продолжал только стонать и петь..

¹⁰ «Пыт» – ты, «мань» – я.

И лишь под утро ко мне привели оравшего молодого самоедина: он упал в костер и сжег себе кожу на руках и лбу... Что делать? Вазелину у меня маленькая баночка. Пришлось ожоги залить – да простят мне все врачи – касторкой, благо ее у меня было несколько бутылей и она от холода застыла...

Женщины

Ну вот я и на зимней квартире, среди невысокого соснового леса – «урмана»! Сюда перекочевали третьего дня. Переезд вышел для меня неожиданным. Все произошло очень быстро. Утром, после чая, мужчины начали ловить оленей, а женщины стали разбирать осенние чумы и складывать вещи. Я еще успела перед отъездом в последний раз сбегать на реку – проститься. С высокого берега видна было даль и извилистость речки. С шумом терлись льдины друг о дружку, уходя на юг; высокие сосны качали верхушками, как бы прощаясь со мной...

Ехали сосновыми борами да болотами полдня и к вечеру стали на место. С восхищением я следила за женщинами, как быстро и ловко они ставили чум: утоптали снег, отметили место костра, положили около него доски, набросали сосновых веток и на них положили оленье постели и свою рухлядь. Сверху чум в два ряда покрыли оленьими шкурами. Молодые мужчины привезли бревна и распиливают их для костра; те, кто постарше, ничего не делают, сосут табак, поминутно сплевывая, да между собой разговаривают. Часу не прошло, как жилище было готово и весело запыхал костер. Оглядываюсь – кругом снег, и моя постель на снегу. Стоит только протянуть руку, как в снег попадешь, зато уже насекомые от хозяев не переползут!

Кругом лес да болотца, реки нет, уныло и однообразно – не на чем остановить взгляд. Вчера было пошла в лес – куда тут! Разве можно ходить пешком, когда олени есть, – хозяев обидишь. И версты не прошла, как оленей за мной прислали, пришлось вернуться. Зато сегодня обрадовали. Женщины помоложе собрались за брусничкой ехать и меня с собой взяли. Мужчины отправились за рыбой.

Как только скрылась последняя мужская нарта, все самоедки сразу развеселились. Начали петь песни и весело смеяться. Особенно одна, Мячинсый, вторая жена Пенелю, отличалась («Мячинсый» – по-самоедски «подарок»). Еще совсем девочка, всего тринадцати лет, с милым, смуглым оживленным личиком, она звонко пела песенки, тут же сочиняя их. Больше других понравилась всем маленькая песня:

«Ведехху конню гэ-ээй,
Канкно-кодя,
Кымсой удитау».

Я даже ее заучила. Русский перевод приблизительно такой: «Лохматая собака бежит за санями, а я еду на нарте и песню пою».

Остановились мы на горوشке у соснового бора. Раскопали снег под одной из сосен. Там, хорошо укрытые берестой, стояли куженки с брусникой, набранной еще летом и припрятанной. Сверху ягоды заледенели, внизу же мягкие, сочные, крупные. Мы тут же полакомились ими, усевшись на снег. Разговаривали больше жестами и мимикой, смеха было много. Одеты все женщины по-зимнему: одни в теплую шубу «понней» из оленьего меха, украшенную узорами, у других шубы на птичьем меху, а у Мячинсый шубка из лебяжьего меха с синим и желтым суконным верхом. Головы не покрыты – мороз небольшой. Волосы у висков сзади скручены и туго перевиты синим и желтым сукном в виде двух жгутов. Длинные серьги из медяшек и пуговиц весело звенят, вторя смеху. Раскрасневшиеся, с черными, косо поставленными блестящими глазками и с белыми зубами из-под ярких губ – они мне показались хорошенькими. Чтобы не оставаться в долгу, и я спела несколько простых песенок и протанцевала тут же на снегу краковяк, имевший необыкновенный успех. От восторга они хлопали друг друга, кричали, прыгали сами и просили меня не ездить на реку Пур, а остаться с ними.

Совсем подружившиеся, мы вернулись в чум. Проголодались дорогой, и я с удовольствием принялась уплетать из одного корытца вместе с женой Нотю и Мячинсый довольно оригинальную пищу – «дя». Это густая каша из икры, пузырей, печени, внутреннего жира свежих рыб, вареная без соли. Сняв «дя» с огня, к ней примешивают сырой брусники. Получается чуть горьковатое, но довольно острое кушанье.

На десерт мне преподнесли желудок белки, запеченный со всем содержимым. Тоже немного горчит, пахнет орехами, но вкусный. Это – большое лакомство для ребят.

Воспользовавшись отсутствием мужчин, после обеда я решила вымыться. Сами-то самоеды никогда не моются. Впрочем, по утрам в этих чумах взрослые все же «умывались»: возьмут в рот воды, поплюют на руки и вытрут лицо, даже намылив предварительно. Но мыться по-настоящему не решались, как я их ни уговаривала, хотя мыло брали с удовольствием.

Смотреть на мое мытье собрались все женщины, – еще бы, невиданное зрелище! Костер жарко горит, и я все время верчусь, умываясь, потому что с одной стороны печет, а с другой холодно. Некоторые женщины не выдерживают и прикасаются к моей коже, восклицая:

– Хэлаку! (Белая!)

Белый цвет в большом почете у лесных самоедов. Вообще они довольны моей внешностью, особенно нравится им мой нос, вздернутый кверху; нос пуговкой – верх красоты в представлении самоедов.

Рассказываю им о наших прическах, платьях, показываю открытки и картинки из журналов. Вытащила свои платья, в которых ехала на пароходе, и оделась в белое платье, белые чулки, белые туфли.

– Чупе хытля! (Совсем, как снег!) – восклицали женщины.

Тонкие чулки привели их в восхищение, а Мячинсый целовала их и прикладывала к щеке. Я тут же подарила ей эти чулки. Вероятно, никогда ни один подарок не принимался с таким восторгом. А когда приехали мужчины, рассказам не было конца, пришлось снова все показывать. Но мужчинам больше всего понравились кривые ножницы для ногтей. Стали ими резать свою редкую щетину на подбородке. У самоедов растительности на лице еще меньше, чем у остяков, а то, что и появится, они выщипывают. Спрашивали: нет ли бритвы, – двое видали в Сургуте и у одного остяка на Агане. К сожалению, бритвы я не запасла.

Долго сидели и разговаривали, пока я, устав, не разогнала их, говоря:

– Кунат, кунат! (Спать, спать!)

Дети

Дети ко мне пошли не сразу. Уж очень их напугали.

– Оппой, оппой, – говорили им, указывая на меня, и ребята испуганно косили свои глазенки. Еще бы: «оппой» значит «старший», так и медведя называют.

Но шоколад и конфеты сделали свое дело. Невиданное сладкое понравилось, хоть сначала и страшно было брать: схватят и бегом назад.

Недели две спустя мы уже играли вместе, и свои игрушки они меняли мне на лакомства. Лаской их не удивишь. Самоеды, как и остяки, удивительно нежны к детям, постоянно целуют и ласкают своих и чужих ребят и не ленятся делать для них всякие игрушки. Но самоедские дети более нервны, а потому и капризнее остяцких.

Сегодня Чекаль, сын Халу, четырехлетний, со светлыми волосами, но черными глазами и смуглым широким лицом, румяный и неповоротливый мальчишка, с утра капризничает: Уччи, двоюродного брата, взяли прокатиться, а его оставили. Чекалю обидно, потому и плачет. Его целуют, уговаривают, ничего не помогает: ревет во все горло и катается по шкурам, выбиваясь из рук окружающих. Наконец, отец, выведенный из терпения, взял снегу и... насыпал ему за ворот. От неожиданности мальчишка замолчал, а когда раскрыл рот, чтобы снова закричать, отец, показывая целую горсть снега, строго сказал:

– Ша, ша, касянохат дятнас дехкарт, хытля ан канном. (Тише, сейчас рубашку сниму и на снег вынесу.)

Ребенок жметесь, всхлипывая, к матери.

– Мась, мась, ман мань гумо. (Довольно, будет, скажи: «Я хороший») – говорит мать.

И Чекаль чуть слышно сквозь слезы пищит:

– Мань гумо.

Через несколько минут он убежал из чума. Покачиваясь, ходил взад и вперед и важно сосал «трубку», сучок кривой сосны, и еще заплаканными глазами смотрел, как я кормила лисиц.

У Нотю выкармливаются живые лисенята, прикрепленные на цепочках к столбу. Когда лисица достаточно вырастет и будет иметь длинную шерсть, ее убьют. Красивое хищное животное пугливо отбегаёт, звеня цепью. Положишь ей пищу, отойдешь – через несколько минут лиса подкрадывается, часть съедает, часть зарывает в снег. Обычно дети вместе со мной ходили кормить лисиц. Но сейчас сердитый на все и всех Чекаль не подходит, а, надувшись, только смотрит издали, важно положив свою руку на деревянный нож у пояса. В такой позе – он маленькая копия отца.

– Каппи томна, каппи томна! (Остяки приехали!) – закричали где-то.

Все высыпали из чумов, и я с Чекалем побежала навстречу запряжке оленей. Оказывается, приехал остяк Антон Касаткин с женой и моим любимцем Андрейкой. Вот радость-то! Самоеды и самоедки обступили приехавших и целуются с ними. Мне прежде всего бросилось в глаза хорошенькое личико Андрейки, румяное и белое, особенно в сравнении с самоедскими смуглыми лицами. Одет он был в малицу из лебяжьих шкур, покрытую сверху яркой пестрой материей, которая делала его похожим на цветок среди снега. Его так затормошили самоедки, что под конец он не выдержал и заплакал.

Антон приехал покупать шубу для жены, привез белок на обмен, пороху, дроби и материи. Хорошая женская шуба стоит сто белок, или на деньги 100 рублей. Остяки приехали с ночевкой, так как зимняя их юрта далеко. Рассказывают, что обо мне очень скучает Алексей, которому я вылечила ногу, четырнадцатилетний мальчик. Он прислал мне тетерок и рябчиков своей охоты. Андрейко вспомнил меня, пошел ко мне и угощался сладким чаем с печеньем, сиди у меня на коленях. Его веселая рожица очень гармонировала с общим настроением. Антон ушел к Пенелю в чум, а так как жена его совсем не знала по-самоедски, то наш общий разговор больше походил на разговор глухонемых; конечно, смеялись мы при этом много.

После чая мы с Андрейкой вышли из чума играть и знакомиться с самоедскими детьми. Начали бегать. Андрейко, самый младший из всех, был самый проворный и, утомленный долгим сиденьем на нартах, бежал без конца. Чекаль едва мог поймать его. Андрейко, когда спотыкался и падал в пушистый снег, протягивал мне свои ручонки, лукаво поглядывая большими карими глазками на разругавшемся личике. Так и не отходил от меня, и спать его уложили рядом со мной.

Мы все еще долго сидели и вспоминали мое житье летом у остяков. Ими, жена Антона, участливо качала головой, жалея меня и сетуя на неудобства чума. У меня с непривычки голова от дыма разболелась. Передавали мне поклоны от аганских остяков. Рада я была, что они добром меня вспоминают.

А во сне я видела Ленинград и своих так ясно, что, проснувшись, не сразу сообразила, где нахожусь.

Жертвоприношение

Уже 22-е октября нов. ст., а я еще не двигаюсь дальше. Ждем, пока окончательно замерзнут болота и реки. Тоска напала, захотелось и газет, и писем. Да и постоянное внимание и любопытство самоедов утомляют. Временами так скучны и обстановка чума, и дым, и даже дремлющие, седые от инея сосны кругом... Хочется большего простора и движения.

Самоеды, угадав мое настроение, предложили прокатиться с ними к верховью р. Каван-яун, к местам летней рыбной ловли, чтобы привезти оставленные там запасы копченой и сушеной рыбы. Живо собрались и отправились. Едем по полузамерзшим болотам и целому ряду озер, из

которых и вытекает река. Низкие берега ее занесены снегом. Надо всем повисли серые, скучные облака. Неприветливо выглядели остов чума и разбросанные старые ящики-нарты с рыбой.

Уже темнело, когда мы вернулись. Дома нашли гостей – ван-яунских самоедов. В их числе и Паята с отцом, тоже шаманом. Он долго расспрашивал меня о новых порядках в Сургуте, об уничтожении старых торговцев, о новых торговых предприятиях. После начал шаманить. Ну и хитрец же! Поняв, что действительно «новое» то серьезно, объявил всем, что будто во время камлания дух-покровитель сообщил ему о «новых хороших людях и удачной торговле в Сургуте», но все же, мол, нужно принести жертвы божествам и попросить у «рут-ими» (русской женщины) «нипек» и бумаги, т.е. я должна дать рекомендательные бумаги. Пришлось каждому хозяину чума давать «нипек», где я просто обращалась в Сургутский РИК с просьбой принять самоедов гостеприимно и направить их в Госторг и кооперацию.

Когда позже, весной, я возвращалась от самоедов и проездом остановилась в Сургуте, мне передавали, что самоеды остались очень довольны приемом. Были устроены собрания и выбраны старшины. Им объяснили, почему с них не берут ясак (подать).

Взыскание ясака теперь отменено. Вначале это вызвало испуг у самоедов, боялись, чтобы от них не отняли угодий, за пользование которыми они платили ясак царскому правительству.

Долго шаманил отец Паяты. Утомленная дневной поездкой, я тихонько укладывалась спать и под последнюю тихую песнь шамана заснула. Часть гостей в чуме уже спала...

На утро начались приготовления к жертве божествам – очередной ежегодной жертве перед началом охоты. Прежде всего нашили к новым малицам на капюшонах сзади блестящие медные пуговицы, по одной на каждый (по-видимому, это связано с поклонением солнцу). Затем положили в горячие угли маленький кусочек бобровой струи, и женатые мужчины и все женщины «обкуривались»: пронесли между ногами это блюдо с душистым дымом. После обкуривания стали загонять оленей в загон из молодых сосен и отобрали семь совершенно белых оленей и три самых темных. Недалеко от священных нарт развели костер и начали раскрывать идолов.

В ящичках под шкурами лежали небольшие деревянные изображения божества. Нум, божество неба, со свинцовыми глазами и носом,

держит в объятиях одну из своих жен – Аган-пушя с головой выдры. Рядом грозное божество – Мунута, бог грозы. А вот добрая и ласковая покровительница юности – Дятля-пушя. У нее в груди под знаком солнца вдавлена пятнадцатикопеечная серебряная монета. Почти в каждой нарте есть и Петл-ваку, старик, покровитель реки Пур. Каждая река имеет свое божество.

Кроме этих главных персонажей, лежат сухие щуки, шкуры лебедей, гусей, орлов, покровителей рода, и жертвы божествам. Все открыты и поставлены лицами на юго-запад – в ту сторону, откуда приходит тепло. Белых оленей привязали перед нартами тоже головами к юго-западу, а трех темных – головами к северо-востоку, в сторону злого духа, посылающего холод. Все приготовлено, бубны нагреты на костре, чтобы лучше звучали.

Шаман подошел к белому оленю, одной рукой схватил его за рога и другой занес нож над его затылком и поднял голову: лес дрогнул от громкого крика – молитвы шамана небу, нож сверкнул, и олень тяжело упал на землю. Снег окрасился кровью. Аркан, накинутый на шею оленя, быстро стянули, животное забилось в агонии. Все принялись кланяться, а мужчины заколотили в бубны. Душа оленя пошла на небо как искупительная жертва за человека, за его удачу в охоте, за прибыльную торговлю с русскими, за хорошую, мягкую зиму.

Так проделывают с каждым белым оленем. Все мужчины колотят в бубны, прыгают и носятся вокруг нарт с идолами, кланяются оленям, даже вертят их вокруг себя. Идет мягкий снег, тепло. Пот с них катится градом. Женщины в стороне только молча кланяются – им нельзя подойти к священным нартам, они нечисты... Долго молились самоеды. Затем закололи темных оленей – жертву злому духу. Тут только кланялись и в бубен не били.

Но пора и шкуры снимать. Быстро принялись за дело. И первым долгом собрав кровь, стали ею поить своих божеств, не жалея, мазали кровью идолов, бубны, нарты. У Халу среди идолов была православная иконка Богородицы, и ее напоили кровью... Шкуры развесили на высоких березовых шестах у нарт. Мясо и кровь поровну разделили по чумам.

К вечеру небо прояснилось, и косые лучи заходящего солнца ярко осветили окровавленные шкуры принесенных жертв. А в чумах шло пиршество: объедались еще теплой кровью и свежим сырым мясом оленей...

У Илюко

В ночь после моления ударил сильный мороз. Решено было, что на другой день меня повезут дальше на север к Илюко, а по дороге я заеду в чум Кольчу, жена которою приехала к нам в гости.

Воспользовавшись съездом гостей, я начала антропологические измерения. Работала лихорадочно, радовало доверие самоедов. Беспокоило только испуганное лицо жены Кольчу и быстрое ее исчезновение. Она еще мало меня знала, испугалась измерений и тихонько уехала домой.

На утро назначили отъезд. С тяжелым чувством собираюсь – за месяц сжилась со всеми. А главное, рассказывают, что жена Илюко, Ката-пушя, очень грязная и нечистоплотная. Мать Нотю принесла грязную от собак берестяную куженку и показывает ее – мол, в чуме у Илюко все так же – «чукай вайма» (худо, грязно). Смеемся, а все же тревожно.

Поехали меня провожать почти все. Из нашего чума только жена Нотю не поехала, муж ее не пустил. Я присутствовала при их ссоре. Нотю заставлял жену ехать за дровами и после остаться хозяйничать в чуме, а она упрямо твердила, что хочет ехать со мной, стала даже запрягать своих оленей в нарядную свадебную свою упряжь, с кистями из ремешков, выкрашенных оранжевой краской. А Нотю взял свою маленькую жену – она мне еле до плеча доходила – за пояс и отшвырнул от оленей в сторону. Я и ахнуть не успела, как она, словно мягкий комочек, упала далеко в сугроб. Снег мягкий, не ушиблась, только от обиды глаза налились слезами. Нотю сразу остыл, уже весело погрозил ей и пошел увязывать мои вещи...

Меня вез Пенелю на тройке оленей. Мороз был только -16° , и никто из нас не одел кумышей (верхней одежды мехом наружу). Длинным поездом в 12 нарт, запряженных выездженными оленями, с ездоками в разноцветных «верхницах» на малицах мы быстро неслись по лесам и болотам. Удовольствие пути в солнечный день отогнало грусть, и мы весело перегоняли друг друга и перекликались. Перед чумами Кольчу нарты со мною пропустили вперед и с гиканьем быстро подъехали.

Пусто... Никто не встречает... Сошли с нарты, стали обыскивать чумы. Нашли только одну дрожащую глупенькую жену Али. Ее подвели ко мне. От страха лицо перекосилось, глаза забегали. На волосах у нее рваная тряпка, шуба грязная, засаленная. Стараюсь ласково ее успоко-

ить, ничего не отвечает. Отпустили. Как дикий олень, она отпрыгнула в сторону, рассыпав «гостинцы», и быстро скрылась при общем смехе моих спутников. А у меня настроение упало. Я досадовала на себя, зачем при жене Кольчу начала измерения – они испугались и уехали. А если и дальше так будет?.. Потолковали между собой и решили ехать дальше – к Илюко...

Вечером подъехали к одинокому чуму на берегу небольшого озера. Кругом – искривленные сосенки, покрытые снегом. Показались олени, залаяли собаки, и подошли люди. Какое-то чумазое существо с широко раскрытым ртом и черными от табаку зубами наклонилось ко мне и поцеловало в нос. Как хорошо, что лесные самоеды не целуются в губы! В сравнении с приехавшими со мной нарядно одетыми самоедами мои новые знакомые в закоптелой домашней одежде больно кольнули глаза. Долго не входили в чум, перекидывали вещи. Нотю и Халу устраивали мое место в чуме, женщины грели у огня мою шубу, чтобы я скорее могла переодеться и согреться. От тревоги и усталости целого дня езды у меня разболелась голова.

Первое, что мне бросилось в глаза при входе в чум, – это группа собак, доедавших что-то в котле, в котором варится пища для всех. И еще – приподнявшийся полуголый больной старик Илюко. Чемодан и постель уже лежали на месте. Села, осматриваюсь. Собак отогнали и, не выплескивая даже остатков от них, прибавили воды и положили мясо варить... Отказалась от еды, да и в самом деле не хотелось есть.

Привезшие меня торопились назад – будут ночевать в чумах Кольчу. Надо было прощаться. Признаюсь, мне стало тяжело. И когда добрая старуха, мать Нотю, такая всегда заботливая и внимательная ко мне, стала покрывать мелкими поцелуями мой нос и щеки, мне захотелось прижаться к ее мягким, толстым щекам и не отпускать. Все окружили меня, целовали – кто руку, кто лицо, говорили, что еще приедут повидаться со мной... Уехали. Я начала молча укладываться спать. Отодвинула свою постель на снег, подальше от досок у очага: по ним ползали насекомые. С ужасом смотрела я на грязь и копоть кругом, на лица самоедов, с остервенением поедавших еле сварившееся мясо.

Не было сил разговаривать, и я быстро улеглась спать. Но, представив себе весь дальнейший путь, еще долгие месяцы грязной обстановки чумов, недоверие туземцев, я вдруг упала духом и, зарывшись в подушку, горько заплакала от тоски и одиночества.

У Илюко в чуме немного народа – только две дочери, одна замужняя, а у другой жених живет третий год и «зарабатывает» себе жену. Он пасет стадо оленей, получает за это в год 14 голов – собирает калым за невесту. Дочка Илюко – забавная шестнадцатилетняя девушка с мальчишескими замашками: и оленей пасет, и на охоту ходит. Она отличается ловкостью и силой: прекрасно бросает аркан на оленей, быстро и ловко правит ими. Длинную палку, которой подгоняют оленей, мне тяжело было даже поднять, не только управлять ею, а Лянкытсэй – хоть бы что.

Илюко на другой день моего приезда снялся с места, и во время перекочевки я ехала с его дочкой, – вот и подружился. Лянкытсэй – самая веселая и неутомимая из всех. На остановках она уже бегаёт со своей собачонкой или племянницей Эмой, и далеко слышится их веселый смех, сливаясь со звоном колокольчиков, пришитых у рукавов их шубок.

Ехали мы большею частью лесом, и иногда на резких поворотах обе падали в пушистый, мягкий снег, и она первая весело начинала смеяться над своею неловкостью. Впрочем, это барахтанье в снегу имело в моих глазах большое значение: когда снег тает на лице, то невольно его нужно вытереть, и я услужливо подавала ей из своего запаса тонкие стружки, которые в этих краях служат вместо полотенец. Это и было единственным ее умыванием. Да, пожалуй, еще летом, когда дождь помочит. Дочь Илюко никогда не умывалась. Неряшливая и грязная, она была нестерпимой, и свою постель я отодвигала от нее подальше, что не мешало нам быть друзьями. К жениху своему она относилась равнодушно, спокойно ожидая своей участи. Лянкытсэй предпочитала бродить по лесу, рубить дрова, исполнять «мужскую» работу вместо грязной возни со стряпней и чумом. Свое кремневое ружье она очень любила и почти никогда не расставалась с ним. Во время езды, подгоняя стадо оленей, она то и дело охотилась за белками, в день убивая их по пятнадцати и более штук. Правда, мужчины за день убивали от 35 до 40 штук, но они специально этим и занимались, да и ружья у них были более новой системы.

Очень жаль было смотреть, как убивают белок, и сама Лянкытсэй, убив живого и грациозного зверька, сочувственно начинала причмокивать и гладить пушистую шерсть. Иногда, жалея заряда, убивали

просто палками. Это отвратительное зрелище. Если белка попадет на отдельно стоящее дерево, его окружают со всех сторон, науськивают собак. Перепуганное шумом и лаем, несчастное животное делает отчаянный прыжок на другое дерево, но не достигает его, падает на землю и попадает к собакам... Зато мясо белок очень нежно и вкусно, и мне до половины декабря пришлось питаться почти исключительно им.

На четвертый день остановились посреди озера. Кругом леса — удобное место для охоты на белку. Мужчины на целый день уезжали за ними. А я занялась стиркой. Удивление самоедов было безгранично. Лянкытсй так и просидела целый день, следя с раскрытым ртом за кипячением и мытьем белья, и, захлебываясь, рассказывала мужчинам все подробности.

В тот же вечер шаманил жених Лянкытсй: Илюко с каждым днем чувствовал себя все хуже и хуже. Илюко снова хотел спросить богов, чем помочь своей болезни. Наутро закололи двух оленей. Белого заколол сам Илюко, прочитав громко молитву-просьбу Нум-Нэми, матери бога, божеству, очень почитаемому у лесных самоедов. А темного заколол шаман, чтобы злой дух принял душу оленя и выпустил болезнь из Илюко. Как полагается, колотили в бубен, кланялись, но скакать-то уж Илюко не мог. Женщины только немного поклонялись и ушли в чум работать по хозяйству. Было морозное солнечное утро, и на фоне снега и голубого неба маленькая группа самоедов, молящаяся неведомым божествам, казалась беспомощной и жалкой.

Как хочется жить этому трясущемуся старику с провалившимся носом! И что делать, когда и божество, и эта странная, приехавшая издалека женщина отказываются помочь?.. Торопясь, расплескивая дрожющими руками еще теплую кровь, поит Илюко из чайной чашки своих богов, даже нарты вымазал кровью. И солнце играет на фигурах окровавленных божеств.

Только началось обычное пиршество сырым мясом и кровью, как приехал самоедин из рода Пяк с р. Пура. На пятерке усталых оленей подъехал. Дикий и сумрачный, исподлобья смотрит, молчит. Всклощенные волосы, старая оленья малица по подолу обшита мехом собак-лаек. Молча сел к огню. Ему подали корытце с мясом и кровью, ни о чем не расспрашивая. Наелся, отодвинул, чисто вытер поданными стружками лицо и руки от крови и снова насупился. Желая познакомиться с ним поближе, я передала ему сахар, печенье к чаю и кусок

шоколада. Подсел к огню, разглядывает, лизнул, откусил наконец. Понравилось. Пробормотал что-то. Ему ответили, назвали меня. Встал и подошел ко мне, несколько раз кивнул головой, поздоровался за руку, – его рука немного дрожала.

Это был гонец от лесных самоедов с р. Пура. Там узнали о моем приезде и послали разведать, кто такая едет и зачем. Разговор начался, и самоеды, перебивая друг друга, с живостью начали рассказывать обо мне, даже стирку белья не упустили. Вечером он совсем развеселился, дал даже намазать помороженные щеки вазелином. И рано утром уехал назад, уже совсем успокоенный, в восторге от подарков моих: пистонов, пороха, дрови, бус и хлеба.

Решили, что теперь можно будет кочевать дальше по р. Пур – к Пякам, в самую гущу лесных самоедов.

Дальше на север

Пасмурно. Едем целый день то озерами, то лесом, временами – высоким сосновым бором. Уж стемнело. Луна в первую четверть слабо светит сквозь легкий туман. Ветер шумит. Утомилась, но голове стало легче. Дремалось и хотелось ночлега, но не могли сразу найти чумы и лишь в 10 часов вечера подъехали к ним. Встретили приветливо, только дети с криком отбежали: поразились, увидев вместо женщины «мужчину» (одета я была в самоедский мужской костюм). Подвели плачущую девочку-подростка, сироту, – два дня назад схоронила мать. Я ее поцеловала, и она совсем расплакалась. Все ее жалели и ласкали.

Поместили меня в чуме, очень плохо обложенном в основании снегом: дует со всех сторон, но я так довольна, что наконец-то приехала к Пуру, что совсем забыла о нездоровье, шутила, смеялась, разговаривала отдельными словами и жестами, раздавала всякую мелочь. Познакомилась со всеми, и на утро все охотно измерялись, даже дети быстро освоились. Обрадованные конфетами, они бегали разгребать снег, еще не глубокий, и приносили мне целые горсти клюквы. Хотели было угостить меня мясом павших оленей, да я отказалась.

Горе стряслось в этих чумах. У самого старшего брата пало в несколько дней около трехсот оленей от болезни копыт, поэтому мясо можно было есть. Из зажиточного он сразу превратился в бедняка: осталось всего около шестидесяти оленей. Это событие, еще недавнее, – злоба дня. Подробно рассказывают, как падали олени.

Припасы мои быстро уничтожаются. Раздаю уже не печенье, а муку, чтобы сами хлеб пекли. Вот и сейчас невестка старика стряпает пресные лепешки, бросает их в горячий бульон из мяса павших оленей – и через несколько минут хлеб готов. Стряпает их и напеваает детскую песенку, без конца повторяя имя мальчика: «Олинэ, Олинэ, Олинэ», а дочка Ангэльта сидит рядом, жадно следит глазенками за стряпней матери и глотает слюнки, предвкушая лакомую лепешку. Говорит мне: «гумо, гумо нянь» (хороший хлеб) и звонко смеется, когда я отказываюсь от склизких, бледных и сырых лепешек, замешанных на воде и крови оленя.

К вечеру все собираются в чум. Обсуждается мой отъезд дальше; рассказы и расспросы про города, про торговлю. Снова вынимаю журналы, открытки, даже про аэроплан умудряюсь рассказывать. Слушают, как сказку, и просят прилететь к ним на этой «машине». От шума, гама и напряжения устаешь и засыпаешь сразу же, не чувствуя, как постепенно гаснет костер, становится в чуме морозно и инеем покрываются от дыхания волосы, ресницы и простыни у лица... Завтра – снова в путь...

Утром встала рано, но ловля оленей для запряжки тянется долго. Полукругом составили нарты, веревку протянули, чтобы полукруг получился, и я вместе со всеми женщинами и подростками держу веревку. Загоняют оленей в такой «невод» долго – около двух часов. Целый лес рогов. Даже жутко смотреть на ловко управляющихся с оленями самоедов. Связывают по три, по четыре и выводят из круга.

Для меня запрягли «парадный» выезд: тройка белоснежных оленей, нарты покрыты белой шкурой, и сами мы одеты в белые кумыши. Красиво.

Теперь всё время буду кочевать в бассейне р. Пура. На западе большинство речек принадлежит роду Пяк, на востоке – роду Айвасята. Едем водораздельными болотами – тундрой. Снегу еще мало. Тундра бугристая. Часто между буграми озерки, словно оконца, блестят ото льда. Олени несутся без всякой дороги прямо на север. Солнце чуть поднялось над горизонтом и золотит бесконечную даль. Вот снова «оконце». Тройка оленей легко взбежала на лед и – трах... разом бухнула в воду. Тонкий еще лед не выдержал их тяжести. Нарты от толчка подскочили, и я, как мячик, вылетела из них. Еще секунда – и нарты под водой. Благодаря толчку я упала на берег, только пэмы¹¹ замочила.

¹¹ Пэмы – меховые сапоги поверх меховых же чулок.

Возница же почти весь окунулся в воду. Благодаря свободной запряжке олени благополучно выскочили на берег. Решили, что возница должен ехать назад, домой, и скорее переодеться. Я тут же переделась в запасные пэмы. И вскоре мы уже смеялись над приключением.

Наступила ночь, а чумов все еще не видно. Наконец подъезжаем к низенькому леску. На утопанном снегу видны следы оленей, но чумов и самоедов нет – перекочевали. Нужно искать чумы. Решили, что я останусь с обозом, а возчики на легких нартах поедут разыскивать самоедов. Быстро разостлали мой спальный мешок и оленью «постель» – шкуру на снег. Уселась я с баранками и куском мерзлой тетерки в руках – за день-то проголодалась – и осталась ждать своих возчиков. От таинственного света луны серебром блестят дали; рядом низкие кустики березок да понурые олени в запряжке, некоторые улеглись в снег. Пустынно, безмолвно. Спать не хочется – жутко немного.

Больше двух часов проехали самоеды, пока нашли чумы. Оказались они сравнительно недалеко. И в третьем часу ночи мы добрались до людей. Но ожидаемого горячего чая не оказалось. В чуме были только котел, ведро да маленький тазик, в котором мне подали вареное мясо, – даже деревянных корытцев нет. Пришлось распаковать свой чайник, небольшой, достала и кружку запасную. Пока кипятился чайник, в ведре свежий снег вновь растопили для питья.

Я устраивалась на ночлег и раздавала, по обыкновению, «гостинцы» – угощала хлебом и сахаром. Дети никогда не видали конфет и не знали, что это такое. Но больше всего их поразила свечка: горит, а дыма нет. Один мальчик девяти лет тихонько спросил: «чукай ту?» (это – огонь?). Я поднесла свечку ближе, и ожог пальца уверил его, что это действительно огонь. А когда я вынула зеркало и в нем отразилась обстановка чума, смеху и крикам конца не было. Долго рассматривал каждый себя, гримасничая и делая страшные рожи, и все до упаду хохотали.

Знакомство было сделано, и наутро все охотно измерялись...

«Важный старик»

Пробираюсь дальше на северо-восток. Работа идет успешно. Для музея уже собрала много вещей. Самоеды охотно измеряются, только антропометрических инструментов немного побаиваются.

Запасы мои быстро исчезают. Муки здесь давно не видали, хлеба – тем более, поэтому особенно ценны кажутся мои «подарки», собственно, плата за провоз и гостеприимство.

В чумах все больше середняки – владельцы трехсот-четырехсот оленей. У некоторых имеются запасы пушнины, и я уговариваю их выехать на торговлю.

Сегодня остановилась в чуме самоеда Таз.

Целый день, короткий, правда, измеряла и очень устала. Ребят так много, что сразу не могу разобраться, чьи они. Путают еще «молодые» пары. Здесь в чуме мальчик и девочка. Я считаю их братом и сестрой, а оказывается – муж и жена. Мужу двенадцать лет, жене – четырнадцать...

А вот еще пара из соседнего чума: жене тринадцать, а мужу пятнадцать лет – совсем еще дети. Приводят маленькую, бледненькую и худенькую девочку девяти лет, оказывается, – жена тридцатилетнего мужчины! Сами сознают, что так плохо, да зато за маленькую можно небольшой калым платить, а то купишь жену и сам без оленей останешься. Закон об отмене калыма введен позже – в 1926 г. и в быт еще не проник.

Дети смышленные... Уже в двенадцать лет становятся помощниками отцу и матери. Вот младший сын Таза – Ойля, бойкий мальчишка, любимец матери, ни минуты не сидит без дела: то младшим детям мастерит игрушки, вырезая их из дерева, то дров матери принесет, то к оленям едет. Он умеет сочинять песенки.

Вот и сейчас вырезает малышу оленей из лучинок и напевает:

«Лемпо Медя¹² камдйя,

Чоня то камдйя.

Мынчих то симдйя».

Это значит: невестка Лемпо бежит, лисица бежит, а у лисицы на животе дырка, – песня про лисицу, раненную в живот, которая вырвалась из рук невестки и убежала. Все смеются, даже ленивый, неповоротливый, уже женатый старший двенадцатилетний брат.

Вдруг послышался лай собак. Дети выскочили из чума, вышел и Таз. Через несколько минут вкатывается в чум Ойля и с испугом в глазах громким шепотом, задыхаясь, произносит:

– Норко ваку томна, Норко ваку томна! (Важный, большой старик приехал!)

Оказывается, сам Данила Касаткин приехал. Данила – богатый остяк, женатый на самоедке, уже давно поселившийся среди лесных са-

¹² Невестка самоеда Лемпо. Женщин не называют по имени – неприлично.

моедов и ведущий самоедский образ жизни. У него больше пяти тысяч оленей...

Ойля смотрит на меня с удивлением, его простое и свободное обращение со мной исчезло: еще бы, сам «норко ваку» приехал познакомиться с этой женщиной!

Хозяйка испуганно засуетилась, достала новую оленью шкуру – «постель», прибрала кругом, подбросила дров в костер – вскипятить чайник (чайник мой, у Таза пили только воду). Дети исчезли, Ойля забился в уголок.

Но вот снаружи послышался скрип снега. Хозяйка быстро приподняла входную завесу-«дверь», и в чум вошел невысокого роста остяк с хитрыми черными глазками, лицом и улыбкой почему-то напомнивший мне Вольтера. Одет он был поверх малицы в черную суконную «верхницу» и в темно-коричневые щегольские пимы. Только богато украшенный бисером пояс с ножом в ножнах из мамонтовой кости красивым пятном выделялся на его строгом костюме.

Данила важно подошел ко мне, поздоровался по-русски и уселся рядом на шкуре. За ним вошел его старший сын Никита, рыжеватый блондин, поразивший меня красивым профилем и довольно длинными косами у висков с яркими лентами. Одет тоже во все черное.

За ними вошли человек десять самоедов из рода Айвасята. Поразили меня их тонкие профили и прямые носы. Все одеты в темные малицы, но верхницы уже из бумажной ткани. Волосы, как у самоедов рода Пяк, острижены в кружок, но у некоторых оставлены на затылках пряди волос. По этому признаку и род их называется «Айвасята», что значит, собственно, прядь волос, коса.

Подражая Даниле, все чинно здороваются со мной за руку и рассаживаются по местам. Хозяйка, скорчившись, садится у дверей. Разговор налаживается плохо. Я боюсь быть неучливой и, по самоедскому обычаю, не начинаю разговора с гостями первая. Данила искоса поглядывает на мои приготовления к чаю. Вынимаю сушки, конфеты, печенье, посуду. Данила не выдержал и, увидев мою чайную массивного серебра ложку, берет на руку и взвешивает.

– Тагорн, ем, ем (тяжелая, очень хорошая), – говорит он по-остяцки, переводит по-самоедски, передает ее соседу, и моя чайная ложка пошла ходить по рукам.

Откупорила банку с консервами-персиками. Данила забыл всю свою важность, с любопытством разглядывает, нюхает, но попробовать

боится. Кроме лука и картофеля у русских в Сургуте, он никогда не видывал других овощей и фруктов. Рассказываю по-остяцки и по-самоедски, что это вроде больших ягод и растет на деревьях. Снова, как во всех чумах, пошли в ход картинки и рисунки, и разговор сделался общим.

Но персики не понравились. Увидев, что я спокойно их ем, все стали пробовать, при этом морщились, а один даже выплюнул. Из всех моих запасов только эти персики (у меня и было-то всего восемь банок) да еще чеснок не понравились самоедам, и я съела их сама к большому своему удовольствию.

Желая быть любезной, я угостила всех невиданным лакомством – касторкой, каждому по чайной ложечке дала. Очень она им по вкусу пришлась – самоеды любят всякий жир. Позже, когда у меня кончились конфеты, – увы, уже в середине декабря от двух пудов ничего не сохранилось – касторка осталась единственным лакомством, которым я угощала всех.

Затем я вынула нашатырный спирт, дала понюхать – и пошел тут смех.

– Гумоно чуди, гумоно чуди (хорошенько понюхай)! – всем говорил Данила. Хоть слезы и текли, а нравилось. Одному старику дала в бутылочке с собой, – говорит, голове легче.

Когда стали пить чай (по очереди, посуды не хватило) и я угостила печеньем и конфетами, гости совсем освоились. Данила первый начал спрашивать о новых порядках, почему «ясак» (подати) с них никто не берет, не отбирают ли оленей. После чая Данила, а за ним и остальные, усиленно начали приглашать меня к себе в гости.

На ночь часть приезжих разошлась по другим чумам, часть осталась у нас. Когда я начала устраивать себе постель и вынула две простыни, каждый подошел и потрогал полотно. Пришлось объяснять, почему я сплю между простынями. Некоторые думали, что я «большой лекарь» и потому свое «священное» тело покрываю белым, ведь шаманы же одевают на себя белую рубаху поверх малицы. И, по-видимому, не очень-то верили моим объяснениям. Лишь практичный Данила удивленно заметил по-остяцки:

– Сколько материи зря пропадает!..

Довольная налаженным знакомством с представителями рода Ай-васята, я быстро заснула.

Наутро закололи оленя.

Закусив сырым мясом (для меня сделали «шашлык» олений), начали собираться к отъезду и загонять оленей. Перед этим часть молодежи стала бросать арканы – кто дальше кинет. Не выдержали «старики»,¹³ оставили ловлю оленей и тоже занялись игрой. Даже Данила нарушил свое олимпийское спокойствие и сошел с нарты.

Все бросали аркан по три раза, соблюдая очередь. Победа оказалась на стороне старшего поколения. Гумату, тридцатипятилетний самоед, лучший охотник, дальше всех бросил аркан.

Когда начали состязаться, кто дальше прыгнет, то победила молодежь.

Самоеды так увлеклись состязаниями, что и оленей забыли. Однако Данила спохватился и заторопился ехать. Не обошлось без приключения.

Один мальчик нечаянно выронил лямку от передового оленя – и вся тройка с пустой нартой понеслась по тундре. Моментально все вскочили на свои нарты и понеслись вслед. Настоящая гонка! Небо, все алое от чуть поднявшегося над горизонтом полуденного солнца, розовым светом озаряло легко несущихся по озерам и болотам оленей и в розовом тумане вдали сливалось с тундрой. А у чумов, встревоженные криками, метались на цепи у столбов «кормленки»-лисицы да лаяли оставшиеся собаки.

И на этот раз победил Гумату: тройка его прекрасно выезженных оленей оставила всех далеко позади. Он нагнал убежавших оленей и ловко остановил их, накинув аркан на рога.

Только к вечеру, т.е. к трем часам – дни здесь короткие – удалось Даниле уехать. Условились, что через неделю я приеду к нему...

В чуме богача

В верховьях Большого Пура, впадающего в Тазовскую губу, на свободных, не занятых лесными самоедами землях кочует огромное стадо Данилы. Он разделил его на пять частей, и под надзором трех старших сыновей с наемными рабочими пасутся олени в разных местах. Это делается для того, чтобы избежать повального падежа. И почти еженедельно сыновья ездят к старику-отцу на доклад. Сам он в своем

¹³ «Стариками» считаются самоеды старше 25-28 лет.

огромном чуме живет настоящим царьком. Рядом стоит другой чум для работников да еще чум Никиты.

Приехала я уже затемно. Много народу высыпало встречать меня, но самого Данилы не было – два дня назад уехал вместе с Гуматой на охоту за дикими оленями.

Чум порастил меня богатым убранством. Поверх обычного «дямпа» – редко сплетенных сучьев ивы – весь «пол» застлан циновками, сделанными из трав, постланы свежие оленьи постели. Снегу почти нигде не видно. На костре кипятился медный, хорошо вычищенный котел с крышкой, а на священном месте перед очагом стоял... никелированный трехведерный самовар. Я точно родного увидела – так обрадовалась самовару.

Еще раз здороваюсь с хозяйкой. Она берет меня за руку и подводит к постланной для меня оленьей шкуре. Не в пример самоедкам, которые все очень маленького роста, жена Данилы высокая, выше мужа женщина, с прекрасными белокурыми волосами и самоедским толстым лицом, с добродушной улыбкой и маленькими ласковыми серо-голубыми глазами. Это единственные светлые глаза, виденные мною в стране лесных самоедов. Она имеет четырнадцать человек детей, начиная от старшего женатого Никиты до семилетней девочки. В глазах самоедов – это ее главное достоинство.

Пока я устраивалась в чуме, приехал и Данила с младшим сыном. Четырнадцатилетний мальчик – точная копия отца – важно поздоровался со мной и уселся молча на шкуру. Маленький мальчик, лет девяти, сирота, взятый на воспитание, раскурил и поднес Даниле трубку. Женщины захлопотали, принесли шубу и накинули ее на Данилу, когда тот снял с себя малицу. Шуба из прекрасного неплюя (небольшого осеннего оленя), на меху из черно-бурых лисиц. Я сначала даже не поверила глазам – не могла понять, откуда у него такие меха, но наутро все стало ясно.

Гумату, сердитый на Данилу, который помешал его охоте на диких оленей, пришел сказать, что уезжает домой, и спросил у него два фунта дробы. Принесли весы. Сам Данила отвешивает. Заинтересованная торговлей, я слежу за их разговором. Оказывается, за фунт дробы Данила берет шесть белок! Тут я не выдержала:

– Послушай, Данила, ты знаешь, что в Сургуте фунт дробы в Гос-торге стоит 48 к., а белка стоит рубль шкурка?

– Здесь не Сургут! У нас своя цена на белку – восемь копеек, – сердито ответил он. – Мне самому приходится покупать дорого у остяков.

– А почему?

– Не помню, – отрезал Данила...

Обращаюсь к Гумату:

– Оставь белки себе, выйдешь на ярмарку – продашь дороже, а дробы и пороху дам тебе, когда после повезешь меня дальше на север, к Тазовской губе...

Гумату охотно согласился. Данило насупился было, да начал спрашивать про цены на пушнину и развеселился. У него одних белок оказалось до 8000 шкурок. В разговоре выяснилось, что олень ценится у них в 100 белок и больше, а у русских – 25-30 руб.

Из пятитысячного стада восемьдесят оленей нетрудно продать. А выйдет на ярмарку – на эти восемь тысяч скупит чуть не всю факторию и опять будет продолжать продавать втридорога беспечному и незапасливому самоеду... Несколько лет не выезжал Данила на торговлю, а еще и мука-крупчатка и чай лучшего сорта есть.

Много народу понаехало к Даниле, но на ночь уходили спать кто к работникам в чум, а кто к Никите. Вечером приехала молоденькая дочка Данилы с двумя прехорошенькими детьми. Меня поразило грустное выражение ее миловидного личика. Оказывается – вдова. Приласкала я ее, а она и расплакалась.

Всхлипывая, рассказала свое горе. Муж ее умер месяцев восемь назад, а она вместе с детьми, которые, собственно, и являются наследниками состояния, перешла к младшему брату мужа Оптаку во вторые жены. А Оптаку только что перед тем женился, взял себе в жены толстую самоедку и доволен. Вдову брата терпит как необходимость, молодая же его жена житья не дает, и бедная не знает, куда деться:

– Уйди от него, – советую я.

– А дети? Оптаку их не отпустит, оленей-то у них много, ему невыгодно, а у меня ничего нет...

Обращаюсь к Даниле...

– Ничего нельзя. Такой уж закон у нас, – отвечает он.

Что делать? Чем помочь? Невеселым мне показалось гостеприимство Данилы Касаткина. Хоть и положили меня на пуховую постель, все же долго не могла заснуть. Да и метель разбушевалась, ветер с визгом и воем набрасывается на чум, будто желая снести его. Чум трещит, но держится крепко.

Самоеды-бобыли

После Данилы Касаткина больше недели ездила по беднякам. Вблизи богача живут да рыболовством промышляют. У некоторых то отец, то сын пасти стадо к Даниле уходят – выгодно: оленей десять в год заработают да одежду кое-какую...

Дни стоят совсем короткие, но ясные. Солнышко на час чуть поднимется над горизонтом, да и спрячется; лишь обе зари разом пожаром охватят небо да позолотят тундру косые лучи солнца – и снова ночь.

Пока светло – еду, вечером приезжаю в чум, наутро измеряю и снова дальше, снова бесконечные дали, широкие горизонты. И вдруг тундра неожиданно сменилась густым, дремучим лесом.

– Катуги – ейдяха, – говорит возчик. Катуги – река, приток Пура. Олени вязнут в глубоком снегу, с трудом пробираясь среди кедров и березняка к реке. Раза два останавливаемся – самоеды срубают деревья с дороги. Наконец, спустились на реку.

На высоких, обрывистых берегах стоит, как в сказке, зачарованный, засыпанный глубоким снегом лес. Сквозь сучья кое-где пробирается луч солнца и бриллиантами играет на лохматых ветках. Тишина. Только бег оленей да скрип полозьев по мерзлому снегу нарушают безмолвие. Не верится, что действительно едешь по местам, где русский человек не бывал никогда...

Но вот пологий берег, и струйка дыма потянулась над лесом, – это чум. Поднимаемся на берег... Встречают трое мужчин и мальчик. Двое еще молодые, но все с бледными, угрюмыми лицами, в грязной и рваной одежде. Чум – дырявый, отовсюду сквозняк.

– Пуся куны? (Женщины где?) – спрашиваю.

– Дику (Нет), – отвечают.

Удивленно расспрашиваю. У старшего года два назад умерла жена, остался сын девяти лет. А у трех холостых братьев нету оленей, чтобы заплатить за жен. Один ушел к Даниле на заработки, а остальные здесь рыбу да белку промышляют. Из посуды у них – только котел, даже ведра нет.

– Все было, – говорит вдовец, – да с женой в могилу положили, ей принадлежало. Не дать – нельзя, там ей понадобится, еще вернется с того света...

В могилу с покойниками лесные самоеды кладут личное имущество умершего. Для бедных семей этот обычай очень разорителен.

– А сестер-то нет?

– Была одна, да вот еще девочкой обменял ее на жену свою, – указывая на старшего, говорит другой брат, – а больше нет...

Я поясняю, что жениться теперь можно и без калыма.

– У нас нет такого закона. Да и как без калыма? Ничего не запла-тишь, и жена ничего не принесет с собой, а у нас тоже ничего нет...

Так и живут бобылями, без женщин...

Припасы мои быстро приходили к концу. Но еще оставалась греч-невая крупа – размазня. Я ее не пробовала варить у самоедов. Доста-ла крупу. С интересом смотрят. Боюсь, понравится ли: нет ни соли, ни масла... Полный котел наварила каши. Уселись они около него, одна ложка нашлась, дала две свои, а мальчику положили в корытце отде-льно, и он просто лучиной начал есть.

Едят сначала молча, медленно. Но вот постепенно лица розовеют, улыбаются. Чисто, даже котел выскребли. Веселее начали разговари-вать, как наелись. Всю, что была, крупу оставила. Сама я только чаю напилась, даже от белок, предложенных моими возчиками, отказалась.

Написала хозяевам «нипек» – заявление в Сургутский РИК.

– У вас же есть пушнина, – говорю. – Сейчас она в цене поднимает-ся, вот и заработаете себе.

– А как попасть? Хорошо, если Никита, сын Данилы, возьмет с со-бой. Оленей нет ехать, а Сургут далеко.

Один из моих спутников уверяет их, что Никита возьмет.

– Он добрый, не то, что старик Данила.

– Да и мать его помогает, – хвалит хозяин добрую жену Данилы, – вот малицу и пимы подарила сыну...

На ночь не остаемся: нет корма для оленей. Едем дальше. Лес еще красивее при лунном свете, но сказка кончилась. Осталась лишь нужда человеческая.

Новый год!

Последний день старого года. Новый 1925 год хочу встретить тор-жественно. Уже неделю кочую с семьей Гумату в тундре между сред-ним течением р. Пура и Таза. Русские здесь «понт дику» (никогда не были), как говорит моя приятельница, первая жена Гумату, самая чис-топлотная из всех пян-казовских самоедов, с длинными черными косам ниже колен. Она полная хозяйка в чуме, даже Гумату ее побаивается и слушается.

В чуме у нее чистота, котлы всегда моются, вычищенные поднос и медные тазики блестят, рухлядь у стены чума прибрана, открытые от шкур места всегда посыпаны чистым снежком. Она не только сама моется каждый день, но и Манкыля, сына второй жены Гумату, моет, и четырехлетний малыш каждый раз после мытья подбегает ко мне и показывает свои пухлые чистые ручонки. Я целую его, но, увы, уже нет ни сахара, ни конфет, чтобы поделиться с ним. Осталось только то, что берегу к встрече Нового года.

– Подожди, Манкыль, сегодня сахар получишь, – говорю я ему по-самоедски.

Сегодня выехала рано. Мороз только 34° по Реомюру, но начинается ветер. Едем на север. Местность холмистая. На склонах редко-редко маленькие, искривленные лиственницы. Ледяной ветер пронизывает, несмотря на меха; порывы его временами замедляют легкий бег оленей. Вот исчезают последние деревца. Кругом тундра, как море, с застывшими волнами – сугробами снега.

Ветер усилился, поднимает мелкую снежную пыль, колет лицо, дыханье захватывает. Небо темнеет и скоро в бешеном вихре сливается с тундрой, точно не хочет пускать нас дальше. Но мы все же упрямо движемся вперед. Переглядываюсь с Гумату, и оба весело, звонко смеемся: уж очень потешны наши оледеневшие лица...

Остановились на озерке. Буря утихла, и на западе алела узенькая полоска зари. На ее фоне четко вырисовывались силуэты оленей, после распряжки быстро отбегавших в сторону. Поставили чум, и скоро весело запылал огонь – бревна везли с собой.

Вымылась перед костром, одела новый белый свитер и уселась на свою постель расчесывать волосы. Не тут-то было: с волос сыплются хлопья снега – села слишком далеко от костра, и мокрые волосы моментально покрылись инеем. Пришлось подвинуться ближе и сушить волосы у огня.

Маленький, но старый кедр воткнули прямо в снег перед костром. Я прикрепил к нему огарки – свечей давно уже не было. Достала специально сохранявшиеся к этому случаю коробку печенья, плитку шоколада, чай и полбутылки красного вина. Была целая бутылка, да замерзла, пробка выскочила, и часть вина пролилась.

Устроила на чемодане, покрыв его белой бумагой, «стол». Всех нас в чуме было девять человек. Манкыль, тоже вымытый, выпавшийся за

дорогу, сидел рядом со мной. Зажгла «елку», разлила всем в чашки понемножку вина, раздала печенье и по кусочку шоколада... И вот стрелки часов на руке показали двенадцать. Я встала, и Гумату, как мы раньше уговорились, начал ударять по подносу. Все за мной подняли чашки с вином. Вот двенадцатый удар...

– С Новым годом вас поздравляю! – сказала я торжественно по-русски. Ничего не поняли, но все выпили с удовольствием. Налили хорошего душистого чая и моментально уничтожили печенье...

Мужчины пошли закалывать оленя. Я вышла вслед за ними. Мороз усилился. На севере горело яркое сияние, потухая и снова вспыхивая. Зеленые волны таинственного света заливали тундру, тревожа ночь... Мысли неслись к Ленинграду, вспоминались родные, друзья...

Принесли свежее мясо и кровь в чум. Началось обычное пиршество. Даже я съела кусок сырого оленьего мозга – «кайму», из ножных костей оленя; вкусно, как свежее масло. Живописная группа самоедов с вымазанными кровью лицами и рядом догоравшая «елка» – своеобразная картина встречи Нового года в тундре...

Наутро не поехали дальше. Прибежал Качу, родственник Гумату, и громким шепотом произнес:

– Нум-ты! (Дикие олени!)

Сразу смолкли громкие разговоры, Гумату и Качу поспешно одели свои широкие и короткие лыжи, схватили винтовки и понеслись в тундру. Гумату недаром славится как меткий стрелок – наповал с одного выстрела убил оленя.

Вернулись они запыхавшиеся, но довольные и сияющие. Быстро запрягли нарту и поехали за мясом. Смотрю, хозяйка стала расчищать снег на священном месте «син»¹⁴ и приподняла крышку чума. Оказывается, мясо дикого оленя не вносят в дверь чума. Может кровь накапать, а олень дикий священен и кровь его топтать нельзя, особенно женщине – заболеть может.

Когда привезли оленя, уже разрезанного на куски, все высыпали из чумов навстречу, поставили нарты рядом со священными нартами и начали кланяться, по обыкновению, оленьему мясу. Затем куски мяса протаскивали в сделанное в стенке чума отверстие и клали на «син»,

¹⁴ Священное место «син» – от очага до противоположной двери стенки чума шириной в аршин. Женщина туда ступать не может.

часть положили варить. Ели, сидя на корточках, и после еды все, даже женщины, тут же мыли руки, а стружки, вытерев ими руки, бросали в огонь. Настоящий праздник получился.

Гумату и Качу оживленно рассказывали об охоте, вспоминали охотничьи подвиги, сказки рассказывали. Мне тоже было приятно отдохнуть от постоянной езды. Удачная охота развлекла и меня.

Новый год! Теперь скоро весна, скоро и встреча с русскими.

«Куропаткин чум»

Наступил март. Работа среди самоедов закончилась. Еду Тазовской тундрой к русским, в Хальмер-Седе – есть такое местечко за Полярным кругом, на берегу Тазовской губы. Туда пароходом раз в год привозят партию русских на рыболовные угодья Обтреста и оставляют до следующей осени. Назад я решила возвращаться по побережью Обской губы в Обдорск, а не в Сургут. Тороплюсь ехать, так как боюсь, что не смогу добраться до распутицы в Тюмень, а от Обдорска до Тюмени нужно сделать на лошадях 1800 верст.

Везут меня теперь тазовские самоеды-юраки. В условленных местах самоеды сменяют оленей.

Мучит жажда. Второй день без воды, чумов нет, а снег не помогает: сколько его ни глотай, все пить хочется.

Возница говорит, что больше смены оленей не будет. Поэтому ночью остановились – нужно, чтобы олени отдохнули. Покорно соглашаюсь, хоть и хочется поскорее добраться до русских. Мороз ниже 40⁰, ртуть давно замерзла.

Место для ночлега выбрали среди немного холмистой тундры, нигде ни деревца. Очень хочется пить. Скатываю снежные шарики и глотаю. Один самоед немного говорит по-русски.

– А где же спать будем? – спрашиваю.

– В «куропаткином чуме», – отвечает он и смеется.

«Куропаткин чум» – это жилье белой куропатки – снег.

Постелили мой брезент на снег, положили на него олени шубы. Я улеглась прямо в одежде, меня сверху закрыли шубами, собранными мною для музея, а затем... засыпали снегом.

Попросила только не зарывать голову.

– Озябнешь, под снегом теплей будет, – уговаривают меня.

Но я не могу, как-то неприятно думать, что будешь совсем зарыта...

Товарищей же своих самоеды зарывают целиком, а последняя пара будет спать «валетом», ноги друг другу в шубы.

Проснулась ночью, озябла почему-то одна нога. Приподнялась. Кругом широко расстилается тундра, вся освещенная ярким северным сиянием.

Утром решили, что я поеду на легкой нарте, иначе еще лишний день нужно будет ехать, а обоз мой придет позже.

Олени раскопали снег, ища себе корма. Мои подводчики решили развести костер из низеньких ползучих березок. На растопку пожертвовала одну берестяную коробочку из своей коллекции. Увы, пока горела коробочка – и огонь горел, а потом сырые сучья не разгорались. Но все же удалось в чайнике растопить немного снега. Мне досталось полкружки воды.

Выбрали четверку сильных оленей, остальных оставили пастись. Уселись мы на маленькой нарте вдвоем с возницей, еле поместились, и помчались на север.

– К русским! Сегодня я буду уже в настоящем доме!

От ожидания скорой встречи я даже меньше ощущала холод. Олени быстро неслись, тундра горела на ослепительном солнце, полозья кричали «домой, домой». Ничего, что еду в незнакомые места, все же к своим, к русским еду. Здесь каждого человека встретят с радостью.

Главное, зима позади. Впереди столько света, тепла и солнца!..

Об авторе. Митусова Раиса Павловна (1894, Санкт-Петербург – 9.12.1937, Новосибирск), этнограф. Окончила Петроградский университет, работала в этнографическом отделе Русского музея. В 20-е годы совершила несколько поездок на Тобольский Север, вела этнографические и антропологические исследования среди хантов бассейна реки Аган и лесных ненцев, собрала коллекции предметов быта этих народов, хранящиеся в музее этнографии в Санкт-Петербурге. В 1930-е гг. работала директором и научным сотрудником Кемеровского краеведческого музея. В 1937 г. была арестована и расстреляна. В 1957 г. реабилитирована.

Кроме публикуемого очерка, Р.П. Митусовой написаны и другие работы о нашем крае: Поездка на Обь-Тазовский водораздел // Этнографические экспедиции 1924-25 гг. – Л., 1926; Медвежий праздник у аганских остяков Сургутского района Тобольского округа // Тобольский край. – 1926. – № 1; Аганские остяки // Урал. Свердловск. – 1926. – № 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание «Краеведа» – приложения к газете «Новости Югры» 1995-2000 гг.

Округ в целом

Остяко-Вогульский национальный округ. Год 1936-й: (По страницам областной газеты «Омская правда»). – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 5. – Из содерж.: На лыжах за собаками; Хаты-лаборатории на Севере; Искусство народа манси; Плавающие культбазы; Художники из хантэ и манси; Первая рама Белогорского комбината.

Остяко-Вогульский национальный округ. Год 1937-й: (По страницам областной газеты «Омская правда»). – 1999. – № 11 (14 нояб.). – С. 5. – Из содерж.: Почтовый тракт Тобольск – Нахрачи; Новые сорта консервов; В научные экспедиции.

Странички из жизни округа. Год 1935-й: (Из подшивки областной газеты «Омская правда»). – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 4. – Содерж.: Строительство Белогорского комбината развернется в 1936 году; Рост библиотек Севера; Детский санаторий в Остяко-Вогульске; Ондатра в Березовском районе; Электричество в тайге.

Населенные пункты

[Белобородов В.] Березовские хроники: Жизнь Березовского уезда в первом десятилетии XX в. в публикациях газеты «Сибирский Листок». – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 9-10.

[Белобородов В.] Из самаровской хроники конца XIX – начала XX вв.: (По страницам старых газет). – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 6.

Белобородов В. По улицам старинного села. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 3-6.

К 360-летию города Ханты-Мансийска.

[Белобородов В.] Самаровская власть: (По литературным источникам). – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 6. – Библиогр.: 6 назв.

[Белобородов В.] Молодой Остяко-Вогульск: (Из подшивки областной газеты «Омская правда» за 1935 год). – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 4.

Документы рассказывают: Из истории образования Ларьякского района / Подгот. к печати Л.В. Набокова. – 1997. – № 9 (6 сент.). – Содерж.: Из протокола № 22 расширенного заседания Президиума Ларьякского Тузрика ЗапСибкрая, состоявшегося 14 сентября 1931 года; Постановление по докладу тов. Таравского о принятии Ларьякского района: Приложение к протоколу № 25 §11 Остяко-Вогульского окружного ОргБюро от 17/Х – 31 г. – Окончание. Нач. в № 8.

Калашникова В.П. Судьба моя, Бобровка / В.П. Калашникова, В.М. Родионова. – 1997. – № 6 (24 мая). – Окончание. Нач. в № 4/5.

Воспоминания о прошлом поселка и судьбах его жителей, к 50-летию со дня образования.

Клячкин В.Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии: (По статистическим данным). – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 10. – Окончание. Нач. в № 8 за 1997 г. – Содерж.: 5. Одежда, обувь, пища и питье; 6. Занятия жителей: торговля, промышленность, земледелие и скотоводство; Об авторе и его работе; 10. Состав населения.

Константинов В. Ягурьях: страницы жизни. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 3.

Ханты-Мансийский район.

Корепанов Е.Г. Краткое описание из истории села Самарово. (1900–1960) / фото В. Загваздина. – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 6-7.

Корчагин Е.Е. Из истории Бобровки. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 3.

Воспоминания старожила Бобровки о труде и быте спецпереселенцев на Севере.

Мадьярова М. «Самарово в историю вошло началом города Ханты-Мансийска». – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 2.

Ответы на вопросы викторины с одноименным названием, посвященной 360-летию города Ханты-Мансийска.

Мальчиков А.К. Он мне дорог с давних лет: Из архива бывшего первого секретаря Березовского райкома КПСС. – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 3, 6. – Содерж.: Год тридцать пятый; Год сорок первый; Запись из дневника.

Воспоминания автора – непосредственного участника открытия первого Западно-Сибирского газового месторождения.

Михайленко А.К. Создадим общими усилиями летопись Березова! – 1995. – № 1. – С. 1.

Нижневартовск в вопросах и ответах. – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 5.

Ответы членов Исторического общества г. Нижневартовска на вопросы школьников и их родителей, к 25-летию города.

Пластинин Н. Поселок Кировск: (1947-1968 гг.). – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 6.

История исчезнувшего поселка, Ханты-Мансийский район.

Пластинин Н. Реполово в 1906-1913 гг. – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 4.

Ханты-Мансийский район.

Пластинин Н. Реполово в шестидесятые годы: Невод памяти. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 5.

Ханты-Мансийский район.

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 5. – Содерж.: Лыткин Н. Путевые заметки: Село Самаровское. – Перепеч.: Тобольские губерн. ведом. – 1980. – № 34. – С. 13.

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1995. – № 3 (май). – С. 3. – Содерж.: Скалозубов Н. «От Тобольска до Обдорска»: Село Реполово; Село Базьяны; Село Самаровское.

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 7.

История села Самарово.

Самаровский район в 1926 году: (в свете статистики) / Публ. подгот. Л. Набокова. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 6.

Степанова Т. Сытомино: (К истории северного селения). – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 6.

Сургутский район.

Тахтуева А. Угутские воспоминания. – 1997. – № 12 (16 дек.). – С. 3.

История поселка Угут (Сургутский район), в т.ч. национальной школы.

Шабаршина Н. Деревня Ванзеват. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 5.
Белоярский район.

Краеведение

Белобородов В. Краеведческие чтения. – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 3.

О краеведческих чтениях, посвященных выходу в свет словаря «Ученые и краеведы Югры», которые состоялись в окружной библиотеке.

[Белобородов В.] Северное краеведение сегодня. – 1997. – № 8 (26 июля). – С. 4-5.

О проблемах современного краеведения и возможных путях их решения.

Демидова Н. Общее дело нижевартовских краеведов. – 1998. – № 3 (23 мая). – С. 3.

О ежегодных краеведческих чтениях, проходящих на базе Нижневартовской центральной библиотеки.

Денисенко В. Если ты полюбишь Север... – 1995. – № 1 (8 апр.). – С. 6-7. – Содерж.: Из письма к В.Г. Балину; В районе озера Нум-То: (Отр.); Рыбе Нум-То найден водный путь.

Работы казымского краеведа Василия Семеновича Денисенко, оставившего заметный след в культуре Севера.

Дмитриев-Садовников Г. Изучение Родины. – 1996. – № 4 (16 апр.). – С. 6-7.

Публицистическая статья учителя, краеведа, исследователя (опубликована в газете «Земля и воля», 1918) об образе жизни остяков, обучении их детей, необходимости организации просветительской работы, изучения родного края.

Константинов В. Краеведение в 30-е годы. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 6.

Об организационном оформлении краеведения в окружном масштабе с конца 1934 года.

Краеведение в Тобольской губернии в начале XX века: (По материалам газеты «Сибирский листок»). – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 5.

Необходимость изучения Тобольской губернии. – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 6. – Перепеч.: Ведомости Тобольского губернского комиссариата. – 1918. – окт. (№№ 14, 15).

Автор статьи призывает положить в основу развития производительных сил губернии всестороннее изучение края с участием местных сил.

План работы на 1936 г. краеведа мансийской Сосьвинской культбазы М.А. Воскобойникова. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 3.

Скалозубов Н. О содействии сельской интеллигенции делу изучения природы: Из истории краеведческой мысли. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 4. – Перепеч.: Тобольские Епарх. Ведомости. – 1899. – № 5.

Тобольский Север на страницах газеты «Уральский рабочий»: [1925–1927 гг.]. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 5. – Содерж.: На Тобольском Севере; Передвижная школа; Суд на инородческом языке; Новая карта Обь-Иртышского бассейна; Накануне пуска Тобольской консервной фабрики; Землеустройство Тобольского округа.

Учреждены почетные звания для краеведов: Положение о присуждении звания «Бакалавр краеведения» научно-исследовательского центра (Меншиковского института) фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова. – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 4.

Церковь и северное краеведение. – 1995. – № 3 (май). – С. 4-5. – Содерж.: Тверитин Иван Яковлевич; Тверитин И.Я. Когда открыто хлебопашество и кем.

О священнике Богоявленской церкви с. Юганское (Сургутский р-он), краеведе, исследователе-земледельце И.Я. Тверитине (1806 – ок. 1884).

Шульц Л.Р. О необходимости краеведческой работы на Тобольском Севере: Из истории северного краеведения. – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 6.

Путешествия. Экспедиции.

Белобородов В. Ожившая фотография. – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 8.

О политссыльных Моисее Гершевиче Корсунском и Алексее Ивановиче Галкине.

Опальный исследователь. – 1996. – № 4 (16 апр.). – С. 5. – Содерж.: Корсунский М.Г. С Конды. – Перепеч.: Сибирский Листок. – 1908. – № 74, № 113.

Об экспедиции на р. Конду, предпринятой в 1908 г. шестью самаровскими политссыльными во главе с М.Г. Корсунским.

Сенкевич Э. В стране вогулов: Условия путешествий по Тавдо-Кондинскому краю: путевые заметки врача. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 15-16. – Из содерж.: Об авторе.

Тандалов В. Изучайте свой край! – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 4. – Перепеч.: Сталин. трибуна. – 1955. – 2 сент.

О краеведческом походе, совершенном группой учащихся Леушинской средней школы (Кондинский р-он).

Дневники. Переписка. Воспоминания

[Белобородов В.] «Краевед, краевед, не отпирайтесь». – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 5.

О переписке березовского краеведа Василия Ивановича Таскаева с учителем Федором Филипповичем Ларионовым и его женой Марией Андреевной.

Белявская Е. Малица-кольчуга; Хитрый разведчик; Побег Хорова: Невод памяти. – 1998. – № 8 (27 окт.). – С. 6.

Записанные автором воспоминания о Казымском восстании и побеге односельчанина из трудармии во время Великой Отечественной войны.

Весть с родины. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 7. – Содерж.: Кузнецов М.Н. [Письмо к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву].

Письмо односельчанина к автору книги «Самарово: село Тобольской губернии и округа...», с приложением плана с. Самарово и Самаровской волости.

Кузнецов А. Друг мой, конь. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 7-8.

Кузнецов А. За хвощом: (Из впечатлений далекого детства). – 1998. – № 5 (23 июля). – С.6.

Письма В.Н. Герасимова к Н.Л. Скалозубову. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 3-4.

Письма священника Богоявленской церкви Березовского уезда к консерватору Тобольского губернского музея.

Письма с Родины. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 12-14.

Письма из Самарово в Петербург к Х.М. Лопареву от брата Ильи Мефодьевича и племянника Петра Ильича Лопаревых.

«С истинным почтением П.В. Земцов»: (Письма к Н.Л. Скалозубову и Х.М. Лопареву). – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 11-13.

Письма Петра Васильевича Земцова, сына самаровского торгового крестьянина В.Т. Земцова к тобольскому губернскому агроному Николаю Лукичу Скалозубову, хранителю фондов Тобольского губернского музея, вдохновителю просветительской и научной деятельности и Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву в Петербург.

Самаровский корреспондент Х.М. Лопарева. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 22. – Содерж.: Кузнецов М.Н. [Письмо к Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву].

Силин А. По обычаям предков: [Очерк]. – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 7-8.

О случае похищения учительницы М. Бисаркиной, происшедшем в начале 1938 г. в Угутской национальной школе-интернате.

Степанова Т. Моя любимая река. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 6.

Воспоминания бывшей учительницы о жизни на Севере.

Степанова Т. Обь в непогоду. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 6.

Воспоминания о поездке, состоявшейся в 1944 г. из пос. Песчаного в с. Тундрино для получения продовольственных карточек, денег и почты.

Сургутсков А. Как меня флотскому делу учили. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 4.

Воспоминания почетного работника речного флота.

Природа

Белявская Е. Еще о медведях: Соседи по планете. – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 5.

Заплатин М. Весна в таежном Зауралье. – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 6.

Заплатин М. Встреча с росомахой. – 1995. – № 1 (8 апр.). – С. 8.

Заплатин М. Зима в таежном Зауралье. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 6.

Истомин Я. Пришла весна; На лесной проталине: [Очерки] / Фото М. Заплатина. – 1995. – № 3 (май). – С. 8.

Канев Н. Единоборство; Нашлась потеря! Дружок; Приключение лисенка: [Очерки]. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 16.

Канев Н. Орленок... обиделся; На окраине Сургута; О блудном Трезоре: Соседи по планете: [Очерки]. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 12.

Маковецкий П. Северные архивы: (Отрывки). – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 8. – Содерж.: Когда исчезли на севере речные бобры? «О траве крапиве и производимом из оной изделии».

Пластинин Н. Обошлось: Соседи по планете: [Встреча с медведем]. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 6.

Проделки косолапого: Соседи по планете / зап. Е.А. Белявская; фото М. Заплатина. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 6.

Стрельникова О. Заповедник «Юганский». 15 лет. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 5-15.

Геология. Геофизика

Белобородов В. [Исполнилось 60 лет старейшему геологическому предприятию округа – Полярно-Уральскому]. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 1.

Ивачев К. Невод памяти: С Гуголем по Сургутскому району: (Воспоминания участника юганской разведки). – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 4.

Рассказ сургутского старожила, несколько месяцев проработавшего в 1935 г. в нефтеразведочной партии на Югане под руководством геолога Р.Ф. Гуголя.

Юганская разведка: (Из сообщений областной газеты «Омская правда» за 1935 г.). – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 4.

О начале проведения геологоразведочных работ в Сургутском районе.

Сельское хозяйство

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 6. – Прим.: Из работы А.А. Дунина-Горкавича «Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере».

Охота, рыболовство

Корепанов Г. Устройство орудий и общие промысловые занятия в Самаровской и Елизаровской волостях. – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 6. – Окончание. Нач. в № 10 за 1997 г. Куклин С.А. Краткий обзор охоты в Сургутском крае: (Отрывок). Белка. – 1996. – № 7 (25 июля). – С. 8.

Сургутсков А. Весновка. – 1998. – № 3 (23 мая). – С. 6.

Невольный сургутянин. – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 5. – Содерж.: Белобородов В. [О Ю.Н. Подбельском]; Подбельский Ю.Н. Весенняя охота; С паями туго; Первые шаги интеграла; Дела охотничьи.

О местном промысловом хозяйстве, изменении способов эксплуатации природных ресурсов в начале 20-х годов XX в.

Здравоохранение

Доронина К.П. Воспоминания о работе в органах здравоохранения / Публ. Д.П. Дорониной. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 7. – Окончание. Нач в № 1.

История. Археология

Балин В.Г. Таежная драма. – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 5.

Воспоминания о казымских событиях 1933-1934 гг.

[Белобородов В.] Деловая и общественная жизнь Тобольской губернии на рубеже XIX и XX веков: (По страницам тобольской периодики). – 1996. – № 7 (25 июля). – С. 6.

[Белобородов В.] Деловая и общественная жизнь Тобольского Севера на страницах газеты «Сибирский листок» (1912-1916 гг.). – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 12.

[Белобородов В.] История глазами очевидцев / Беседа с проректором по научной работе Западно-Сибирского гуманитарного института (г. Надым) В.Н. Гриценко. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 4.

Об историко-краеведческой программе «Мой край в двадцатом веке: история глазами очевидцев».

Березовские конфискации / Публ. подгот. Л.В. Набокова. – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 4.

О конфискации имущества зажиточной части населения после ликвидации крестьянского восстания 1921 года.

Вязовская Г. Перегребное – молодое и очень древнее. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 1, 4, 5, 6.

Об археологических раскопках, проводимых Северным отрядом Уральской археологической экспедиции.

Заложничество в 1921 году / Подгот. к печати Л.В. Набокова. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 7.

О последствиях крестьянского восстания в Тюменской губернии в 1921 году.

Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года: (К 75-летию события). – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 4. – Библиогр.: 12 назв.

Из копилки истории: (По страницам окружной газеты). – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 3. – Содерж.: Изучайте свой район. Ландау Ж. На спичечной фабрике.

Как искали знамя Ермака / Публик. подгот. Т. Панова. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 4.

Княжеские реликвии. – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 5. – Перепеч.: Голошубин И. От Березова до Обдорска // Тобольские епарх. ведомости. – 1895. – № 3. – С. 45-46.

О реликвиях инородческих князей, юрты Князевские.

Когда началась война. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 12.

Воспоминания представителей старшего поколения д. Вата Нижневартовского р-на в записи активистов школьного музея под руководством Т.В.Великородовой.

Комф А. Будем надеяться. – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 5.

О раскопках близ г. Лянтора, проведенных отрядом Уральской археологической экспедиции и необходимости создания единой программы археологических исследований на базе музеев.

Морозова И. Живой голос книги приказов. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 3.

О приказах по Сосьвинской мансийской культбазе, хранящихся в Березовском районном архиве.

Муниципализация в Березовском районе. 20-е годы / Публ. подгот. Л.В. Набоковой. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 5.

Набокова Л. Самаровские конфискации. – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 4.

О последствиях крестьянского восстания 1921 г. – конфискации имущества у участников, лиц, добровольно ушедших с повстанцами, а также расстрелянных за «причастность к контрреволюционной организации».

Октябрьскому району – 60 лет: (Из довоенной истории: цифры и факты) / Сост. Г.И. Макарова. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 3.

П.Р.С. Корреспонденция с Демьяна: (Внимание Тобольского Уездного Совета Крестьянских депутатов). – 1996. – № 6 (25 июня). – С. 8. – Перепеч.: Земля и воля. – Тобольск, 1918. – № 14).

Об упразднении Черемковской метеорологической станции Демьянской волости Тобольского уезда.

Петрушин А. В бессрочной ссылке. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 9. – Окончание. Нач. в № 3.

О советской ссылке в Сибирь, проводимой на государственном уровне по признакам классовой и национальной принадлежности.

Петрушин А. Тайна «золотого парохода». – 1996. – № 7 (28 авг.). – С. 3. – Окончание. Нач. в № 6.

О судьбе Павла Афанасьевича Россомахина – учителя, исследователя края, офицера, директора Тюменского педагогического техникума (1924), помощника начальника оперативного отдела в штабах фронтов во время Великой Отечественной войны. О человеке, которому достался дневник штабс-капитана Киселева, участника операции по сокрытию сокровищ Российской империи.

Петрушин А. Шаманы Севера. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 5.

Показания, данные в 1934 г. остяком из юрт Сумутнельских Полноватского туземного совета Березовского района И.А. Юминым следователю ОГПУ.

Рощевская Л.П. Гонение политических ссыльных в Сургуте. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 7-8.

Текст петиции ссыльных революционеров министру внутренних дел России.

Рощевская Л.П. Тобольские краеведы и 100-летний юбилей восстания декабристов. – 1996. – № 12 (24 дек.). – С. 6-7. – Библиогр.: 10 назв.

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 8. – Перепеч.: Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. – Тюмень: Изд. И.И. Игнатова, 1878.

Самарово и Самаровская волость в воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX – начала XX веков. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 8. – Перепеч.: Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова // Зап. Имп. Русск. Геогр. О-ва. – 1879-1880.

Север Тобольской губернии на Всероссийской Нижегородской выставке 1896 г. – 1996. – № 12 (24 дек.). – С. 8.

Скалозубов Н. Несколько слов о самодеятельности населения. – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 6. – Перепеч.: Сиб. Листок. – 1905. – № 66.

Публицистическая статья крупного сибирского общественного деятеля, тобольского губернского агронома, организатора музейной и краеведческой работы в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв., в которой дается оценка сибирского торгового дела, говорится о дефиците частной инициативы гражданского общества.

Созонов Ю. Поляки в Ханты-Мансийске. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 6-7.

История пребывания поляков, сосланных в наш край в 1939-40-е годы, по воспоминаниям очевидцев и личным наблюдениям автора.

Худяков И. Дух преобразований. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 5.

Письмо И.Л. Худякова, бывшего председателя Сургутского райисполкома и заведующего первым красным чумом Комитета Севера на реке Аган к Ф.Я. Показаньеву в ответ на просьбу прислать воспоминания для формирующихся фондов Сургутского краеведческого музея.

Худяков И.Л. Красный чум в тридцатые годы. – 1997. – № 12 (16 дек.). – С. 6.

О красном чуме – мобильном отряде специалистов, задачей которых было медицинское и культурное обслуживание коренного населения.

Худяков И.Л. «Лечить, учить и раскулачивать». – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 4. – Окончание. Начало в № 8.

Записки автора о его деятельности в должности заведующего красным чумом среди ханты рек Салым и Аган в Сургутском районе.

Этнология

Белявская Е. Гроза в представлениях хантов / рис. А. Сургутскова. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 6.

Волдина А. Ханты реки Батлымки. – 1997. – № 8 (26 июля). – С. 8-9.

Дмитриев-Садовников Г. С реки Ваха Сургутского уезда: Отр. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 6.

Об обычаях и верованиях остяков.

Карьялайнен К.Ф. У остяков: Из копилки истории. – 1995. – № 4. – С. 6.

Отрывок из работы финского ученого, посвященной обучению коренного населения (опубликована в журнале «Сибирские огни». – 1911. – № 50-52).

Кошурникова А. Лесные ненцы на территории Нижневартовского района / А. Кошурникова, В. Потиха. – 1996. – № 8 (27 авг.). – С. 2.

Отрывок из работы «Элементы традиционной культуры в жизни современных оленеводческих стойбищ лесных ненцев», подготовленной по материалам экспедиции по родовым угодьям Ю. Айваседы, С. Айваседы, О. Айваседы.

Крюкова Н. «Куренька». – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 5.

О хантыйских песне и танце с одноименным названием.

Крюкова Н. Носители хантыйской культуры. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 2.

О хранителях национальной культуры – К. Маремьянине, А.А. Ангашупове, руководителе ансамбля «Северное сияние», Д.Г. Агееве, руководителе фольклорного ансамбля «Лесная сказка» и др.

Лапсуй В. Народная медицина пимских ханты. – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 4.

Лапсуй В. Рыбная кухня пимских хантов. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 15.

Молданов Т. Боги земли казымской / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 3 (май). – С. 7.

Молданов Т. Богиня Ар хотанг ими / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 7.

Молданов Т. Богиня Калташ / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1996. – № 6 (31 авг.). – С. 7.

Молданов Т. В белоснежную шапку одетый Вэйт / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 7.

Молданов Т. В облике клыкастого зверя вэрт / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 4.

Молданов Т. «В черную шапку одетый Хинь вэрт» / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 6.

Молданов Т. Вэрт с глазами как полная Луна / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 8.

Молданов Т. Дух реки Казым / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 4. – С. 7-8.

Молданов Т. Многочисленных рыб раздающий Хоймас / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 7.

Молданов Т. Светлой волнообразной саблей карающий вэрт / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 6.

Молданов Т. У порога священного камня великий вэрт / Т. Молданов, Т. Молданова. – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 7.

Молданова Т. О чем поведал медведь. – 1995. – № 1 (8 апр.). – С. 2.

О Медвежьих игрищах, проведенных в юртах Ларломкиных Сургутского района.

Молданова Т. Отражение новых явлений жизни в современном фольклоре хантов. – 1996. – № 8 (27 авг.). – С. 7-8. Окончание. Нач. в № 7.

Молданова Т. «Религия югорских народов». – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 11.

Молданова Т. Южно-хантыйская вышивка. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 2-3.

Морозов-Уральский С. Праздник «Хозяина леса»: Из копилки истории. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 3-4. – Перепеч.: Народы Северного Урала. – Свердловск, 1937.

О медвежьем празднике.

Парганов Н. Вежакары – «Священный город». – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 4.

Об одном из святых мест угров на Оби – «священном городе» Вежакары.

Силин А. Сургутские ханты: (Из записок 1932-40 годов). – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 5. – Содерж.: Нравственность; Обычай; Верования, боги и шаманы.

Тахтуева А. Огонь в жизни юганских ханты. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 6.

Хромова А. Путевые впечатления. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 5.
О поездке в Березовский район для изучения материальной и духовной культуры сосвинских манси.

Хромова А. Фестиваль ремесел. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 3.

О фестивале, прошедшем в венгерском городе Залаэгерсег.

Промышленность

[Белобородов В.] Заготовка пароходных дров в начале лета: (К 200-летию Лесного департамента России). – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 4.

Богданова Н. От наркомпищепрома до наших дней. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 6.

История Нахрачинского экстрактно-варочного завода (Кондинский пищекомбинат).

Консервное заведение Плотниковых: По страницам газеты «Сибирский Листок». – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 23-24.

О второй консервной фабрике в Тобольской губернии, открытой в 1898 г. торговым домом «Михаил Плотников и сыновья».

Корепанов Е.Г. Начало промышленных лесозаготовок: К 200-летию Лесного департамента России. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 5.

Макарова Г. Местная промышленность Октябрьского района в 40-60 гг.: К 60-летию образования района. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 16.

Торговля

Гиль Г. Книжная торговля в Ханты-Мансийске. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 4.

Демин А. [Окно в Европу]. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 5.

Об установлении сибирским предпринимателем, исследователем А.М. Сибиряковым в конце XIX века торговых отношений с Англией.

Сибиряковский путь через Урал. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 5.

О налаживании путей сообщения для торговли с Европой (конец XIX в.).

Транспорт

Первым делом – самолеты: По страницам газеты «Омская правда» за 1935 год. – 1999. – № 1 (2 февр.). – Содерж.: Первый самолет над Сургутом; Самолет Остяко-Вогульского округа; Самолет над тайгой; Зыков. Оборудована посадочная площадка; Кадесников. Самолет вылетел в Самарово.

Благотворительность

[Белобородов В.] «Имею честь препроводить посильную лепту». – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 6.

Подборка сообщений о пожертвованиях на культурные и просветительские нужды (XIX – начало XX вв.).

Культура

Белобородов В. Моя библиотека: (5 августа 1934 г. при Остяко-Вогульском туземном доме открылась окружная библиотека). – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 4.

[Белобородов В.] На радость библиофилам. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 1.

О выставке документов из фонда Государственной публичной исторической библиотеки «И прошлое толкует нас...», прошедшей в окружной библиотеке.

Белобородов В. Нас вновь приглашает библиотека. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 1.

О выставке редкой краеведческой книги «Округ в калейдоскопе эпох», открывшейся в окружной библиотеке в преддверии 65-летия округа.

Белобородов В. «Северная фантазия». – 1995. – № 3 (май). – С. 2.

О выставке детского творчества, г. Мегион.

[Белобородов В.] Такие книги нужны. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 3.

О краеведческих чтениях по книге «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века», состоявшихся в окружной библиотеке.

«Жертвуйте, все сочувствующие полезному начинанию!»: Из истории Березовской Пушкинской общественной библиотеки. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 4.

Отрывки из «Березовских писем» и «Березовских хроник» А. Штернберга, опубликованных в начале XX в. в газете «Сибирский Листок» и

извлечение из отчета заведующего библиотекой П.Н. Грязнова о результатах первого года деятельности.

Кайгородова В. Летопись библиотеки. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 6.
История Ханты-Мансийской районной библиотеки.

Кайгородова М. «Югра художественная»: Замысел и воплощение. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 6.

Об окружной выставке с одноименным названием, состоявшейся в г. Лангенесе.

Константинов В. Праздник в Березово. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 3.

О праздновании 100-летия Березовской библиотеки им. Пушкина – первой публичной библиотеки на территории округа.

Кошкарлова М. «Сдать библиотеку совершенно невозможно»: Из копилки истории. – 1998. – № 8 (27 окт.). – С. 5.

Письмо учительницы Нахрачинской школы Тобольского уезда о необходимости оставить школьную библиотеку в селе (1919 г.).

Лазарева Л. Краеведение как фактор формирования регионально-го самосознания: [Беседа с Т.В. Пуртовой, заведующей краеведческим отделом Ханты-Мансийской окружной библиотеки]. – 1999. – № 2 (2 февр.). – С. 3-4.

Об истории формирования, структуре и развитии фонда краеведческой литературы, формировании регионального самосознания.

Лазарева Л. Творчество как средство возвращения к самому себе: [Беседа с Г.С. Райшевым, художнике, заслуженном деятеле культуры округа]. – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 5.

Мадьярова М. Библиотека и современность. – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 6.

Об окружном совещании директоров централизованных библиотечных систем «Библиотеки и современность».

Мадьярова М. Встреча в окружной библиотеке. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 3.

О мероприятии, посвященном знакомству с книгой «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века».

Мадьярова М. История и современность. – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 3-4.

О краеведческой деятельности Ханты-Мансийской окружной библиотеки.

Мадьярова М. К итогам уходящего года. – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 3.

О деятельности Ханты-Мансийской окружной библиотеки в 1998 году.

Мадьярова М. Новости библиотечной жизни. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 1.

О Ханты-Мансийской окружной библиотеке.

Михайленко А.К. [О судьбе художника Соколова А.А. и его картинах, найденных при ремонте школы в Березове (1990)]. – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 1.

Мурашова Н. Дом книги. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 3.

Об открытии филиала Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника – музея книги.

Немысова Е. Общество М.А. Кастрена в России. – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 3.

О деятельности общества (г. Хельсинки, Финляндия), целью которого является установление и укрепление контактов между финнами и народами в России, исполнении «Программы действий по поддержке народов России и их культур».

Пуртова Т. Библиотека-2000. Проблемы выживания и развития. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 5.

Об одноименном окружном совещании директоров централизованных библиотечных систем.

Пуртова Т. Краеведческая работа библиотек округа. – 1995. – № 1 (8 апр.). – С. 3.

Пуртова Т. Курсы в Финляндии. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 2.

Об участии библиотекарей из финно-угорских республик России в научных курсах «Библиотековедение в Финляндии», г. Хельсинки.

Пуртова Т. Наш успех – в дружеских связях. – 1996. – № 7 (25 июля). – С. 2.

О творческих и деловых связях краеведческого отдела окружной библиотеки.

Субботина В. Ценный иконографический источник. – 2000. – № 12 (4 янв.). – С. 4.

О творчестве тобольского художника Михаила Степановича Знаменского (1833-1892).

Фарносова В. Глаза дома твоего. – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 3.

Об архитектуре домов г. Березова (ныне – пос. Березово), построенных в конце XIX в.

Фарносова В. Культурное наследие старинного города. – 1998. – № 8 (18 авг.). – С. 3.

Об истории Березово и концепции музея-заповедника «Березово».

Наука

Бардин Г. Пять лет институту обско-угорских народов. – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 4.

О деятельности научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов.

Белобородов В. Российскому Географическому обществу – 150. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 8.

Образование

[Белобородов В.] Дело о песке Соспас: К 100-летию Самаровской школы обработки рыбных продуктов. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 11.

Белобородов В. Домик на краю села. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 5. – Из содерж.: Носилов К. Самаровская рыболовная школа.

О школе по обработке рыбных продуктов В.Т. Земцова, С. Самарово.

Белобородов В. Зов земли. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 5.

Об учебно-опытном участке Ханты-Мансийской неполной средней школы № 3.

[Белобородов В.] Первый рассадник света культуры. – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 4.

О Березовском уездном училище и его педагогах.

[Белобородов В.] Растим патриотов. – 2000. – № 12 (4 янв.). – С. 3.

Об итогах смотра-конкурса школьных историко-патриотических музеев, посвященного 55-летию Победы в Великой Отечественной войне.

[Белобородов В.] Строгий экзамен. – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 6.

Протокол испытания учеников Самаровской школы обработки рыбных продуктов В.Т. Земцова 2 декабря 1901 года.

Белобородов В. Сургутский люпин: (Из истории юннатского движения). – 1996. – № 8 (27 авг.). – С. 6.

Белобородов В. Успеть бы спросить у бабушки. – 1995. – № 4. – С. 1.

О празднике «Заглянем в бабушкин сундучок», состоявшемся в Ханты-Мансийском доме детского творчества.

[Белобородов В.] Школа В.Т. Земцова: новые материалы. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 5. – Содерж.: Его Превосходительству Господину Тобольскому губернатору крестьянина Самаровской волости и того же села Василия Трофимовича Земцова Заявление; Именной список учеников, обучающихся в Самаровской рыбной школе.

[Белобородов В.] Юные краеведы Горноправдинска. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 4.

О краеведческом музее и ученическом краеведческой кружке при Горноправдинской средней школе.

Богданова Н. Уроки истории в музее. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 5.

В Кондинском краеведческом музее прошли уроки истории, посвященные Великой Отечественной войне.

Бонифатьева Г.Т. Вам, педагоги. – 1998. – № 3 (3 мая). – С. 4.

О деятельности музея народного образования при Тобольском государственном педагогическом институте им. Д.И. Менделеева.

Бубновский М.Я. Моя любимая первая школа: (Из воспоминаний старого педагога). – 2000. – № 12 (4 янв.). – С. 6.

О Ханты-Мансийской средней школе № 1.

Великородова Т.В. Вата – село русское. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 8.

О школьном музее С. Вата Нижневартовского района и краеведческой работе в школе.

Жолобов П. Из школьной жизни начала столетия. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 8. – Перепеч.: Тобольск. епарх. ведом. – 1911. – № 24.

Иванов И.А. Школьники на заготовке дров. – 1995. – № 4. – С. 3.

О труде учащихся Ханты-Мансийской средней школы № 1 в военные годы.

Каскин И.Н. Цингалинской школе – 90 лет. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 5.

Народное просвещение в Тобольской губернии на рубеже XIX и XX столетий на страницах газеты «Сибирский листок». – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 8.

Константинов В. В обществе умниц и умников: Заметки из жюри. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 5.

О результатах исследовательской работы школьников г. Ханты-Мансийска, объединившихся в научное общество учащихся, которая велась в 2-х направлениях: литературоведение и краеведение.

Константинов В. В школе имени А.С. Знаменского. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 4.

О мероприятиях, посвященных 101-й годовщине педагога А.С. Знаменского, состоявшихся в сургутской школе русской культуры, которая носит его имя.

Мудрость старины. – 1997. – № 8 (26 июля). – С. 2.

О празднике Масленицы, прошедшем в средней школе С. Вата Нижневартовского района.

Новая школа. – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 4. – Перепеч.: Тобольск. епарх. ведомости. – 1906. – № 18-19.

Об открытии в г. Березове в 1906 г. женской второклассной учительской церковной школы.

Панова Т.А. Пионер консервного производства. – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 5.

О школе по обработке рыбных продуктов в С. Самарово, учрежденной и содержащейся на средства крестьянина Василия Трофимовича Земцова.

Пестов С. В лагере. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 5. – Перепеч.: Сталин. трибуна. – 1941. – 6 июля.

О краеведческом походе на «Полуденную гору», совершенном группой учащихся Ханты-Мансийской средней школы.

Пономарькова А. На школьной сельскохозяйственной выставке. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 4.

В неполной средней школе № 3 г. Ханты-Мансийска организована выставка экспонатов, выращенных на пришкольном участке.

Протопопов М. Северное брожение. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 6.

О необходимости формирования «Северного отдела» при журнале «Просвещение на Урале», «в интересах общего оживления северной просветработы и планового руководства ею...».

Соляр О. Моя программа по родиноведению. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 1.

О программе по преподаванию предмета «История края».

Тимофеев Г.Н. Учителя, которых не забыть. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 4.

Об учителях, работавших в годы войны в школе-интернате Сосьвинской культбазы.

Щаденко Н.П. Школьный музей. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 3.

О музее при средней школе № 4 г. Нефтеюганска.

Этнопедагогика

[Белобородов В.] Касания цивилизации: Аборигены Севера в поле зрения сибирской прессы. – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 5. – Из содерж.: Творчество детей манси; Школа учителей для Крайнего Севера; Баландин А. Учителя хантэ и манси. Первый выпуск национальных учительских курсов / А. Баландин, П. Животиков.

Молданова Т. Детское стойбище «Мань ускве». – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 6.

О слете детей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов на базе детского этнографического стойбища.

Средства массовой информации. Печать

[Белобородов В.] В поле зрения редакции «Родины». – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 3.

О визите выездной редакции исторического журнала «Родина» в рамках программы сотрудничества между редакцией и комитетом по средствам массовой информации и полиграфии администрации округа.

[Белобородов В.] Бойцы вспоминают минувшие дни: К 65-летию Ханты-Мансийского радио. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 11, 21.

Письма ветеранов Великой Отечественной войны, отправленные в адрес окружного радио в 1969-1970 гг.

[Белобородов В.] Голос Остяко-Вогульска в предвоенные годы: К 65-летию окружного радио. – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 7. – Из содерж.: Готовимся к весеннему севу; Ресурсы местной промышленности: (Из выступления начальника местпрома А. Зайцева).

Подборка сообщений радио Остяко-Вогульска, переданных в 1940-1941 годы.

[Белобородов В.] Дни и ночи глубокого тыла: Документы эпохи. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 6.

Подборка сообщений радио Остяко-Вогульска, переданных в военные 1942 и 1943 годы.

[Белобородов В.] Эпизоды военной поры: К 65-летию окружного радио. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 4.

Документы, извлеченные из 183-го фонда Государственного архива округа.

Музеи. Архивы

Андреевских Л. Готовится к открытию мастерская Г.С. Райшева. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 2.

Об открытии филиала окружного краеведческого музея «Мастерская художника Г.С. Райшева».

Андреевских Л. Пора молодости лянторского музея. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 1.

Анриенко Л. Моя жизнь в музее: К 60-летию Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 1.

Андриянова Л. Березовскому краеведческому музею – 20 лет. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 3.

Арк М. На раскурку (о березовском архиве). – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 4. – Перепеч.: Ханты-Манси Шоп. – 1935. – 9 окт.

Бахлыков П.С. Осиротевший музей. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 5.

Письмо создателя краеведческого музея в с. Угут об истории создания музея.

[Белобородов В.] В сургутском городском архиве. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 3.

Белобородов В. Знакомые имена. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 10. – Окончание. Нач. в № 12 за 1996 г.

Исторические свидетельства о причастности исследователей нашего края к жизни окружного музея на ранних этапах его истории.

[Белобородов В.] Из музейной предыстории: (К 20-летию Березовского краеведческого музея). – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 4.

Подборка заметок из старых газет.

Белобородов В. Культурный центр города. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 1.

О Нефтеюганском краеведческом музее, получившем в 1989 г. статус государственного.

Белобородов В. Окружному краеведческому музею – 60. – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 1-2.

О межмузейной конференции «История и пути развития музеев Ханты-Мансийского автономного округа».

[Белобородов В.] «С товарищеским приветом И. Шабалин...»: Из истории окружного краеведческого музея. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 3, 6.

Белобородов В. [Сургутскому краеведческому музею...]. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 1.

О первом в России музее, избранном членом Международной биографической ассоциации (Англия).

[Белобородов В.] Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник: К 125-летию со дня основания. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 2.

В музеях округа и области: (По страницам газет). – 1998. – № 3 (23 мая). – С. 4.

Гасникова Н. Летописцы Нижневартовска. – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 5.

О городском краеведческом музее.

Знакомьтесь: Нефтеюганский краеведческий музей. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 4. – Содерж.: Мартемьянова И. Новая экспозиция «Югорское наследие: человек и природа»; Дзыгман Г. История формирования коллекций; Глушкова С. Художественный салон музея.

Кайгородова М. Музеи молодых городов. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 9-10.

О музейной деятельности в городах округа.

Кайгородова М. Музеи: проблемы и решения. – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 3-4.

Кайгородова М. Предметы археологии в музеях округа. – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 3-4.

Кондратьева В. С благодарностью вспоминаю... – 1996. – № 6 (25 июня). – С. 2.

О музее истории народного образования Сургута и Сургутского р-на.

Константинов В. Далекое – близко. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 1.

О выставке в Ханты-Мансийском окружном музее, посвященной истории села Самарово.

Костина Г. Сохранность документов под контролем. – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 3.

О деятельности Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа.

Курочкина Е. Отцовское наследство. – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 5.

Письмо дочери П.С. Бахлыкова, создателя Угутского краеведческого музея, об истории создания и сегодняшнем дне музея.

Лазарева С. Музей Природы и Человека. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 3.

О реорганизации окружного краеведческого музея в музейный комплекс окружного значения «Государственный окружной музей Природы и Человека».

Макарова Г. Октябрьскому государственному архиву – 60 лет. – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 2.

Малоземова О. Ханты-Мансийский музей – боль без надежды: Открытое письмо руководителям Ханты-Мансийского округа. – 1996. – № 12 (24 дек.). – С. 3.

Мурашова Н.А. Хранилище культуры прошлого. – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 6.

О научной библиотеке Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Набокова Л. Архивы на рубеже веков. – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 4.

О межрегиональной научно-практической конференции «Архивы на рубеже веков, их роль в исторической науке, практике управления обществом», г. Тюмень, 21 окт.

Набокова Л. Шаг за шагом: (Из истории окружного государственного архива). – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 1,4. – Окончание. Нач. в № 8.

Новикова Н. Библиотека музея: ее прошлое и настоящее. – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 5-6.

О библиотеке Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея.

Новицкая И. Хранилище исторической информации. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 3.

Об архиве Ханты-Мансийского районного ЗАГСа.

Павленко Н. Музей воспитывает человека. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 4.

О Мегионском городском историко-этнографическом музее.

Пархимович С. Окружной музей сегодня и завтра. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 2.

Панова Т. Хранилище сибирской истории. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 4.

К 80-летию Тобольского филиала Госархива Тюменской области.

Пухленкина Х.П. Командировки, выставки, экскурсии... – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 4.

Из воспоминаний бывшей научной сотрудницы окружного музея, заслуженного работника культуры округа.

Степанова Л. Ключевое слово: сотрудничество. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 2.

О Сургутском краеведческом музее.

Учинская А. Дар родной земле. – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 2.

Об Учинском этнографическом музее Кондинского района.

Фарносова В. Березовскому краеведческому музею – 20 лет. – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 3.

Худякова О. История формирования фондов Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 2-3.

Шатунова А. Коллекция письменных источников Сургутского краеведческого музея. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 2.

Языкознание

Белобородов В. Из почты «Краеведа». – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 5.

Дополнения к «Сургутскому словарю», в котором собрана информация об особенностях речи сургутян в 1940-1950-е гг.

Белобородов В. Непраздное слово о погоде: Сургутский словарь. – 1998. – № 3 (23 мая). – С. 5. – Окончание. Нач. в № 8 за 1997 г.

Белобородов В. Сургутский словарь. – 1997. – № 8 (26 июля). – С. 14; № 9 (6 сент.). – С. 14-15.

Белобородов В. Сургутский словарь. – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 8-9.

Особенности словаря детского общения.

Дробышев А. Что такое «Лангепас»? (топонимические заметки). – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 3.

Ромбандеева Е.И. Как язык сохранить. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 5.

О путях сохранения языков ханты и манси.

Религия

Гурбанов К. Художник – мечети Пыть-Яха. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 3.

О передаче художником Г. Грджяном мусульманскому храму Пыть-Яха рукописи корана на арабском языке.

Маковецкий П. Наказан ли колокол? – 1996. – № 8 (27 авг.). – С. 8.

О рассмотренном в 1836 г. деле «О доставлении сведений о имевшем на Сургутской Троицкой церкви колокольне колоколе, сосланном якобы с наказанием из России».

Набокова Л.В. Закрытие Ларьякской церкви. – 1998. – № 3 (23 мая). – С. 4.

Набокова Л.В. Из истории церквей Сургутского района. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 13, 21.

Набокова Л. «Приспособить для нужд образования». – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 6.

О судьбе церквей Самаровского района (ныне – Ханты-Мансийский) в 1920-30-е годы.

Нугуманов Э. Дела церковные. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 5.

Об археологических раскопках в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Березово.

Фольклор

Как землю выловили; Как ворон землю мерял: [Манс. сказки] / зап. В.Н.Чернецов. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 8.

Как храбрый Мыколка злого Мэнк-ики победил: [Сказка] / рассказала Е. Белкина. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 5.

Проза. Поэзия

Конькова А.М. Вожак Ивыр: Отрывок / рис. Г. Райшева. – 1996. – № 7 (25 июля). – С. 5.

Плесовских В. Старый и малый. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 4.

Отрывок из неоконченной повести.

Сенкевич Э. Памятные промахи и неудачи: [Очерк]. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 6.

Смольников А. Учителю С.Ф. Пестову: [Стихотворение]. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 6.

Тимофеев Л. Скульптор: П.Е. Шешкину: [Стихотворение]. – 1995. – № 4. – С. 5.

Литературоведение

Зуйков Б. «Как слово наше отзовется...». – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 8.

О романе М. Анисимковой «Порушенная невеста».

Молданова Т. Песни-стихи Тимофея Молданова. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 14-15.

Молданова Т. Созвучье струн сердечных. – 1998. – № 8 (27 окт.). – С. 5.

О повести А.И. Силина «Монти Танья», написанной по мотивам хантыйской легенды.

Трона жизни

Белобородов В. А.К. Трапезников. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 4.

Об Александре Константиновиче Трапезникове, краеведе.

[Белобородов В.] Б.К. Москаленко: К 95-летию со дня рождения. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 7.

О Борисе Константиновиче Москаленко, ихтиологе, докторе биологических наук, одном из крупнейших знатоков биологии сибирских сиговых рыб, директоре Обь-Тазовского отделения ВНИОРХа.

[Белобородов В.] В.Н. Чернецов. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 8.

К 90-летию со дня рождения Валерия Николаевича Чернецова, археолога, этнографа, педагога.

Белобородов В. Вид с капитанского мостика. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 8.

Об Андрее Дмитриевиче Сургутскове, капитане теплохода «Ленинский комсомол», почетном работнике речного флота, художнике, краеведе.

[Белобородов В.] Гавриил Гаврилович Корепанов: Самаровцы. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 8.

О самаровском крестьянине, принимавшем участие в обследовании лесов Тобольского Севера, занимавшемся огородничеством, опытом.

[Белобородов В.] Герасимов Василий Николаевич (1870 или 1871 – 1901): Церковь и северное краеведение. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 3.

О священнике Богоявленской церкви (Березовский уезд), исследователе края.

Белобородов В. Годы. Версты. Люди. – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 8.

К 90-летию со дня рождения Виктора Григорьевича Балина – одного из первых землестроителей округа, краеведа, автора исследований и исторических очерков.

[Белобородов В.] Д.П. Реут: К 60-летию со дня смерти: Безвестные краеведы. – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 15.

О Дмитрие Павловиче Реуте.

[Белобородов В.] «Деятельная интеллигентная сила»: Общественная деятельность А.Я. Штернберга в Березове в 1898-1901 гг. – 1999. – № 10 (14 окт.). – С. 6. – Окончание. Нач. в № 9.

- Об Аароне Яковлевиче Штернберге – враче, исследователе края.*
[Белобородов В.] За ревностную службу. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 3.
- О представлении к награждению серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте вахтеров (служащих Сургутских хлебозапасных магазинов) М.Т. Панкина и И.А. Кондакова (конец XIX – начало XX вв.).*
Белобородов В. Знаменский Аркадий Степанович: К 100-летию со дня рождения мыслителя, краеведа, учителя. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 6.
[Белобородов В.] И.Т. Нахтымов: Самаровцы. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 4.
- Об остяке Чагинских юрт Иване Тимофеевиче Нахтымове, члене-соревнователе Тобольского губернского музея.*
Белобородов В. Из истории окружного музея. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 2.
- О Митрофане Алексеевиче Воскобойникове, краеведе, директоре музея в 1940-1945 гг.*
Белобородов В. Из рода Пластининых. – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 4.
[Белобородов В.] Иртышские долгожители. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 6.
- Список долгожителей территории, большая часть которой входит в состав нынешнего Ханты-Мансийского района.*
[Белобородов В.] Исключительно крупный талант. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 4.
- О Порфирии Григорьевиче Терентьеве, уроженце Самарово, резчике по кости.*
Белобородов В. Исследователь природы Севера Сергей Алексеевич Куклин: (К 100-летию со дня рождения). – 1996. – № 7 (25 июля). – С. 7.
- Белобородов В. Краевед И.Н. Каскин. – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 5.
- О Иване Николаевиче Каскине, старейшем краеведе и педагоге округа.*
Белобородов В. Краевед П.Д. Агеенко. – 1996. – № 4 (16 апр.). – Содерж.: Агеенко П.Д. Письмо к директору заповедника «Малая Сосьва» Л.Ф. Сташкевичу; Агеенко П.Д. Нахождение останков мамонта на территории Ханты-Мансийского национального округа.
- Белобородов В. Краевед-тоболяк М.П. Копотилов. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 3.
- К 100-летию со дня рождения.*
Белобородов В. Куда душа, туда и я. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 4. – Из содерж.: На пути к Панацее: (Из книги Ю. Конева).

О книге-автобиографии Ю.Е. Конева, ученого-микробиолога, доктора биологических наук «Как мы искали Панацею».

Белобородов В. Ларьякский этнограф. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 4-5. – Библиогр.: 10 назв.

О Григории Матвеевиче Дмитриеве-Садовникове, одном из крупных краеведов западносибирского Севера.

[Белобородов В.] Любознательный офицер: Сургутяне. – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 4.

О Леониде Александровиче Дювернуа, начальнике сургутской воинской команды (1887 г.), проявившем интерес к быту коренных обитателей края.

Белобородов В. Медицинские работники и северное краеведение. – 1995. – № 7 (28 сент.). – С. 5. – Окончание. Нач. в № 5. – Содерж.: Глебовский-Гулькевич Алексей Петрович; Зальмунин Израиль Ицкович; Клячкин Вениамин Ефимович; Коган Николай Семенович; Корииков-Михайлов Леонид Александрович; Сенкевич Эмиль Марианович; Штернберг Аарон Яковлевич.

Белобородов В. Наследство Василия Земцова. – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 9.

О Василии Трофимовиче Земцове, жителе с. Самарово, промышленнике, меценате, учредителе рыбной школы (1896 г.).

Белобородов В. «Наполивановские» планы: К 55-летию со дня рождения В.П. Поливанова. – 1997. – № 9 (6 сент.). – С. 3-4.

О Валерии Павловиче Поливанове, журналисте окружной редакции радиовещания.

Белобородов В. П.И. Лопарев: Материалы к биографии. – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 3-4. – Библиогр.: 13 назв.

Белобородов В. Памяти М.Т. Яковлева. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 6.

О ветеране Великой Отечественной войны, общественном деятеле.

[Белобородов В.] Предприниматель, исследователь Сибири, меценат: К 150-летию со дня рождения А.М. Сибирякова. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 5.

Белобородов В. Просвещенец М.А. Протопопов: Югорские краеведы: новые материалы. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 4-5.

Белобородов В. Педагог от бога. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 5-6.

О Степане Филипповиче Пестове, педагоге и краеведе.

Белобородов В. Реполовское мыло. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 2.

Об Илье Ивановиче Пластинине, крестьянине, члене Тобольского губернского музея, общественном деятеле, меценате, хозяйственнике-экспериментаторе.

[Белобородов В.] С.Л. Панкратьев: Самаровцы. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 5.

О Семене Ларионовиче Панкратьеве, активном помощнике А.А. Дунина-Горкавича в деле продвижения земледелия на Обь-Иртышском Севере.

[Белобородов В.] С юбилеем, Юрий Георгиевич! – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 3.

К 75-летию Юрия Георгиевича Созонова, педагога, заслуженного учителя России, почетного гражданина города Ханты-Мансийска.

Белобородов В. Самоцвет в простой оправе. – 1995. – № 4. – С. 4.

О Петре Ефимовиче Шешкине, скульпторе, заслуженном работнике культуры России.

Белобородов В. Сибирский историк и писатель М.Е. Бударин: К 75-летию со дня рождения. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 2.

[Белобородов В.] Сосьвинские долгожители. – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 5.

Долгожители Березовского района.

Белобородов В. Сыромятниковское дело. – 1999. – № 11 (14 нояб.). – С. 5.

К 140-летию Александра Адриановича Сыромятникова, предпринимателя и общественного деятеля.

[Белобородов В.] Ученые и краеведы Югры: новые материалы: М.Г.Корсунский. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 4.

О студенте-исследователе, сосланном в Тобольскую губернию за принадлежность к военно-революционной организации РСДРП.

[Белобородов В.] Ученый, практик, организатор научных исследований: (К 80-летию Г.М. Пуртова). – 2000. – № 12 (4 янв.). – С. 3.

[Белобородов В.] Учитель Зобнин: Сургутяне. – 1998. – № 10 (29 дек.). – С. 4.

О Филиппе Кузьмиче Зобнине, преподавателе мужского приходского училища (г. Сургут), исследователе этнографии и истории Западной Сибири.

[Белобородов В.] Учитель учителей. – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 3.

К 95-летию Павла Кузьмича Животикова, педагога, исследователя хантыйского языка, организатора народного образования в округе.

[Белобородов В.] Ф.К. Соскин: Самаровцы. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 3.

О самаровском купце Федоре Константиновиче Соскине.

[Белобородов В.] Х.М. Лопарев: Новые материалы. – 1997. – № 10 (13 сент.). – С. 1.

О Хрисанфе Мефодьевиче Лопареве, библиографе, византиноведе, авторе книги «Самарово...».

Белобородов В. Церковь и северное краеведение. – 1995. – № 1 (8 апр.). – С. 5. – Содерж.: Сургутсков Иван Иванович; Голошубин Иван Степанович; Закомельский Павел Алексеевич.

О представителях духовенства, внесших значительный вклад в исследование нашего края в конце XIX – начале XX века.

Белобородов В. Эффект присутствия. – 1995. – № 5 (20 июля). – С. 3.

О Владимире Ивановиче Плесовских, журналисте, краеведе, общественном деятеле.

Вожакова Е. Наша наставница: К 75-летию А.М. Тахтуевой. – 1999. – № 4 (27 апр.). – С. 6.

Об Александре Матвеевне Тахтуевой – педагоге, научном сотруднике НИИ возрождения обско-угорских народов, исследователе хантыйской культуры.

Гордеев Ю.И. Становление натуралиста. – 1997. – № 3 (22 марта). – С. 9-10.

Автобиография Юрия Ивановича Гордеева, биолога и краеведа, автора книги «Птицы тайги».

Горшкова К. Поэт и краевед П.П. Толстиков. – 1999. – № 8 (19 авг.). – С. 3.

Делился всем, что имел. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 1.

Об Анатолии Николаевиче Субботине, краеведе.

Дмитриенко Н. Губернатор Гондатти. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 10-11.

О Николае Львовиче Гондатти, ученом, политическом деятеле, авторе работ «Кульмт медведя у инородцев Северо-Западной Сибири», «Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири» и др.

Клепиков В. «Давайте собираться вместе...». – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 3.

Об Альбине Григорьевне Гаевской, библиотекарке с. Тюли Ханты-Мансийского р-на, краеведе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конев Ю.Е. Человек, дарящий духовность. – 1997. – № 4/5 (12 апр.). – С. 20.
Об Аркадии Степановиче Знаменском, заслуженном учителе, философе, краеведе.
- Константинов В. Пластинины. – 1998. – № 7 (3 сент.). – С. 5.
- Константинов В. Предприниматель С. П. Шахов. – 1998. – № 6 (18 авг.). – С. 5.
О Семене Прокопьевиче Шахове, коренном березовце.
- Константинов В. Башмаковы: (Фамилия). – 1998. – № 8 (27 окт.). – С. 6.
- Копотилова Е.Г. Так было. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 5. – Окончание. Нач. в № 4.
Евгения Григорьевна – о судьбе своей семьи.
- Краевед Т.Д. Шуваев: (К 80-летию со дня рождения). – 1995. – № 4. – С. 3.
- Кузнецов А. Учитель на всю жизнь. – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 6.
О Степане Филипповиче Пестове, педагоге и краеведе.
- Мадьярова М. Мать матерей. – 2000. – № 12 (4 янв.). – С. 5.
Об Анне Митрофановне Коньковой, педагоге, писательнице.
- Михайленко А. Выходные дни – для других: К 100-летию со дня рождения И.Ф. Гладкого. – 1996. – № 8 (27 авг.). – С. 4-5.
Об Иване Федоровиче Гладком, главном враче Березовской районной больницы.
- П.Е. Шешкин о себе / Зап. В. Белобородов. – 1995. – № 4. – С. 5.
Петр Ефимович Шешкин, скульптор, заслуженный работник культуры России.
- Патранова В. «Милейший Виктор Григорьевич». – 1998. – № 2 (25 апр.). – С. 5.
О Викторе Григорьевиче Балине, исследователе Севера, первом землеустроителе округа.
- Петрушин А. Черные дни югорского краеведения. – 1996. – № 10 (31 окт.). – С. 7.
Биографии исследователей края: Михаила Петровича Копотилова, Константина Петровича Самко, Арсения Григорьевича Фокина, Пантелеймона Петровича Чукомина, Александра Михайловича Чернобая по материалам архивных следственных дел НКВД.
- Показаньев Ф.Я. Краевед прошлого: новые материалы. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 6.

О Григории Матвеевиче Дмитриеве-Садовникове, учителе Ларьякской школы и Тимофее Ивановиче Миронове, агрономе.

Прибыльский Ю.П. Ямальский самородок. – 1996. – № 11 (26 нояб.). – С. 7.

К 70-летию Николая Савватьевича Канева, ветерана войны и труда, известного краеведа.

Райшев Г. Учитель на всю жизнь: (К 100-летию педагога и мыслителя А.С. Знаменского). – 1997. – № 11 (25 окт.). – С. 4.

Рощевская Л. Сибирский историк Н.В. Горбань. – 1996. – № 5 (28 мая). – С. 3.

Северное духовенство на страницах энциклопедии «Югория». – 1999. – № 6 (24 июня). – С. 6. – Содерж.: Мавлютова Г.Ш. Вологодский Лука Петрович; Коновалова Е.Н. Егоров Иван Ефимович; Чернышов А.В. Попов Петр Александрович; Чернышов А.В. Скосырев Дорофей.

Силин А.И. О человеке, записавшем «Монти Танья»: (Автобиография Александра Ивановича Силина). – 1998. – 27 окт. (№ 8). – С. 5.

«Судьбы моей простое полотно» / Зап. А.Н. Дробышев. – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 6.

О Евдокии Александровне Белкиной – одной из первостроительниц пос. Аган, наблюдателе на гидрометеорологическом посту (1958-1966), секретаре Аганского сельского Совета (1966-1971).

Сургутсков А.Д. И вновь бы пошел за той же мечтой. – 1997. – № 8 (26 июля). – С. 11-13.

Андрей Дмитриевич – капитан теплохода «Ленинский комсомол», Почетный работник речного флота, художник – о себе.

Флегонт Яковлевич Показаньев: [Некролог]. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 6.

О старейшем сургутском краеведе, общественном деятеле.

Хомяков Анатолий Николаевич: (Краткая биография). – 1997. – № 6 (24 мая). – С. 3.

О ветеране Великой Отечественной войны, директоре Учинского этнографического музея, краеведе.

Библиография. Обзоры. Рецензии

Автор книги – полковник Петрушин. – 1999. – № 9 (14 сент.). – С. 3.

О книге А. Петрушина «Мы не знаем пощады» – о ЧК, ГПУ, НКВД и КГБ, о сотрудниках этой организации и тех, кто был объектом их внимания.

Антуфьева Н. «Земля открытий» Л.А. Пимановой. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 8.

Белобородов В. Альманах «Отечество» о Сибири. – 1996. – № 3 (26 марта). – С. 8. – Библиогр.: 7 назв.

[Белобородов В.] Десять лет с Кучумом / Беседа с В.Ю. Софроновым. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 4.

Писатель, краевед – о своем творческом пути.

Белобородов В. Заглянем в календарь. – 1999. – № 2 (25 февр.). – С. 3.

О 8-м выпуске Краеведческого календаря юбилейных и памятных дат Ханты-Мансийского автономного округа на 1999 год, выпущенном окружной библиотекой.

[Белобородов В.] Издано в 1998 году: (Литература о Ханты-Мансийском округе). – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 6.

[Белобородов В.] История краеведения: первый опыт. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 1.

О книге «Югорские краеведы: материалы к библиографическому словарю / сост. В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова.

Белобородов В. К вопросу о «Ханты-Мансийской энциклопедии». – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 2.

Белобородов В. Классика югорского краеведения. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 7.

К 100-летию со дня выхода в свет 2-го издания книги Х.М. Лопарева «Самарово: село Тобольской губернии и округа».

[Белобородов В.] «Краевед» в 1999 году: Указ. ст. – 2000. – № 12 (4 янв.).

Белобородов В. Краеведение сегодня: Указ. ст., опубликованных в «Краеведе» в 1995-1997 гг. – 1998. – № 4 (16 июня). – С. 5. – Окончание. Нач в № 3.

[Белобородов В.] Краеведение сегодня: Указ. ст., опубликованных в «Краеведе» в 1998 г. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 5.

[Белобородов В.] Новые книги о крае. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 6.

Белобородов В. [О создании учебника и хрестоматии по истории округа]. – 1997. – № 7 (21 июня). – С. 1.

Белобородов В. Опыт, достойный внимания читающей публики. – 1999. – № 1 (2 февр.). – С. 4.

Обзор тюменского журнала «ЛУКИЧ» («Литературные университеты, краеведение, искусство» (1999. – № 3 (окт.)).

Белобородов В. «Столица северного края». – 1995. – № 6 (31 авг.). – С. 8.

Об одноименном труде С. А. Белобородова по истории Самарово – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска.

Белобородов В. Энциклопедия в зародыше. – 1996. – № 12 (24 дек.). – С. 2.

О заседании научно-редакционного совета и редколлегии по вопросам издания «Энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа», посвященном рассмотрению рабочего варианта алфавитного словника энциклопедии.

Бугров Д.В. Требуется серьезная доработка / Д.В. Бугров, А.Т. Шашков. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 6.

О проведении рабочей группой археологов и историков НППМ «Волот» (официальный представитель исторического факультета УрГУ) экспертизы «Словника Энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа» и возникших замечаниях по разделу истории края.

Вибе П.П. Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 8.

О первой краевой энциклопедии (1929–1933 гг.).

Доронькин В.М. Ценное справочное издание / В.М. Доронькин, А.Ф. Володкович. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 9. – Рец. на словарь: Белоножко Ю.А. Сибирские члены и сотрудники Московского общества сельского хозяйства (1820–1869 гг.): Биобиблиогр. словарь // Сиб. вестн. с.-х. науки. – Новосибирск, 1992. – № 4. – С. 107–114.; № 2. – С. 90–97.; № 3. – С. 104–117; № 4. – С. 78–85; 1994. – № 3/4. – С. 132–139; 1995. – № 1/2. – С. 82–92.

Егорова О. [О новой книге Н.Б. Патрикеева «Югра: веки жизни»]. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 1.

Егорова О. «Тем, кто ищет в прошлом огонь, а не пепел...». – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 1.

О биобиблиографическом словаре «Ученые и краеведы Югры» (Сост.: В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. – Тюмень, 1997).

Константинов В. Настольная книга краеведа. – 1996. – № 1 (25 янв.). – С. 8.

О шестом выпуске общероссийского краеведческого альманаха «Отечество».

Константинов В. Ценный труд омских краеведов. – 1996. – № 2 (27 февр.). – С. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

Об «Омском историко-краеведческом словаре» (М.: Отечество, 1994. – 320 с.).

Кряжимский Ф. Человек и олень. – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 11. – Рец. на кн.: Новиков В.П. История кондинских оленей. – Екатеринбург, 1996. – 90 с.

Медведева О. Финно-угорские народы: Обзор литературы. – 1995. – № 8 (31 окт.). – С. 3.

Медведева О. Юбилейный номер «Югры». – 1995. – № 10 (9 дек.). – С. 7.

Новиков В. «Он счастлив, у него своя стезя...»: К выходу в свет книги А. Тарханова и А. Пашука «Лоси спешат домой». – 1995. – № 9 (28 нояб.). – С. 2.

Новые книги. – 1998. – № 1 (5 марта). – С. 1.

Патрикеев Н.Б. Замечания по разделу «История»: И снова о словнике Энциклопедии. – 1997. – № 1 (25 янв.). – С. 7.

По страницам будущей «Энциклопедии округа». – 1997. – № 12 (16 дек.). – С. 5. – Из содерж.: Мешков Ю.А. «Варта»; Мешков Ю.А. «Варьеганский вестник»; Белобородов В.К. Васильев Василий Владимирович; Кулахметов Н.Х. Восточно-Сургутское нефтяное месторождение; Клюева В.П. Сибирский приказ.

По страницам энциклопедии «Югория». – 1999. – № 3 (25 марта). – С. 3-4. – Содерж.: Мухачев И.С. Вотинов Николай Петрович; Решетов А.М. Митусова Раиса Павловна; Мешков Ю.А. Панов Иван Степанович; Савина Н.В. Скобель Леонид Сергеевич; Бардин Г.И. Тандалов Валентин Васильевич; Белобородов В.К. Колпаковский Герасим Алексеевич.

Попадинец Е. Как работают на «местах». – 1997. – № 12 (16 дек.). – С. 4.

О сборе материала о Советском районе для «Энциклопедии округа».

Привет, «Лукич»! – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 4.

О презентации десяти томного издания произведений писателей Тобольской губернии, выпущенного тюменским издательством «Софт-Дизайн» в серии «Невидимые времена», первого номера литературно-краеведческого журнала «Лукич», г. Тюмень.

Пуртова Т. Дошедшие через время. – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 5.

О книгах по истории края, вышедших в серии «Невидимые времена».

Пуртова Т. Издано в 1998 году: (Литература о Ханты-Мансийском округе). – 1999. – № 5 (20 мая). – С. 5-6.

Пуртова Т. Краеведческая книга: (издания 1996 года). – 1997. – № 2 (15 февр.). – С. 12.

Пуртова Т. Новоселы книжных полок. – 1998. – № 5 (23 июля). – С. 6.
О новых поступлениях в фонд краеведческого отдела окружной библиотеки.

Пуртова Т. Новые книги о войне. – 1995. – № 4. – С. 2.
О книгах, которые были изданы к 50-летнему юбилею Победы и дополнили фонд окружной библиотеки.

Пуртова Т. Страницы мужества: Округ в литературе о войне. – 1995. – № 2 (29 апр.). – С. 9.

Тобольское книгопечатание. – 1996. – № 9 (26 сент.). – С. 2.
О кандидатской диссертации по теме «Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX – начала XX веков)», автор – Е.Н. Коновалова, заведующая сектором редких краеведческих книг Тюменской областной научной библиотеки.

Федорова Н.Н. В тайны орнамента. – 1999. – № 7 (15 июля). – С. 3.
О монографии Т.А. Молдановой «Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис».

Федорова Н. Новая встреча. – 1998. – № 8 (27 окт.). – С. 3.
О новом альбоме, посвященном творчеству художника Геннадия Райшева.

Фролов Н. Все идет по плану. – 1997. – № 12 (16 дек.). – С. 4.
Руководитель рабочей группы – о работе над «Энциклопедией округа».

Храмцов А. «Кучум» закончил поход. – 1998. – № 9 (24 нояб.). – С. 1.
О романе-трилогии В.Ю. Софронова «Кучум».

«Югория» расскажет о Севере. – 1999. – № 11 (18 нояб.). – С. 4.
Об одноименной энциклопедии, выпуск которой приурочен к 70-летнему юбилею округа.

Содержание

Источник

Титов А. Мои воспоминания о северном крае
Тобольской губернии 3

К 415-летию Березова

П-ровский Н. Из Березова..... 22

Описание прихода села Чемашевского
Березовского уезда, составленное священником
Зосимой Козловым (отрывок)..... 48

Белобородов В. Круги на воде..... 54

Тропа жизни

Белобородов В. Поэт, сторонившийся славы..... 63

Белобородов В. С духовной миссией по Сибири 76

Краеведение

Мурашова Н. История библиотеки
Тобольского губернского музея (1870-1917 гг.)..... 81

Тропа жизни

Пьянков К. Как мы оказались в Ландиной..... 93

Родное

Федулов А. Деревенская порода..... 96

Круг чтения

«...и Сибирь меня не забудет»..... 118

Культура

Наумова Н. Жилплощадь для истории 128

Пуртова Т. 15 лет югорского книгоиздания 132

Юбилей

Анисимова Л., Волженина С. «Всегда ваша...»: заметки по поводу юбилея Марии Мадьяровой..... 136

Путешествия

Митусова Р. Год среди лесного народа..... 142

Содержание «Краеведа» –

приложения к газете «Новости Югры». 1995-2000 гг. 190

Редактор-составитель
Белобородов Валерий Константинович

ПОДОРОЖИЕ

Краеведческий альманах Выпуск 8

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Технический редактор Е.В. Герасименко
Оператор верстки Э.О. Красильникова
Корректор О.А. Перетяцько
Дизайн обложки Н.Г. Золотухиной

Оригинал-макет, верстка, цветоделение обложки и печать
выполнены ГП «Полиграфист».

Подписано в печать 13.12.2007 г. Формат 60x84/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,25. Тираж 300 экз. Заказ № 4525.

ГП «Полиграфист».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 3-29-84, 3-49-91.
E-mail: polygraf@wsmail.ru

385-66

173412008

Государственная библиотека Югры

